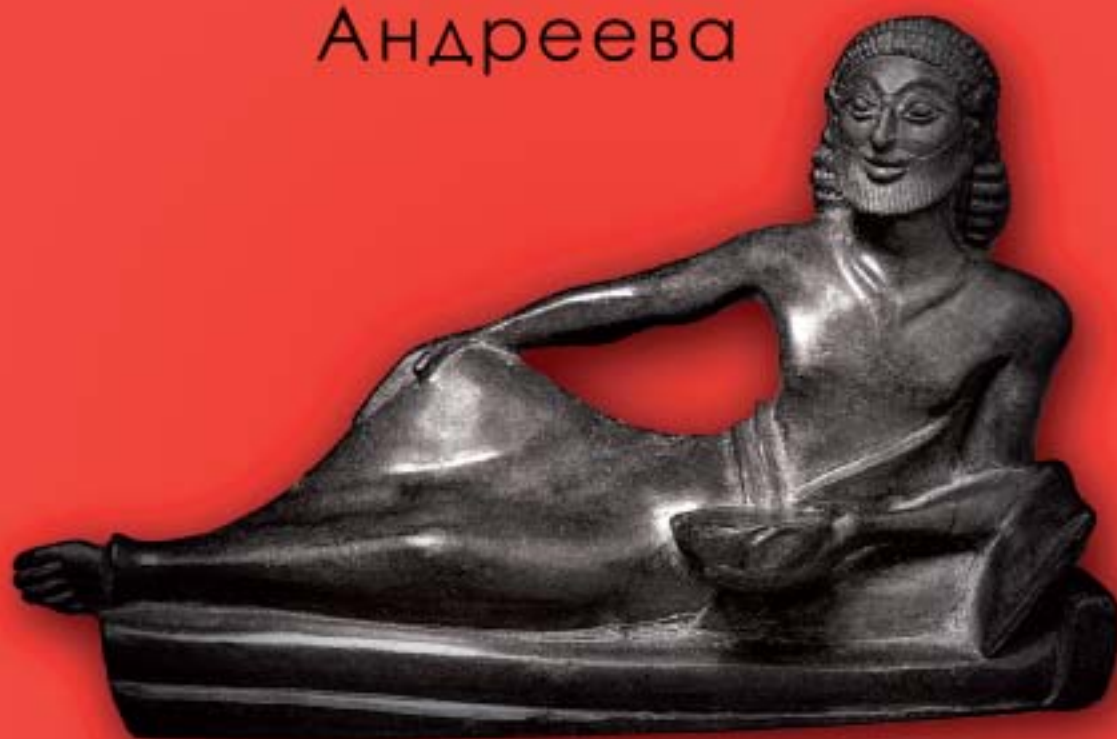

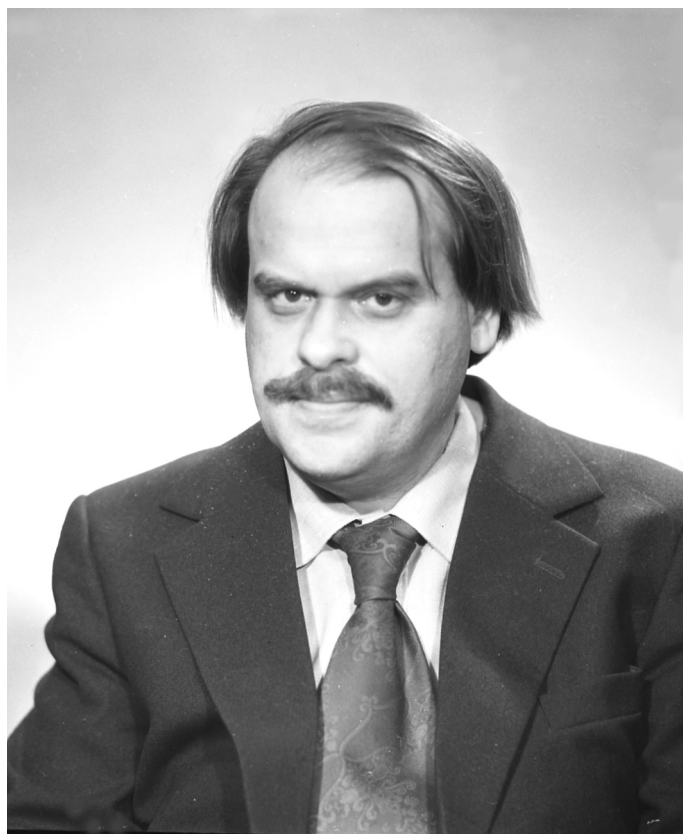

Ф И Д И Т И Я

ПАМЯТИ

Юрия Викторовича
Андреева

*Юрий Викторович Андреев
(1937–1998)*

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

ΦΕΙΔΙΤΙΑ.

In memory of Yury Viktorovich Andreev

St. Petersburg
2013

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

ФИДИТИЯ.

Памяти Юрия Викторовича Андреева

ДБ

Санкт-Петербург
2013

УДК 904
ББК 63.4;63.3(0)32

Редакционная коллегия: Ю. А. Виноградов, М. Ю. Вахтина, В. А. Горончаровский
Editorial Board: Yu. A. Vinogradov, M. Yu. Vakhtina, V. A. Goroncharovsky

Издательская подготовка: Л. Б. Кирчо, В. Я. Стеганцева
Copy editing: L. B. Kircho, V. Ya. Stegantseva

ФИДИТИЯ: Памяти Юрия Викторовича Андреева = ΦΕΙΛΙΤΙΑ: In memory of Yury Viktorovich Andreev. – СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2013. – 111 с.: ил.

ISBN 978-5-86007-747-8

Сборник научных трудов «Фидития» посвящен памяти замечательного исследователя, доктора исторических наук Юрия Викторовича Андреева (1937–1998), почти на сорок лет связавшего свою жизнь с историей и археологией античного мира. Широкий круг его научных интересов и дружеского общения нашел свое отражение в статьях, написанных друзьями, коллегами и учениками. В связи с этим тематика сборника достаточно разнообразна: от воспоминаний об ученом и его небольшой неопубликованной работы до исследований, затрагивающих наряду с аккадской глиптикой или погребениями протогеометрического периода в Аттике вопросы изучения археологических памятников античного Боспора.

Книга рассчитана как на специалистов в области истории и культуры древнего мира, так и на широкую студенческую аудиторию гуманитарных специальностей.

The present volume is dedicated to the memory of Yury Viktorovich Andreev (1937–1998) – an outstanding scholar, who devoted his life to the study of Classical history and archaeology. The breadth of Yu. V. Andreev's research interests and personal connections finds reflection in this collection of papers written by his friends, colleagues, and pupils. This is why the contents of this volume are so variegated, covering a wide range of topics from memories about the scholar to studies of Akkadian glyptics, burials of the Proto-Geometric period in Attica, and archaeological sites of ancient Bosphorus.

The book is intended for both the specialists in the realm of the Classical history and culture, and for all those who study humanities.

УДК 904
ББК 63.4;63.3(0)32

На обложке:

Бронзовая фигура участника пира. Греция, VI в. до н. э., святилище Зевса в Додоне (?)
(по *L. Burn. Greek and Roman Art. London, 2005*).

Все права защищены. Никакая часть книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая фотокопирование, размещение в Интернете и запись на магнитный носитель, без письменного разрешения владельца. Цитирование без ссылки на источник запрещено. Нарушение прав будет преследоваться в судебном порядке согласно законодательству РФ.

По вопросу разрешения и приобретения неисключительного права обращаться в редакцию издательства по e-mail: redaktor@dbulanin.ru.

ISBN 978-5-86007-747-8

© Институт истории материальной культуры РАН, 2013
© Коллектив авторов, 2013
© ООО «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2013

СОДЕРЖАНИЕ

<i>К. К. Марченко, Ю. А. Виноградов</i> Вспоминая Юрия Викторовича Андреева	7
<u><i>А. Н. Васильев</i></u> О неопубликованной работе Ю. В. Андреева и А. И. Доватура	12
<u><i>Ю. В. Андреев, А. И. Доватур</i></u> Отзыв о работе В. А. Белявского о греко-персидских войнах	14
<i>В. К. Афанасьева</i> Шумерская литература и аккадская глиптика	20
<i>И. Ю. Шауб</i> «От Евразии к Европе» Ю. В. Андреева и некоторые проблемы религии минойского Крита	27
<i>Д. В. Панченко</i> Погребения северного типа в протогеометрической Аттике	34
<i>Ю. А. Виноградов</i> Об изучении курганного некрополя Юз-Оба под Керчью	39
<i>С. В. Кашаев</i> Бронзовые предметы из раскопок некрополя Артющенко-2	52
<i>М. Ю. Вахтина</i> Фрагмент чернофигурного лекифа из Порфмия: об одной из возможных интерпретаций образа «скифского лучника»	59
<i>В. А. Горнчаровский</i> «Охотники» в росписи пантикапейского склепа 1841 г. и гладиаторские игры на Боспоре	72
<i>Ю. П. Калашник</i> Пантикапейские индикации	85
<i>В. А. Христановский</i> Эллинистический склеп на некрополе Китея	100
<i>Н. А. Павличенко</i> Находка римского клейма в Китее	108
Список сокращений	111

CONTENTS

<i>K. K. Marchenko, Yu. A. Vinogradov</i> Thinking of Yury Viktorovich Andreev	7
<u><i>A. N. Vasiliev</i></u> About an unpublished work by Yu. V. Andreev and A. I. Dovatur	12
<u><i>Yu. V. Andreev, A. I. Dovatur</i></u> Review of V. A. Belyavsky's work about the Greek-Persian wars	14
<i>V. K. Afanasieva</i> Sumerian literature and Akkadian glyptics.	20
<i>I. Yu. Schaub</i> «From Eurasia to Europe» by Yu. V. Andreev, and some problems in the study of Minoan religion.	27
<i>D. V. Panchenko</i> Northern type burials in Proto-Geometric Attica	34
<i>Yu. A. Vinogradov</i> On the study of the kurgan necropolis of Yuz-Oba near Kerch	39
<i>S. V. Kashaev</i> Bronze objects from the Artyushchenko-2 necropolis	52
<i>M. Yu. Vakhtina</i> Fragment of a black-figured lecythus from Porphmium: one of possible interpretations of the "Scythian archer" image	59
<i>V. A. Goroncharovsky</i> "Hunters" in the painting of the Panticapaeum vault discovered in 1841, and gladiatorial games on Bosphorus	72
<i>Yu. P. Kalashnik</i> Panticapaeum indications	85
<i>V. A. Khrshanovsky</i> Hellenistic tomb in the necropolis of Kytaion	100
<i>N. A. Pavlichenko</i> Discovery of a Roman stamp in Kytaion	108
List of abbreviations	111

ВСПОМИНАЯ ЮРИЯ ВИКТОРОВИЧА АНДРЕЕВА

К. К. Марченко, Ю. А. Виноградов

Время идет очень быстро. В 2012 г. мы отметили 75-летие со дня рождения Ю. В. Андреева, а ведь всего четыре года назад в стенах Института истории материальной культуры РАН прошло расширенное заседание Ученого совета ИИМК, посвященное 10-летию со дня его ухода из земной жизни (Виноградов, Кашаев 2008). Память об этом выдающемся ученом, докторе исторических наук, профессоре, заведующем Отделом истории античной культуры ИИМК в 1986–1998 гг., замечательном человеке и товарище хранится в наших сердцах как некое сокровенное достояние.

Не будет преувеличением сказать, что научная, научно-организационная и педагогическая деятельность Юрия Викторовича столь многообразна и обширна, что более или менее адекватная ее оценка в кратком сообщении просто невозможна (см.: Шауб 1999; 2000а; 2000б; Зайцев 2000а; 2000б). Попытаемся напомнить коллегам хотя бы несколько дат и фактов из жизни ученого.

1937 г. – год рождения в Ленинграде, в семье рядовых инженеров. Впереди были война и блокада.

В 1942 г. пятилетнего мальчика эвакуируют из осажденного и смертельно голодного города в Казахстан. Но уже в 1944 г. он вместе с семьей возвращается в Ленинград и сразу же поступает в среднюю школу.

1954 г. – год успешного завершения обучения в школе. Аттестат зрелости и золотая медаль за отличную успеваемость, – факт, несомненно, весьма показательный.

В том же 1954 г. Юрий Викторович был принят на первый курс исторического факультета Ленинградского государственного университета, где стал специализироваться при кафедре Древней Греции и Рима под руководством профессора К. М. Колобовой.

1959 г. – окончание университета, опять же с отличием.

Далее – годы напряженной учебы в аспирантуре при той же кафедре, защита сначала кандидатской диссертации по теме «Мужские союзы в дорийских городах-государствах (Спарта и Крит)» в 1967 г., а затем, в 1979 г., и докторской «Гомеровское общество (Основные тенденции социально-экономического и политического развития Греции в XI–VIII вв. до н. э.)».

Казалось бы, внешне все обстояло весьма благополучно – успешная учеба, любимая работа, научная и педагогическая деятельность, признание коллег, наконец, неуклонное продвижение по служебной лестнице: ассистент кафедры, доцент, профессор. Однако смеем предположить, что одновременно существовало и другое – постепенно накапливающаяся неудовлетворенность происходящим. Впрочем, здесь мы можем встать на скользкий путь догадок и предположений. В этой связи, быть может, резонно предположить, что ученого совершенно не удовлетворяло почти полное отсутствие реальных возможностей публикации своих трудов. Постоянная и, как теперь становится все более и более ясным, весьма плодотворная работа, требовавшая напряжения всех творческих сил, во многом шла в ящик

письменного стола. Конечно же, существовали и иные негативные факторы, но о них сегодня вряд ли стоит вспоминать.

В 1982 г. Юрий Викторович переходит из ЛГУ в ЛОИА АН СССР и с 1986 г. возглавляет Группу античной археологии (ныне Отдел истории античной культуры ИИМК РАН). Решение, на первый взгляд, неожиданное и, как может показаться, весьма спорное. Но, как показало дальнейшее развитие событий, оно оказалось вполне органичным и правильным.

Будучи по сути своей кабинетным ученым, Ю. В. Андреев в научной практике всемерно опирался на археологические реалии. Исследование Элладской культуры, Крито-Микенской цивилизации, Гомеровского времени, эпохи «темных веков», т. е. все то, что всегда интересовало ученого, вся эта обширнейшая научная тематика базируется в основном на данных мировой археологии. Прекрасный аналитик, систематик и знаток литературы, т. е. ученый, обладающий огромными познаниями, Юрий Викторович стал для археологов нашего Отдела настоящим лидером. По его инициативе мы приступили к написанию коллективной работы «Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху». Ю. В. Андреев принял активнейшее участие в подготовке этой книги, но, к сожалению, она была опубликована лишь в 2005 г., уже после смерти ученого.

Но дело не только в этом. Юрий Викторович был для нас своего рода учителем. Регулярные доклады и сообщения по важнейшим вопросам социально-экономической и политической истории, культурного и идеологического развития древних цивилизаций Эгеиды открывали для археологов, профессионально изучающих греческие колонии северного берега Понта, огромный мир новых научных идей и представлений. В этом отношении он успешно продолжил свою преподавательскую деятельность, и за это ему наша огромная благодарность и признательность.

Совершенно иное дело – полевая археология, которая связана отнюдь не только с замечательными открытиями никому не известных памятников древности, с находками прекрасных древнегреческих ваз. Увы, она предполагает и бытовые трудности, непогоду, дырявые палатки, влажные спальные мешки, постоянную заботу о хлебе насущном и физическую работу, работу, работу... Эту сторону нашей научной деятельности, конечно, надо знать изнутри, и Юрий Викторович неоднократно отправлялся в экспедиции – на раскопки Елизаветовского городища на Нижнем Дону или рядовых поселений сельской округи Ольвии на правом берегу Бугского лимана.

Все прекрасно знают, что для того чтобы узнать человека, не обязательно съезжать с ним «пуд соли» в течение многих лет. Для этого достаточно увидеть его рядом с собой в трудной ситуации, в серьезном деле. Мы видели Юрия Викторовича и в такой, непривычной для него обстановке. Он оказался настоящим товарищем, не обращающим особого внимания на постоянно возникающие трудности, способным создать вокруг себя самым естественным образом ауру настоящей интеллигентности, тепла и научной заинтересованности.

Научное наследие, оставленное Ю. В. Андреевым, поистине огромно. Среди его фундаментальных трудов назовем некоторые: «Раннегреческий полис» (Л., 1976), «Островные поселения Эгейского мира в эпоху бронзы» (Л., 1989), «Поэзия мифа и проза истории» (Л., 1990), «Цена свободы и гармонии. Несколько штрихов к портрету греческой цивилизации» (СПб., 1998 и 1999), «От Евразии к Европе: Крит и Эгейский мир в эпоху бронзы и раннего железа» (СПб., 2002), «Мужские союзы в дорийских городах-государствах (Спарта и Крит)» (СПб., 2004), «Гомеровское общество» (СПб., 2004), «Архаическая Спарта. Искусство и

Рис. 1. Ю. В. Андреев: 1 – ученик Петершуле, окончивший ее с золотой медалью, 1954 г.; 2 – аспирант-преподаватель на кафедре истории Древней Греции и Рима ЛГУ; 3 – на заседании кафедры; 4 – защита дипломных работ на кафедре, конец 1960-х–начало 1970-х гг.

Рис. 1

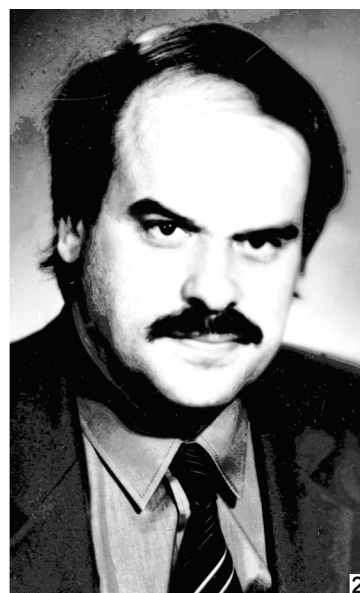
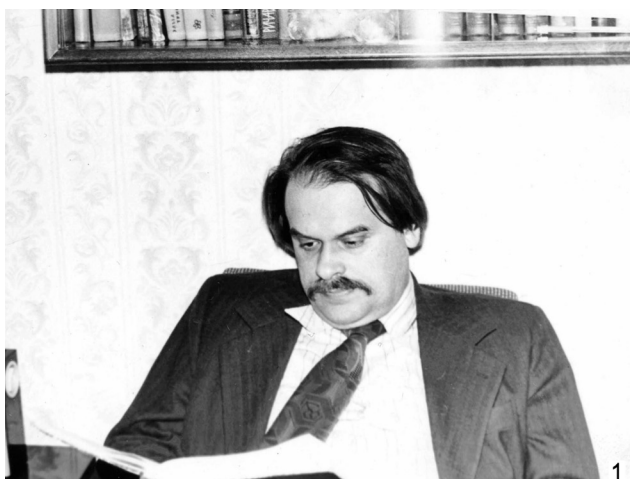

Рис. 2

политика)» (СПб., 2008). Нет сомнения в том, что все вышеназванные исследования вошли в золотой фонд мировой античной библиотеки (см.: Кессиди 2000; Глазычев 2000; Перл 2000; Виноградов 2003; Никоноров 2004; Тохтасьев 2004; Широкова 2004; 2008; Перевалов 2007). Огромная заслуга в издании этих книг, несомненно, принадлежит ближайшему другу Юрия Викторовича – его жене Людмиле Викториновне Шадричевой. Все мы должны выразить ей огромное признание и хвалу за ее бесценный, самоотверженный труд. В последние годы Людмила Викториновна сумела подготовить к печати и опубликовать сборник статей Ю. В. Андреева, разбросанных в различных, порой мало доступных для читателя изданиях, а также выдержки из его интереснейших записных книжек – Ю. В. Андреев «В ожидании “греческого чуда”. Из записных книжек» (СПб., 2010).

Есть надежда, что на этом дело не остановится, и будущие юбилеи Юрия Викторовича мы встретим с новыми изданиями его неустаревающих научных трудов.

- Виноградов 2003 – *Виноградов Ю. А.* Ю. В. Андреев и его концепция раннегреческого полиса // *Андреев Ю. В.* Раннегреческий полис (гомеровский период): Избранные статьи. СПб., 2003. С. 5–22.
- Виноградов, Кашаев 2008 – *Виноградов Ю. А., Кашаев С. В.* Расширенное заседание Ученого совета Института истории материальной культуры РАН, посвященное памяти профессора Ю. В. Андреева // ЗИИМК. 2008. № 3. С. 236–238.
- Глазычев 2000 – *Глазычев В. Л.* Ю. В. Андреев. Цена свободы и гармонии. Несколько штрихов к портрету греческой цивилизации // ΣΥΣΣΙΤΙΑ. Памяти Юрия Викторовича Андреева. СПб., 2000. С. 28–30.
- Зайцев 2000а – *Зайцев А. И.* Юрий Викторович Андреев. Научное наследие // ΣΥΣΣΙΤΙΑ. Памяти Юрия Викторовича Андреева. СПб., 2000. С. 16–20.
- Зайцев 2000б – *Зайцев А. И.* Ю. В. Андреев: научное наследие // Древний мир и мы. СПб., 2000. С. 234–242 (Классическое наследие и мы. Т. 2).
- Кессиди 2000 – *Кессиди Ф. Х.* Новая концепция истории или еще раз о греческом феномене в книге «Цена свободы и гармонии. Несколько штрихов к портрету греческой цивилизации» // ΣΥΣΣΙΤΙΑ. Памяти Юрия Викторовича Андреева. СПб., 2000. С. 450–459.
- Никоноров 2004 – *Никоноров В. П.* Несколько слов о Юрии Викторовиче Андрееве и его книге // *Андреев Ю. В.* Гомеровское общество. Основные тенденции социально-экономического и политического развития Греции X–VIII вв. до н. э. СПб., 2004. С. 5–10.
- Перевалов 2007 – *Перевалов С. М.* Перечитывая Ю. В. Андреева // *Studia historica.* 2007. 7. С. 178–193.
- Перл 2000 – *Перл Н. Е.* О книге Ю. В. Андреева «Цена свободы и гармонии» // ΣΥΣΣΙΤΙΑ: Памяти Юрия Викторовича Андреева. СПб., 2000. С. 28–30.
- Тохтасьев 2004 – *Тохтасьев С. Р.* Предисловие редактора // *Андреев Ю. В.* Мужские союзы в дорийских городах-государствах (Спарта и Крит). СПб., 2004. С. 5–14.
- Шауб 1999 – *Шауб И. Ю.* Памяти Юрия Викторовича Андреева // АВ. 1999. № 6. С. 517–519.
- Шауб 2000а – *Шауб И. Ю.* Юрий Викторович Андреев (1937–1998) // ΣΥΣΣΙΤΙΑ. Памяти Юрия Викторовича Андреева. СПб., 2000. С. 10–16.
- Шауб 2000б – *Шауб И. Ю.* Ю. В. Андреев: штрихи к портрету // Древний мир и мы. СПб., 2000. С. 223–234 (Классическое наследие и мы. Т. 2).
- Широкова 2004 – *Широкова Н. С.* Этно- и культурогенез эллинской народности бронзового и раннего железного веков, процесс становления цивилизации нового типа в архаической Греции // АВ. 2004. № 11. С. 341–350.
- Широкова 2008 – *Широкова Н. С.* Спарта и лаконское искусство в книге Ю. В. Андреева // *Андреев Ю. В.* Архаическая Спарта. Искусство и политика. СПб., 2008. С. 5–18.

Рис. 2. Ю. В. Андреев: 1 – дома; 2 – в Москве, на конференции антиковедов, май 1997 г.; 3 – в Херсонесе, 1973 г.; 4 – в Ольвии, середина 1990-х гг.

О НЕОПУБЛИКОВАННОЙ РАБОТЕ Ю. В. АНДРЕЕВА И А. И. ДОВАТУРА

А. Н. Васильев

В фонде известного филолога-классика А. И. Доватура,¹ хранящемся в западноевропейской секции архива Санкт-Петербургского Института истории РАН (ф. 17), отложился большой массив рецензий и отзывов на работы других исследователей. Среди них имеется один отзыв, написанный А. И. Доватуром совместно с Ю. В. Андреевым, о работе В. А. Белявского о греко-персидских войнах (ф. 17, оп. 1, ед. хр. 47). Отзыв предназначался для обсуждения на заседании Группы истории древнейших государств на территории СССР Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР (ныне СПб ИИ РАН).

Об авторе рецензируемого исследования следует сказать особо.² Белявский Виталий Александрович (1924–1977) – специалист по истории Древнего Востока (ассириолог), участник Великой Отечественной войны, был дважды ранен, награжден боевыми орденами («Красной звезды», «Славы» III ст.) и медалями («За отвагу», «За взятие Кенигсберга» и др.). После демобилизации из рядов Советской армии в 1953 г. поступил на исторический факультет ЛГУ (1954), который окончил с отличием (1959) и поступил в аспирантуру восточного факультета ЛГУ. Подготовил кандидатскую диссертацию «Образование Ново-Вавилонского царства», которая получила положительные отзывы рецензентов и была рекомендована к защите на заседании кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ (апрель 1970 г.). Однако в силу ряда причин (объективных и субъективных) защита не состоялась. В. А. Белявский – автор более 30 работ (статей, рецензий, переводов), в том числе монографии «Вавилон легендарный и Вавилон исторический» М., 1971). Им была написана огромная трехтомная книга (около 1000 стр.) «По следам Геродота» (такое название фигурирует в некоторых документах В. А. Белявского). Рецензия на нее Ю. В. Андреева и А. И. Доватура публикуется ниже. Еще одна работа В. А. Белявского – «Рождение цивилизации» осталась незавершенной.

В данной публикации мы предлагаем полный текст документа. В нем восстановлены вычеркнутые авторами места, что оговаривается в соответствующих сносках. Отзыв представ-

---

¹ Доватур Аристид Иванович (1897–1982) – доктор филологических наук, профессор, видный представитель петербургской школы историко-классической филологии. Незаконно репрессированный в 1937 г. и получивший возможность полноценно заниматься наукой лишь после реабилитации в 1955 г., А. И. Доватур стал крупнейшим антиковедом, специалистом по изучению Геродота, Аристотеля, Феогида, эпиграфики античных городов Северного Причерноморья. Он – автор и редактор многих переводов греческих и латинских авторов, блестящий педагог, ученики которого работают во многих городах России и за рубежом. А. И. Доватур оставил богатое документальное наследие.

² Автор публикации выражает глубокую признательность вдове ученого О. П. Белявской за предоставленную возможность воспользоваться материалами при составлении исторической справки о В. А. Белявском.

ляет собой черновой автограф, написанный в обычной школьной тетради. Текст А. И. Доватура отличается широкое распределение на странице слов и букв и, напротив, текст его соавтора написан уборым подчерком, что делает его в значительной мере более компактным в общем объеме документа, хотя по содержанию он превышает написанное А. И. Доватуром. Оригинал документа имеет некоторую текстуальную особенность – страницы тетради заполнялись поочередно обоими авторами – А. И. Доватуром лицевая сторона страницы (32 л.), Ю. В. Андреевым – оборот той же страницы (2 об., 3 об., 8 об.–11 об., 13 об., 14 об., 17 об., 21 об.–25 об.). Для облегчения ориентации в авторстве отрывков мы сочли уместным в каждом конкретном случае указать фамилию автора приводимого далее текста.

Критическая направленность отзыва, который публикуется ниже, вполне очевидна. Неизвестно, была ли монография В. А. Белявского передана для дополнительного рецензирования, но она так и не была опубликована.

ОТЗЫВ О РАБОТЕ В. А. БЕЛЯВСКОГО О ГРЕКО-ПЕРСИДСКИХ ВОЙНАХ

Ю. В. Андреев, А. И. Доватур

Доватур: По прочтении работы В. А. Белявского у всякого внимательного читателя складывается заключение о большой начитанности, хорошей осведомленности автора. Автор вполне подготовлен для написания книги о столкновении греческого мира с персидским.

В самом деле, Геродот и другие греческие источники (Аристотель, Плутарх и др.) хорошо известны автору. Ход событий он ясно представляет себе в целом и в деталях. Умение ярко изобразить события, убедительно представить роль исторических деятелей, снабдить последних впечатляющей характеристикой свидетельствуют не только о способности В. А. Белявского разбираться в исторической обстановке, но и о литературном таланте.

Андреев: Несмотря на популярный характер, книга представляет и большой научный интерес. Она насыщена мыслью. В ней много оригинальных, подчас неожиданных суждений по самым различным вопросам исторической науки. Еще более интересной делают книгу широкие сопоставления удаленных во времени событий, которые в тех случаях, когда автор не злоупотребляет этим приемом, помогают еще ярче и рельефнее раскрыть его мысль перед читателем. Очень важно также и то, что книга имеет своей основой четкую научную концепцию прогрессивного развития древних обществ, благодаря которой автору удается организовать и последовательно изложить большой исторический материал.

Доватур: Такая работа несомненно многое даст читателям, а потому достойна опубликования.

Андреев: Многие идеи, высказанные в книге, безусловно, заслуживают самого серьезного внимания историков-специалистов. Так весьма плодотворными представляются нам размышления автора о двух формациях, сменяющих друг друга в истории древнего мира: архаической и античной. Хотя мы и не уверены в общеприемлемости предложенной им схемы. Очень интересны мысли о природе рабства, высказанные в 4-й главе I тома, и многое другое.

Доватур: Стоя на такой точке зрения и принимая во внимание самый замысел автора, мы хотели бы указать на те особенности его работы, которые, с одной стороны, безусловно помешают ее опубликованию, а с другой – вступают в противоречие с замыслами автора, им же самим выраженными.

Прежде всего, самый объем работы, если подумать о возможности ее напечатания, настоятельно требует ее сокращения. Никто и ничто не убедит нас в том, что такой обширный обзор, включающий в себя столько экскурсов и даже отступлений в собственном смысле, может быть представлен к печати. Следовательно, даже в практических целях мы обязаны рекомендовать уважаемому автору произвести основательную работу по сокращению его труда.

Предлагаемые нами сокращения должны идти по линии удаления всего того, что несовместимо с намерениями самого автора, а порой прямо противоречит им, а также и всего того, что имеет лишь слабое отношение к теме его работы.

Из предисловия В. А. Белявского явствует, что его книга обращена к широкому кругу читателей. Преобладание в ней повествовательных частей (это самая лучшая часть работы) подтверждает такое именно ее назначение. С другой стороны, некоторые стороны работы идут в разрез с установками и как бы сами напрашиваются на удаление из слишком разросшегося текста.

Андреев: При этом мы считаем, что речь должна идти не просто о сокращениях, а об изменении общего тона работы. Многие страницы, безусловно, должны оставить неприятный осадок у читателя, так как в них чувствуется плохо скрытая или даже прямо выставляемая напоказ агрессивность¹ автора. На всей книге лежит налет нездоровой сенсационности и разоблачительного пафоса, граничащего со скандалом. Такому впечатлению способствуют прежде всего призывы, брошенные во вступлении и затем многократно повторяющиеся в разных местах: «Долой так называемую науку и да здравствует традиция!». На наш взгляд, упорно отстаиваемая автором мысль о том, что нужно слепо и безоговорочно довериться традиции, отбросив в сторону все инструменты научной критики, созданные учеными XIX–XX вв., граничит с обскурантизмом. С таким же успехом можно было бы обратиться к биологам с призывом оставить микроскопы и прочие приборы и верить только тому, что можно увидеть простым глазом. Разумеется, научная критика традиции не всегда бывает права и в некоторых случаях переступает грани дозволенного, превращаясь в гиперкритику, но отсюда еще не следует, что вся применяемая в исторической науке методика исследования ничего не стоит и подлежит уничтожению. Исходя из своей основной посылки о никчемности академической науки, автор делит всех историков на два полярно противоположных лагеря: бесчисленных дипломированных рутинеров и ретроградов, уничтожающих традицию с помощью своей псевдонауки, и гениальных одиночек-самородков, действующих по наитию, но в полной гармонии с традицией и совершающих поэтому великие открытия. Последних представляет в книге Шлиман. Конечно, Шлиман – великий человек. Но всем известно, что, полагаясь только на свою интуицию, он многое напутал и даже испортил в той же Трое, а исправлять его огрехи пришлось потом представителям академической науки: Дерпфельду и Бледжену.

Короче, доверие или недоверие к традиции в значительной мере дело вкуса, так как методы, которыми пользуется наша наука, все еще очень несовершенны. Одни верят ей (т. е. традиции) больше, другие – меньше. Но одно дело настаивать на достоверности традиции, пытаясь максимально приблизить к ней свою реконструкцию исторических событий, и совсем другое дело под предлогом защиты традиции подвергнуть публичному шельмованию всех, придерживающихся иной точки зрения. Органический порок книги состоит, на наш взгляд, в том, что в ней не соблюдена элементарная научная корректность, вследствие чего полемический задор автора оборачивается нетерпимостью ко всем инакомыслящим.²

Доватур: Если автор действительно имеет в виду образованного читателя (включаем сюда и учащуюся молодежь, интересующуюся вопросами истории), то все выпады против науки, встречающиеся на страницах работы, следовало бы убрать, так как ничего, кроме недоумения, они вызвать у такого читателя не могут. Большое количество ссылок на научные работы, отечественные и зарубежные, способны только увеличить эти недоумения, если не превратить их в смятение. Кстати, научно-популярные работы обычно не требуют многочисленных ссылок на специально-научные статьи. Включая подобный аппарат в свою

---

¹ Зачеркнуто: «и озлобленность».

² Зачеркнуто: «а иногда переходит и в самую откровенную озлобленность. Если бы все выпады, которыми столь изобилует книга, удалось бы каким-то образом убрать, не нарушая целостности общей концепции, все сочинение от этого только выиграло бы».

книгу, В. А. Белявский вступает в конфликт 1) с традицией популярной литературы, 2) со своими собственными нападками на ученую литературу. Ссылки на ученые труды могли бы в самом незначительном количестве остаться в работе по удалении из нее выпадов против современной науки. Не оправданны и имеющиеся в работе греческие слова.

Андреев: Необузданный темперамент автора сплошь и рядом толкает его к высказываниям такого сорта, что они не могут не шокировать каждого поклонника античности, да и вообще культурного человека. Так на с. 114 (гл. «Улыбка демократии») о Парфеноне и других постройках века Перикла сказано, что их «создали вооруженные до зубов бандиты» и сами они «свидетельствуют о появлении в эллинском обществе паразитов, которым они и понадобились». Мне кажется, что паразитам в точном значении слова нужно было бы искусство совсем другого рода, отнюдь не Парфенон.

В полемическом увлечении В. А. Белявский договаривается иногда до страшных вещей, оправдывая, например, такие гнусные преступления, как убийство Гипатии, а заодно и уничтожение христианами всей античной культуры на том основании, что они «громили старый прогнивший мир, уничтожали его идеологическую надстройку» (с. 8 – глава 4, т. I). Точно так же оправдывается вопреки всякой логике печально знаменитый процесс над аргинусскими стратегами в 406 г. до н. э. «Их предали суду народа, как подонков и гадов, предавших мертвых товарищей по оружию, и народ обрек их на смерть» (с. 96). Не говоря уже о том, что здесь совершенно оставлена без внимания вся политическая подоплека этого дела, какой моральный урок могут преподать читателю, в особенности молодому, сентенции такого рода, заведомо грешащие против исторической истины? Если бы такого рода «парадоксы» удалось устранить из книги, она, безусловно, только выиграла бы от этого.

Доватур: Работа В. А. Белявского изобилует отступлениями. В ряде случаев события и явления античной истории вызывают у него по ассоциации воспоминания о событиях и явлениях позднейшей истории. В одном случае эти воспоминания привели даже к включению в работу целой главы о Цусимском бое. В интересах большей компактности повествования мы рекомендовали бы устранить из работы все такие параллели.

Рекомендуемые нами купюры позволят значительно сократить объем книги и приблизить ее к тем трудам научно-популярного характера, которые выпускаются нашими издательствами. Из более мелких сокращений желательно обратить внимание на эпиграфы. Связанные в текстом соответствующих глав какими-то ассоциациями (обычно – очень замысловатыми), они придают всей книге неожиданный и непривычный тон чего-то шуточного, несерьезного. Автор, к сожалению, не удерживается от некоторых вульгарных и полувульгарных выражений,³

Андреев: что придает всему его произведению совершенно неуместный оттенок какой-то развязности и неуклюжего заигрывания с читателем, в чем тот едва ли нуждается.

Доватур: Изгнание таких выражений из книги о греко-персидских войнах потребует внимательного пересмотра всего труда. Полный перечень их занял бы слишком много места, ограничимся отдельными примерами.

Отдел о Солоне – с. 64 – нестати упомянута Эллочка-людоедка.

Отдел о Писистрате – с. 10 – едва ли позволительный тон.

Отдел об Ионийском восстании – с. 30 – «замухрышка»; с. 31 – «Ага!»; с. 44 – «и в хвост, и в гриву»; с. 50 – «матросня», «разговорчики»; с. 60 – опять «матросня».

---

³ Зачеркнуто: «до настоящего времени не имеющих доступ на страницы претендующих на литературность трудов. Есть и едва ли заслуживающие одобрения реминисценции». Зачеркнуто: «до настоящего времени не имеющих доступ на страницы претендующих на литературность трудов. Есть и едва ли заслуживающие одобрения реминисценции».

Отдел о Ксерксе – с. 2 – «все хорошо, прекрасная маркиза»; с. 17 – «шастают»; «охмурять».

Отдел о походе Ксеркса – с. 23 – «чушь»; с. 32 – «Аркадий Райкин»; с. 50 – «мошеник».

Отдел о Саламине – с. 79 – «влезть в шкуру».

Отдел «От перемены места слагаемых...» – с. 3 – «Битлы», с. 10 – «зажравшиеся»; с. 41 – «художества Павсания»; с. 49 – то же.

Отдел «Расправа» – с. 9 – «не ахти какой»; с. 17 – «мастак».

Отдел «Кимон» – с. 29 – «рубаха-парень», «прошвырнуться»; с. 48 – «чурался»; с. 78 – «афинские трепачи».

Андреев: Несколько раз повторяется явно понравившаяся самому автору оценка деятельности Перикла – «пасс в сторону» или «в огороде бузина, а в Киеве дядька». Столь неуместными, а иногда и опасными представляются нам широко практикуемые В. А. [Белявским] «выходы в современность».⁴

Доватур: Устранение этих и других подобных выражений, по нашему глубокому убеждению, только украсит работу В. А. Белявского. Еще несколько замечаний. Нигде не указано, в чьих переводах приводятся места из греческих прозаиков и поэтов.

Обращаясь к встречающимся в работе погрешностям, мы сознательно оставляем в стороне все то, что может вызвать со стороны автора возражения в том роде, что он отразил в своем изложении свои собственные взгляды на вещи. Например, Аристида В. А. Белявский безоговорочно причисляет к сторонникам олигархического строя, солидаризуясь в этом с Плутархом. Ни Геродот, ни Аристотель не дают основания для такого истолкования деятельности Аристида. Быть противником Фемистокла не значит придерживаться олигархических взглядов. У Аристотеля (в «Афинской политике») Аристид выступает даже в роли типичного демагога. Тем не менее мы примиряемся с картиной, рисуемой В. А. Белявским, так как он (имея на то право) опирается на античный источник. Другой пример – истолкование образа действия Мардония, приведшего в конечном счете к битве при Платеях. Здесь, как и в других местах, остроумные соображения нашего автора, хотя прямо не подтверждаемые источниками, заставляют умолкнуть голоса тех, кто, в соответствии с полученной ими академической школой, желали бы иметь доказательство в виде ссылок на источники, смысл которых не допускает разногласий.

Андреев: Но так бывает далеко не всегда. В ряде случаев в книге можно заметить слишком вольное обращение с фактами. Например, факты, хронологически весьма удаленные друг от друга, произвольно сближаются для того, чтобы обосновать тот или иной тезис. Так, большая часть главы 4 I тома («Железный век») посвящена развитию и обоснованию идеи, заведомо противоречащей всему тому, что было написано до сих пор по этому сюжету: в XI–VIII вв., т. е. в послемикенскую эпоху, Греция не переживала никакого упадка, а значит, не было и никакого разрыва в культурной преемственности. Для того чтобы обосновать это странное утверждение, автор привлекает факты, относящиеся в основном к VIII в до н. э. и к еще более позднему времени: зарождение полиса, алфавитное письмо, произведения Гомера и Гесиода, олимпийские игры и т. д. и т. п., забывая о том, что в XI–IX вв. ничего этого еще не было, а археология, являющаяся единственным источником по истории этого периода, демонстрирует совершенно ясно и недвусмысленно состояние упадка, изоляции и одичания, в котором пребывало в эти времена греческое общество.

---

⁴ Зачеркнуто: «вроде сопоставления законов Дракона со статьями 102–105 “Уголовного кодекса РСФСР” или солоновского закона о приданном с “комсомольской свадьбой без водки”».

Точно так же в главе 13 III т[ома] для того чтобы охарактеризовать ситуацию, сложившуюся в Спарте после греко-персидских войн, произвольно привлекаются данные источников, относящиеся к гораздо более позднему времени – ко второй половине IV в., например, сообщение Аристотеля о том, что 2/5 спартанской земли принадлежало женщинам. На этом основании делается вывод о том, что в это время «солдатская суровая Спарта» стала быстрыми темпами превращаться в «бабье царство». Но «бабье царство» едва ли смогло бы выиграть Пелопоннесскую войну, которая еще только предстояла Спарте в то время. Вообще упадок спартанского общества, хотя, возможно, он начался еще до Пелопоннесской войны, едва ли шел столь быстрыми темпами, как это представляет себе автор. Эти и иные скороспелые суждения, встречающиеся в книге, основаны, как нам кажется, на том, что автор попросту игнорирует мнения других историков, противоположные его собственной точке зрения, и не желает вдаваться в подробный разбор их аргументации. Конечно, не обязательно было заниматься этим разбором в самой книге, но для себя, для утверждения и для корректировки своих позиций такую работу нужно было проделать. Недостаточное знакомство с новейшей научной литературой проявляется и во многих фактических погрешностях, встречающихся в книге.

Так, гомеровские поэмы датируются X–IX вв. до н. э. (с. 59), хотя почти общепринятая сейчас датировка относит их к VIII в., а «Одиссею» некоторые авторы датируют даже VII в. Микены, Тиринф, Пилос и прочие дворцы микенской эпохи названы (с. 62) резиденциями басилевсов, хотя из документов линейного письма Б мы теперь знаем, что правитель микенского государства носил титул «ванакки» или «ванакта», а басилевсами (...) ⁵ именовались в то время какие-то представители низшей администрации, подвластные ванакту.

Отрицательно сказывается на качестве некоторых разделов книги также и то, что, оперируя в большинстве случаев переводами античных авторов, В. А. Белявский не всегда сопоставляет их с самими подлинниками. Это ведет иногда к логическим неувязкам. Так, на с. 109 (гл. 4, т. I) слова из «Илиады», с которыми Зевс обращается к Гере: «...Верно, родоначальница ты кудреглавых народов Эллады» интерпретируются таким образом, что сами олимпийские боги отступились от ахейцев и перешли на сторону дорийцев. Но даже если отождествление дорийцев с «кудреглавыми народами Эллады» и оправданно, в чем нет уверенности, все равно цитата приведена не к месту, так как в гомеровском тексте нет никаких «кудреглавых народов Эллады» (они придуманы Гнедичем), а есть *Καρϕκομόωντες Ἀχαιοί*, т. е. смысл получается прямо противоположный тому, что думает автор.

Можно было бы привести и другие примеры небрежности, но ограничимся этими, так как все остальные ошибки отмечены в рукописи.

Доватур: В качестве бесспорных погрешностей или неясностей, могущих вызвать недоразумение, отмечаем также следующее:

Отдел «Ну заяц» (ужасно!) – Баратран не скала, а пропасть.

Отдел «Ксеркс» – с. 10 – выражения «дочерей отца Кира» и «внучку отца Кира» – способны сбить с толку читателя, который, следуя точному значению этих выражений, может счесть Атоссу и Аристону сестрами Кира (а не дочерьми его), а Пармис – племянницей Кира (а не внучкой его). Ведь мы говорим «такая-то, дочь такого-то», а не «такая-то, дочь отца такого-то».

С. 52. Поэт Лас из Гермियोны назван знаменитым прорицателем, хотя никаких доказательств этому нет.

Отдел «Поход Ксеркса» – знаменитый возглас геллеспонтского мужа «Зевс, почему ты...», по рассказу Геродота вовсе не сопровождался припаданием к ногам персидского царя.

---

⁵ Слово неразборчиво; возможно, «лавагетами» – А. Н. Васильев.

Отдел «Фермопилы и Артемисии» – с. 31 – назван царь Павсаний II; мог ли он быть вторым, если мы (вместе с В. А. Белявским) не считаем царем победителя при Платеях? Хронология его дана неправильно: «ему 40 лет», нет – ведь он правил 408–395 гг.

Отдел «Саламин» – с. 48 – у Эсхила нет упоминания о Фемистокле; да, Фемистокл в «Персах» Эсхила не назван по имени, но всякий афинянин, сидевший в театре, при словах вестника о «греческом муже», внушившем Ксерксу мысль начать битву (стихи 353 и следующие), вспоминал, конечно, о Фемистокле, подославшем к персидскому царю своего доверенного человека.

С. 74 – упоминается отборный фиванский отряд из 300 человек, который здесь же назван «священным отрядом», хотя из Плутарха (Пелопид, гл. 18) известно, что священный отряд был организован Горгидом, современником Пелопида и Эпаминонда.

С. 76 – уверен ли автор в том, что персидский царь мог сообщить в Персию о поражении,⁶ как представляли себе дело греки, но так ли было это на самом деле?

Отдел «От перемены места слагаемых» – с. 115 и дальше – по дурной традиции, установившейся еще в XIX в., в учебных пособиях по греческой истории мыс Микала назван «мыс Микале», причем последнее слово считается несклоняемым. Между тем слово Μικάλη относится к той же грамматической категории, что слова Σπάρτη, Ἑρμιόνη, Κύμη, Σμύρνη, которые мы переводим «Спарта» (не «Спарте»), «Гермиона» (не «Гермионе»), «Кима» (не «Киме»), «Смирна» (не «Смирне») и склоняем. И так: им. пад. – Микала, род. пад. – Микалы, дат. пад. – Микале и т. д.

Отдел «Расправа» – с. 29 – говорится об «остракизме в Аргосе». Аристотель в том месте «Политики», на которое ссылается автор в примечании 54 (V, 2, 5, 1302 в), говорит не о заимствовании Аргосом афинского установления, а о существовании такого установления в Афинах и Аргосе.

С. 40. Автор выразился недостаточно ясно, чем подает повод читателю думать, будто Тимокреон Родосский, чужестранец, не имевший прав афинского гражданства, мог выступать с нападками на Фемистокла в афинском народном собрании.

Отдел «Кимон» – с. 20 – имя божества Эвклея объясняется как «Добрая надежда», следует: «Добрая слава».

С. 21 – Немезиду лучше называть не богиней мести, а богиней возмездия.

---

⁶ Подчеркнуто А. И. Доватуром.

ШУМЕРСКАЯ ЛИТЕРАТУРА И АККАДСКАЯ ГЛИПТИКА

В. К. Афанасьева

Статья посвящена памяти покойного коллеги и друга Юрия Викторовича Андреева, всегда интересовавшегося проблемами соотношения слова и образа. Его обширная эрудиция, глубокое знание и понимание античности, а также тончайшая интуиция, равно как и абсолютное владение словом, делали столь привлекательными его труды не только для коллег по специальности, но и для всех тех, для кого древняя мысль, слово, творения искусства актуальны, живы, необходимы современности. Особенно много дали мне наши беседы-споры, в которых, несмотря на разногласия в вопросах происхождения и поисках истоков древнего знания, особенно ясно проявлялась общая увлеченность и стремление поддерживать традицию исследования древности.

Сопоставление шумеро-аккадских памятников изобразительного искусства с литературными произведениями на аккадском языке началось почти сразу с возникновения науки ассириологии, и по мере изучения шумерских текстов поиски аналогий расширялись весьма значительно. Одним из первых объектов изучения явился сюжет с изображением полета человека на орле (см. Ward 1910: 142–148).¹ Фрагменты ассиро-вавилонского сказания впервые были изданы в 1876 г. Джорджем Смитом (Smyth 1876), и на него буквально накинута фольклористы, сразу распознав популярнейший мировой фольклорный сюжет.

Действительно, кажется, ошибиться трудно: человек, сидя верхом на орле или за него уцепившись, взмывает вверх. Однако многие детали изображений оставались непонятными: башня, возвышающаяся в центре; раскидистое дерево, под которым вместо ожидаемой змеи – лев; стада овец и баранов; фигуры, группирующиеся вокруг большого котла; собаки, видимо, лающие на взлетающие фигуры, и т. п.

В 1985 г. (почти через 100 лет) вышло более полное издание текста, и оказалось, что отождествление можно продолжить (Wilson 1985).² Так, в прологе текста достаточно подробно рассказывается о градостроительной деятельности «пастыря» Этаны, царя города Киша – он построил плотину, водохранилище, возвел храм богу Ададу, в тени которого возрос тополь, и в нем-то и поселились герои сказания – Орел и Змея. Подчеркивается и богобоязненность Этаны – он приносит обильные жертвы скотом – и ряды коз и овец, фигуры вокруг большого котла, большие глиняные сосуды вполне гармонично связываются со строками:

¹³¹ Каждый день Этана молвит Шамашу:

¹³² «Вкуси, о Шамаш, овцы моей жир нежнейший,

¹³³ Земля, напейся ягнят моих кровью.

¹³⁴ Я богобоязнен, чту духов мертвых,

---

¹ Автор приводит как пример девять цилиндрических ранних печатей (ныне их известно двенадцать (Boehmer 1965: Abb. 683–703a).

² На русском языке см. подробнее: Афанасьева 2007.

¹³⁵ Мои воскурения жгут жрицы.

¹³⁶ Боги жиром овец моих сыты» (Афанасьева 2007: 153).

Примерно такая же ситуация возникает при отождествлении и некоторых других популярных иконографических персонажей шумеро-аккадской глиптики: кудрявого бородатого героя с лицом в фас, человеко-быка и быка с человеческим лицом.

В своей монографии «Гильгамеш и Энкиду, попытавшись проследить историю и традицию этих отождествлений (глава II «Гильгамеш или Таммуз?»³), я пришла к выводу о сохранении иконографической традиции за достаточно длительный период и о переосмыслении образов персонажей, и даже их функций. В некоторых, но крайне редких случаях мне показалось возможным говорить о прямой иллюстративности изображений на печати. Речь шла о печати из коллекции Британского музея аккадского времени (аккадский III), принадлежавшей служащему царевича Бинкалишарри (Афанасьева 1979: рис. 39, 128 сл., 170–171).

На печати изображены две сцены. Группа первая: кудрявый герой лицом в фас и человеко-бык окружили быка, изображенного в профиль; герой лицом в фас одной рукой держит животное за переднюю ногу, а другой вонзает ему нож в грудь, между головой и шеей, ближе к последней, в то время как человеко-бык хватается его за хвост и рога. На второй сцене изображен герой в фас, но без локонов, сражающийся со львом. Первая сцена сразу заставляет вспомнить те сцены из эпоса о Гильгамеше, где:

«Погнал Энкиду, быка повернул он,
За толщу хвоста его ухватил он,
А Гильгамеш, как боец отважный и воин могучий,
Меж его рогами, меж головой и шеей вонзил кинжал свой» (ЭГ: 43–44).

Более того, обращает на себя внимание то обстоятельство, что кудрявый герой и человеко-бык как-то схожи между собой (если отвлечься от его «быкоподобности»). И тут вспоминаются другие строки эпоса: «С Гильгамешем-де он сходен обличем, ростом пониже, но костью покрепче» (ЭГ: 16).

А сцена сражения со львом? Герой без локонов во всем остальном абсолютно идентичен персонажу, которого мы отождествили с Гильгамешем. Если мы согласимся с таким отождествлением, то вспомним сцену из эпоса, где Гильгамеш, потрясенный смертью друга, в отчаянии бежит в пустыню и видит: «львы резвятся, радуясь жизни...» (ЭГ: 57). В ярости он кидается на них и начинает убивать (подробнее см.: Афанасьева 1979: 129–131 и сл.). Обнаженная, лишенная локонов голова придает лицу выражение скорби и печали, и можно думать, что мастер вполне сознательно хотел подчеркнуть состояние изображаемого персонажа.

Что же побудило меня обратиться к истории достаточно давних отождествлений? Только ли естественные возражения оппонентов, сомневающихся в самой возможности идентификации изображений с текстом, т. е. памятников, представляющих иную традицию, более широкого плана, нежели традиция письменности?

Побудительным толчком оказалась монография немецкого исследователя Конрада Фолька, который издал один из сложнейших шумерских литературных текстов, посвященных истории богини Инанны и садовника Шукалетуды (Volk 1995). Широкому русскому чита-

---

³ Так был поставлен вопрос А. Мортгатом, крупнейшим немецким исследователем шумеро-аккадского искусства, и, в частности, глиптики, в целом ряде его работ (библиографию см.: Афанасьева 1979: 2–36, 166).

телю эта история могла быть известна из популярной книги замечательного американского шумеролога С. Н. Крамера, скончавшегося в 1990 г., явившегося по существу первооткрывателем памятников шумерской литературы (Крамер 1991: 80–84). Но табличка, на которой был записан текст, настолько плохо сохранилась, что восстановить и понять содержание текста полностью было нелегко. Одно представлялось исследователю несомненным – перед нами многоплановое сказание со сложной композицией, соединившей несколько сюжетов, на первый взгляд не всегда логически между собой связанных.

Профессор Крамер возвращался к тексту неоднократно, но полностью опубликовать памятник удалось уже после его смерти Конраду Фольку, предварившему свой труд глубокой благодарностью тому, кто был по существу учителем и вдохновителем нового поколения шумерологов (Volk 1995: Vorwort, 9 Ff).

В данном случае для нас особый интерес представляет глава VIII, которая называется «Inanna und Šukaletuda und das Spätsargonische Siegel AO 11569» (Volk 1995: 65–68). Речь в ней идет о возможности сопоставления памятников литературы и глиптики (главным образом аккадской) и, в частности, печати, датируемой периодом аккадский III, с текстами сказания об Инанне и Шукалетуде (Ibid.: 65).

Для того чтобы понять принципы отождествления К. Фолька, необходимо ознакомиться с содержанием текста, который будет здесь приведен в изложении (рассказ, местами сильно фрагментированный, содержит 310 строк). История начинается с пролога, содержащего небольшой гимн-восхваление богини Инанны и рассказ о ее путешествии в горы. Далее текст разбит и начинается история некоего ворона, который, действуя по указанию бога Энки, совершает, по существу, работу земледельца: роет каналы, сажает растения, т. е. проявляет себя как «культурный герой», что в тексте подчеркивается повторяющейся фразой: «Птица Ворон, человеческую работу осуществляя...» (стр. 69–71, 85–87). Кульминацией труда птицы является создание уникальной финиковой пальмы, чуда природы (стр. 73–84): «Дерево, что для вечности создано – кто что-либо подобное видел? Его отростки (молоденькие листочки) воистину окружают сердце(середину) пальмы... Его сухие пальмовые перья служат для плетения. Его побеги – измерители полей, на царских полях их применяют (т. е. настолько огромны). Его ветви для очищения царского двора. Его финики для храмов богов» (Ibid.: 77–84, 118–119, 127). После этих трудов птица «по приказу своего господина вступила в Абзу», обитель бога Энки (Ibid.: 88).

После этого начинается история молодого садовника Шукалетуды, сына Игисигсига (^digi-sig₇-sig₇), который, занимаясь своими садовыми работами и борясь с ветром, уничтожающим его труды, заметил Инанну, спящую под деревом и прикрывающую свое лоно поясом – повязкой с *me* (в нашем толковании – судьбоносные «Сути»). Шукалетуда развязывает пояс и овладевает богиней. Богиня, проснувшись, видит свой позор и начинает искать обидчика. Шукалетуда по совету своего отца скрывается среди своих соплеменников, в то время как Инанна жестоко мстит жителям Шумера, насылая на них одно за другим три бедствия: она наполняет реки и источники кровью, насылая штормы, бури и ураганы и загораживает дороги камнями (последнее бедствие под вопросом, так как табличка с текстом в этом месте разбита).

Шукалетуда тем временем каким-то образом оказывается в Абзу у бога Энки, и Инанна отправляется к нему с требованием выдать обидчика, что тот и делает. Инанна обращается к садовнику с гневной обличающей речью. Шукалетуда признает свою вину. Инанна бьет его, связывает и превращает в какое-то маленькое существо (текст поврежден). При этом она хочет, чтобы имя его не было забыто – его историю в песне должны повторять певцы при дворце и пастухи, пасущие стада, т. е. повсеместно. Кончается текст традиционной хвалой: «Слава тебе, дева Инанна!».

К. Фольк определяет жанр как мифологический эпос и видит в нем в первую очередь полемический ответ на произведения дочери Саргона Энхедуаны.⁴ Но, как можно судить даже по такому краткому изложению содержания, композиция текста в 310 строк достаточно сложна и несколько искусственна, на что обратили внимание все исследователи произведения. Рассказ не плавно переходит от одного эпизода к другому, он как бы разорван, и не всегда один эпизод логично соединен с другим. События как будто бы перепрыгивают друг через друга. Перед нами и этиологический миф (и даже не один, а несколько), и явно историко-политические намеки, и сказочные превращения и, что очень интересно, аллюзии на другие шумерские сказания (в частности, Инанна и Энки, Инанна и Эбих, Нисхождение Инанны) – вплоть до цитат.

Один из главных интересующих К. Фолька вопросов – «Инанна и Шукалетуда» – историко-политическое произведение? (Volk 1995: 25 сл.). Кроме того, он тесно связывает публикуемый им текст со сказанием о Нисхождении Инанны в подземный мир, видя в нем продолжение последнего, с мифом об Инанне и Эбихе, а также и с мифом об Инанне и Энки, где Инанна обманом получает от Энки «Сути».

Особое внимание К. Фольк уделяет космическому аспекту богини, как планеты Венеры, и именно с этих позиций он рассматривает обратившую его внимание печать. К. Фольк совершенно справедливо делит изображение на печати на две сцены: слева – сидящий бог Энки с предстоящим перед ним божеством, и справа – отделенная финиковой пальмой другая композиция: крылатая вооруженная богиня с обнаженной, согнутой в колене ногой, которой она как бы наступая на обнаженного мужчину, отделенного от нее условно изображенной горой; недоумения и сомнения К. Фолька связаны с короной бога на голове человека, который как будто бы убегает от богини, а также фигурой, стоящей перед Энки, в которой он предлагает видеть (если, подчеркивает он, его интерпретация верна) культурного героя Ворона, изображенного антропоморфно. Корона же бога, по его мнению, дана Шукалетуде как сыну Иги-сиг-сига, божественного садовника небесного бога Анна (имя отца пишется с детерминативом бога ⁴igi-sig₇-sig₇).

Одним из главных аргументов в пользу своей интерпретации К. Фольк считает изображение финиковой пальмы, чье описание в тексте дано очень подробно, с удивительным вниманием к деталям. И действительно, изображение великолепной финиковой пальмы на печати удивительно совпадает с приведенным выше описанием в тексте сказания. Возможно, что и предположение о короне бога на голове обнаженного мужчины не лишено оснований. Но совершенно неубедительным кажется мне определение фигуры стоящего за Энки божества. Это, скорее всего, мог быть снова Шукалетуда, уже одетый, который прятался у Энки и был выдан им Инанне. Для композиций шумеро-аккадских печатей нередко характерно как раз соединение различных эпизодов одного и того же сюжета, причем не обязательно в повествовательной последовательности. И в этом плане я хотела бы обратить внимание еще на одну печать, очень известную – писца Адды. На ней мы видим изображения персонажей, одних определяемых легко, и других, гораздо более спорных. Из персонажей понятных, в первую очередь это Энки – он всегда изображен со струями воды, стекающими с его боков, и плавающими в воде рыбками. Двухликий персонаж, за ним стоящий, традиционно трактуется как его посланец Исимуд. Так же легко определимо божество с лучами за спиной, стоящее среди гор, – это бог Шамаш (но восходит он или заходит? Это мы еще будем решать). Мужское божество с луком и львом – скорее всего, воинствующий бог Нинурта, бог грома и ураганов. А что за большая птица на руке у Энки?

⁴ См. подробнее Volk 1995: Teilen IV–V.

Она похожа и на орла и на ворона⁵ и вполне может быть птицей, отправляющей свои труды по повелению Энки – ведь в тексте подчеркивается, что ворон совершил работу за человека (значит, логично представлять его в его истинном облике).

Но наиболее многозначной и важной для нас оказывается фигура крылатой вооруженной богини, идентичной той, что мы видим на предполагаемой печати с Шукалетудой. На основании трудов его предшественников богиня была совершенно справедливо идентифицирована К. Фольком как Иштар.

А. Мортгат еще в 20-х гг. XX в. обратил внимание на фигуру «воинствующей Иштар», появляющуюся на печатях уже с раннеаккадского времени, причем часто рядом с ней изображено ее животное – лев. Его поддержал Унгер, и далее эту тему специально развивали и исследовали М.-Т. Бареллет, М. Бёмер и другие ученые (см.: Folk 1995: 15, ff.; Zgoll 1997). Интерпретация этой женской фигуры как богини Инанны-Иштар никаких сомнений не вызывает, причем как раз в своем космическом аспекте, как планеты Венеры. Конрад Фольк в своем труде особенно много внимания уделяет именно этому аспекту богини и как раз в таком плане сопоставляет миф об Инанне и Шукалетуде с мифом об уходе Инанны в подземный мир и ее возвращении оттуда.

По его мнению, Инанна и Шукалетуда – в некотором плане продолжение первого мифа, наряду со сказаниями об Инанне и Эбихе. Любопытно, что, по мнению М. Бёмера, в руках у богини финиковая метелка, хотя он специально не занимался отождествлением изображительного ряда с литературными текстами. Таким образом, если согласиться с исследованием К. Фолька его связи литературного текста с изображением на анализированной им аккадской печати и с общепринятой учеными трактовкой воинствующей крылатой богини как Инанны-Иштар, мы можем и рассмотренную нами вторую печать с большой долей вероятности считать иллюстрацией к сказанию об Инанне и Шукалетуде. Птица-ворон на руке у Энки мне кажется более убедительным свидетельством, чем человек в короне божества.

Но еще более важен другой момент: богиня изображена в фас, но без правой ноги. Она не проявлена полностью. Она или взошла, или уходит (я думаю, что она уходит, давая место восходящему Шамашу, и передает некий знак-символ восходящему солнцу – богу Шамашу). Также мы видим и растущее на горе дерево, точнее ветки, выступающие из-за гор. Это, конечно, не пальма, но может быть указание на дерево, под которым отдыхала Инанна?

Обе рассмотренные нами печати – именные и принадлежат писцам – одна, как мы уже указывали, Адде, другая Заганите (Ad-da, Za-ga-ni-ta), т. е. владельцы их принадлежали к самой образованной интеллектуальной части населения, для которой концептуальные мифологемы были и понятны, и значимы, и это, конечно, очень важно – перед нами не фольклорно-сказочные и даже не собственно литературные сюжеты, но именно мифологемы, хотя и связанные с литературой.

И тут встает очень важный вопрос: можно ли с помощью этих печатей попытаться датировать литературные тексты? Текст «Инанна и Шукалетуда» датируется старовавилонским периодом, как и многие из известных нам литературных памятников, и считается копией. К. Фольк думает, что, как раз судя по печати, существовала более ранняя версия текста аккадского периода, т. е. эпос должен был быть известен уже в аккадское время. Такое же предположение, как известно, высказывают исследователи относительно сказания об Этане.

А есть ли у нас собственно литературные тексты, происходящие из аккадского времени? И на каком они написаны языке? Все версии сказания об Этане написаны на аккадском

---

⁵ Во время чтения лекций во Владикавказе осенью 2008 г. я обратила внимание археологов и местных жителей на изображение и получила ответ, что орел и ворон очень схожи в полете, и птица с распластанными крыльями вполне может быть интерпретирована как ворон.

языке. Но Этана по происхождению герой шумерский, и предположение, что могла быть версия на шумерском языке, усиливается находкой шумерской версии сказания о другом аккадском герое – Адапе, которое, как и «Этана», долгое время воспринималось как чисто аккадское произведение.

«Инанна и Шукалетуда» – текст на шумерском языке и сохранился в копиях старовавилонского времени. В ассирийской версии о Гильгамеше есть ссылка на рассказ о попытке Иштар соблазнить садовника Ишуллану и о превращении его за отказ в какое-то насекомое (паука?). К. Фольк в своем труде этот эпизод исследует, видит в нем прямую связь с Инанной и Шукалетудой (и даже в имени). А первым обратил внимание на этот вопрос Гэдд и даже находил в редакции рассказа об Иштар и Ишуллану историко-политическую основу, определенный аспект шумеро-аккадской конфронтации. Ясно во всяком случае, что мы имеем здесь дело с литературной обработкой и разными интерпретациями одного и того же эпизода на разных языках.

И, конечно, здесь очень важную роль играет мотив возвышения и опорочивания Иштар. По мнению К. Фолька, текст «Инанна и Шукалетуда» – это своего рода ответ и вызов на произведения поэтессы Энхедуаны, прославляющей Инанну, т. е. текст в определенном смысле, по его мнению, направлен против Саргонидов. Но образ Инанны-воительницы появляется на стыке периодов аккадский 1а и 1b, т. е. в раннее саргонидское время, как раз тогда, когда появились произведения Энхедуаны, где богиня предстает в первую очередь как грозная воительница. Annete Zgoll, автор исследования о главном гимне-молитве Энхедуаны, считает, что текст «Нинмешара» был создан именно в аккадское время, на основании не только политических и исторических событий, но и орфографических и лексемо-семантических критериев (например, форма написания *ni-gig* характерна как раз для староаккадского времени (в старовавилонский период она пишется как *ni-u₈-gig*) (Zgoll 1997: 179–184; 185–204).

Очень похоже, что поэтические тексты, восхваляющие богиню, и создание героического образа ее в глиптике одновременны, хотя тексты написаны на шумерском языке.

Попробуем взглянуть на изображение богини на наших печатях и сопоставить с описаниями воительницы Инанны в тексте «Инанна и Эбих»:⁶

«Что ты восходишь, как царь Уту..., что ты по небу идешь, ужасающий блеск несешь,
Что ты земле блеск сияния утра даешь» («Инанна и Эбих»: 12–14).

«Госпожа битвы, великая дочь Зуэна, тебя прославлю» («Инанна и Эбих»: 22–23).

«Стрелу из колчана я точно направлю!
Копье я метко брошу!
Метательный камень я далеко метну!»...

«Что ты в битве “дубинкою” мощно голову разбиваешь» («Инанна и Эбих»: 18–19).

Так же и в текстах *nin-me-šar-ra* и *in-nin-ša-gur₄-ra* образ могучей, воинственной, жестокой к врагам, мчащейся на звере и упоенной битвой богини сразу же вызывает в памяти крылатую, с луком и стрелами за спиной, яростную воительницу аккадских печатей.

Таким образом, мы можем констатировать:

1. Только после появления наиболее полного издания текста Этаны стали лучше понятны изображения на печатях о полете человека на орле.

⁶ Публикуемый перевод текста «Инанна и Эбих» сделан В. К. Афанасьевой.

2. После публикации в 1993 г. шумерского текста о Гильгамеше и небесном быке стало ясно, что отрывка, где можно было видеть аналогию с аккадским эпосом, там нет (хотя текст очень сильно разрушен) – стилистика иная. Следовательно, изображение никак не может быть связано с шумерской версией. Но не могло ли случиться так, что, наоборот, автору-писцу была известна именно эта печать?

3. После более полного опубликования текста об Инанне и Шукалетуде расширились наши представления о знании писцами шумерской литературы (имеется в виду эпизод с садовником в эпосе о Гильгамеше, Инанне и Шукалетуде), и соответственно – о возможности сопоставления шумерского произведения с конкретной аккадской печатью.

4. Полная публикация в 1997 г. шумерского текста Энхедуаны, созданного в аккадское время, подчеркнула удивительную близость словесного образа и глиптического изображения.

5. Но все изображения и сюжеты – не прямые иллюстрации: они сближаются на уровне мифологемы. И, скорее всего, именно поэтому мы можем думать, что на одной печати могут быть изображены дважды и в разном виде одни и те же персонажи.

6. На основании сопоставления образа крылатой вооруженной богини лицом в фас с текстами, подписанными Энхедуаной (равно как и приписываемым ей эпосом «Инанна и Эбих»), можно осмелиться предположить, что толчок к созданию иконографии Инанны-Иштар дали произведения Энхедуаны.

7. Проблема «иллюстративности» аккадской глиптики отнюдь не решена и представляет обширное поле для будущих исследований, особенно когда речь идет о сопоставлении с памятниками на шумерском языке.

Афанасьева 1979 – *Афанасьева В. К.* Гильгамеш и Энкиду, эпические образы в искусстве. М., 1979.

Афанасьева 2007 – *Афанасьева В. К.* «Орел и Змея» в изобразительности и литературе Двуречья. М., 2007.

Краммер 1991 – *Краммер С. Н.* История начинается в Шумере. М., 1991.

ЭГ – Эпос о Гильгамеше / пер. И. М. Дьяконова. М.; Л., 1961; репр. изд.: СПб., 2006.

Boehmer 1965 – *Boehmer R. M.* Die Entwicklung der Glyptik während der Akkad Zeit. Berlin, 1965.

Smyth 1876 – *Smyth G.* The Chaldean Account of Genesis. London, 1976.

Volk 1995 – *Volk K.* Inanna und Šukaletuda, Zur historisch-politischen Deutung eines Sumerischen Literaturwerkes. Wiesbaden, 1995.

Ward 1910 – *Ward W. H.* The Seal Cylinders of Western Asia. Washington, 1910.

Wilson 1985 – *Wilson K.* The Legend of Etana. New Edition. Westminster, 1985.

Zgoll 1997 – *Zgoll A.* Der Rechtsfall der En-hedu-Ana in Lied nin-me-šarra, Ugarit-Verlag. Münster, 1997.

«ОТ ЕВРАЗИИ К ЕВРОПЕ» Ю. В. АНДРЕЕВА И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕЛИГИИ МИНОЙСКОГО КРИТА

И. Ю. Шауб

Проблемы минойской религии заинтересовали Ю. В. Андреева еще в самом начале его творческого пути в науке. Однако вплотную заняться ими он сумел только в последнее десятилетие своей жизни. Различным аспектам религии догреческого населения Крита Ю. В. Андреев посвятил несколько блестящих статей, среди которых наиболее значительными являются две: «Минойский Дедал» (Андреев 1989) и «Минойская тавромахия в контексте критского цикла мифов» (Андреев 1997). Но целостная картина религиозной жизни минойского Крита дана в книге Ю. В. Андреева «От Евразии к Европе» (Андреев 2002), которую он, к сожалению, не сумел завершить.

Весь блеск своего таланта, зоркость глаза, мощь и изощренность интеллекта, тонкость вкуса, точность и глубину огромной и разносторонней эрудиции, а главное – весь жар своей любви к предмету исследования, – вложил выдающийся ученый в этот труд. Результат – произведение, не знающее себе равных в мировой науке.¹

Ю. В. Андреев справедливо отмечает не только интегрирующую, но и целеполагающую роль религии в жизни минойцев. И страницы его книги, посвященные рассмотрению религиозных представлений древних критян, являются, бесспорно, наиболее яркими, а иногда даже завораживающими. Автор не ставит себе задачей подробный анализ всех материалов, относящихся к религиозным верованиям и культовой практике минойцев. Он останавливается только на наиболее характерных особенностях их религии, отличающих ее на общем фоне верований обитателей древнего Средиземноморья. Его интересуют только такие особо значимые проблемы, как структура или персональный состав мира богов, модель мироздания, представления о загробной жизни. Минойская религия (равно как и верования всех прочих народов Эгеиды, включая микенцев, поскольку дешифровка их документов хозяйственной отчетности дает мало материалов для понимания религиозной проблематики) продолжает оставаться, по образному выражению М. П. Нильссона, «книгой с картинками, но без подписей к ним». Поэтому все вопросы, связанные с этой темой, решаются на уровне догадок и предположений. Дело осложняется еще и тем, что восходящие к бронзовому веку мифы (прежде всего, мифы так называемого критского цикла) дошли до нас лишь в греческих переработках, часто полностью утратив свой первоначальный смысл. Тем не менее многие

---

¹ Сравнить книгу от «Евразии к Европе» можно, пожалуй, только с работами Фрица Шахермайра (см., напр., Schachermeyr 1955), автора, которого Ю. В. Андреев высоко ценил и чьи произведения весьма скрупулезно изучал. Однако даже книги этого выдающегося австрийского ученого, преимущественно ориентированные на историко-археологическую проблематику, уступают труду Ю. В. Андреева в глубине проникновения в духовный мир догреческих обитателей Эгеиды.

предложенные Ю. В. Андреевым интерпретации данных «картинок» и мифов столь виртуозны, что принадлежат к подлинным шедеврам научной экзегезы.

Сопоставив данные эгейской археологии со свидетельствами античной мифологии, Ю. В. Андреев приходит к выводу о слабой дифференцированности минойского мира богов, «внутри которого отдельные персонажи кажутся недостаточно индивидуализированными или специализированными по выполняемым ими функциям, чертам характера, внешнего облика и т. п., что в свою очередь свидетельствует и об определенной аморфности или недооформленности минойской модели мироздания, неразграниченности образующих ее начал, сил или стихий» (Андреев 2002: 279). «Минойский пантеон, если здесь вообще можно говорить о пантеоне, скорее всего, представлял собой достаточно пеструю толпу больших и малых богов и духов самого разнообразного происхождения. Среди них, по-видимому, были представлены и духи – покровители отдельных семей, родов или фратрий, духи отдельных мест и местностей, обожествленные духи предков, воплощения (персонификации) различных явлений и стихий природы, териоморфные божества тотемического характера, наконец, различные фетиши и священные символы, первоначально почитавшиеся как самостоятельные божественные сущности. Все эти многообразные порождения народной фантазии мыслились как носители особого рода магической энергии, наполняющей космос и свободно перемещающейся в его пределах» (Там же: 279–280).

По мнению Ю. В. Андреева, иконографический материал минойского искусства и свидетельства мифов критского цикла позволяют предполагать, что «среди всей этой массы разнородных мифических образов уже начали выделяться несколько центральных фигур главных божеств, занимающих особое, первенствующее положение среди всех прочих богов и духов». К этим главным божествам автор относит реконструируемые им образы трех Великих богинь: «Владычицы зверей, Древесной и Змеиной богини» (Там же: 283 сл.). Таким образом, Ю. В. Андреев отступает от принятой им прежде концепции минойского «монотеизма»,² восходящей еще к А. Эвансу (см., напр., Evans 1925: 277), в соответствии с которой центральным персонажем минойского пантеона была многоипостасная Великая богиня.

Так, в одной из своих статей Ю. В. Андреев утверждает, что «только оставаясь на этой позиции, можно достаточно убедительно объяснить, с одной стороны, бросающееся в глаза единообразие иконографии женского божества в минойском искусстве и, с другой стороны, неизменное повторение одного и того же набора культовой утвари в минойских святилищах разного типа, например, в дворцовых “капеллах” и так называемых “peak sanctuaries”» (Андреев 1992: 4, примеч. 6). Прекрасно сознавая, что «материал имеющихся в нашем распоряжении источников не поддается однозначным интерпретациям» (Андреев 2002: 276), Ю. В. Андреев призывает прислушаться к мнению известного греческого археолога Ст. Алексиу (Alexiou: 72), отмечавшего, что «это различие (между разными богинями и разными аспектами одной и той же богини. – Ю. А.) было неясным для догреческого верующего. Следовательно, было бы тщетно требовать логической классификации в области духовной жизни, управляемой эмоциями и интуицией». Компромисс между приверженцами минойского монотеизма и их противниками – политеистами, по мнению Ю. В. Андреева, возможен, если признать, что «критская религия еще не оторвалась в полной мере от почвы первобытного пандемониизма, а главные фигуры ее пантеона еще не успели обрести свои индивидуальные характеры и обособиться от тесно связанных с ними божественных множеств

---

² Аргументацию немногочисленных сторонников «политеистической» концепции минойской религии автор называет «попытками» (Андреев 1992: 4, примеч. 6).

типа позднейших нимф, менад, куретов и им подобных» (Андреев 2002: 276–277). Следует заметить, что представление об эволюции религиозных верований, в процессе которой происходит выделение индивидуализированного образа божества из божественного множества (Harrison 1927: 46 ff.; Nilsson 1927: 27 ff.), безусловно, является чересчур односторонним. В ряде мест книги речь продолжает идти о едином Великом женском божестве, поэтому создается впечатление, что на разных этапах работы над рукописью Ю. В. Андреев склонялся то к монотеистической, то к политеистической интерпретации минойской религии.³ Без сомнения, если бы автор завершил свой труд, это противоречие было бы устранено.

Поскольку проблема минойского «монотеизма» является ключевой для интерпретации религии древнего Крита, а также, вероятно, единственным сюжетом, по поводу авторской трактовки которого у читателей могут возникнуть вопросы, рассмотрим его подробнее.

Сразу же признаемся в том, что представление о Великой богине-повелительнице всего сущего, проявляющей себя в разных ипостасях, на наш взгляд, более соответствует наличествующим данным о минойской религии, чем мнение о трех, мало чем отличающихся друг от друга, Великих богинях. Автору этих строк не раз доводилось обсуждать с Ю. В. Андреевым проблему Великой богини на примере не только религии минойского Крита, но и верований местного населения Северного Причерноморья, прежде всего – скифов. В их пантеоне, по свидетельству Геродота (Hdt. IV, 59), было три богини, одна из которых, Табити, этот пантеон возглавляла. Возможно, три Великих минойских богини появились в книге Ю. В. Андреева не без учета этого факта, хотя, конечно, ему было хорошо известно о существовании триад, характерных для религиозного мышления (Иванов 1994: 331). На наш взгляд, центральным образом как скифской, так и минойской религии являлось всеобъемлющее Великое женское божество (Шауб 2007: 80–123), имевшее ряд слабо дифференцированных ипостасей, что явно свидетельствует о весьма примитивной стадии религиозного развития, на которой находились эти столь отличные друг от друга народы.

Култ многоипостасной Великой богини на Крите явно мог быть неолитическим наследием (Gimbutas 1974; 1989; 1999), еще одной архаической чертой в числе прочих, сохранение которых, по мнению Ю. В. Андреева (2002: 246 сл.), было характерно для минойской культуры.

Данный феномен объясняется тем, что его психологической основой является «архетип высшего женского существа, воплощающий психологическое ощущение смены поколений, преодоление власти времени, бессмертие» (Аверинцев 1980: 111). Наличие в человеческой психике этого архетипа, «великого женского образа матери, которая некогда была для всех нас единственным миром, а впоследствии стала символом всей вселенной» (Юнг 1994: 248; см. также: Юнг 1997), подтверждается экспериментальными наблюдениями (см., напр., Гроф 1993: 212 и др.).

Нам уже неоднократно приходилось писать о сложной и противоречивой диалектике единого и множественного в религиозных представлениях человечества, поэтому, стараясь не повторять ранее сказанного, отметим только существенные моменты, которые могут помочь разобраться в проблеме минойского «монотеизма». Безусловно, проблема эта во многом надумана. Вот что по данному поводу писал глубокий и тонкий религиовед протоиерей А. Мень: «Для первобытного и древнего человека не могло быть несущественных

---

³ Правда, Ю. В. Андреев делает, на наш взгляд, чрезвычайно важную оговорку: «Расплывчатость и изменчивость образов богов или, скорее, духов в первобытных религиях Востока и Запада могут быть объяснены также и тем, что общение с ними человека осуществляется непосредственно в процессе ритуала и не столько на интеллектуальном, сколько на эмоциональном уровне (курсив наш. – И. Ш.)» (Андреев 2002: 279, примеч. 97).

богов. Он чувствовал все колоссальное многообразие духовного мира и был восприимчив к его воздействиям гораздо больше, чем человек позднейших эпох. Он мог знать, что над миром царит, как Верховный Владыка, Всевышний Творец, но при этом ему не приходило в голову отрицать бытие существ второго порядка. Более того, при случае он не считал зазорным принести жертву этим богам, или обратиться к ним с просьбой, или заклясть их магической формулой» (Светлов 1971: 333). В то же время «под разноименными личинами многих богов религиозная мысль стремилась раскрыть единую божественную сущность» (Иванов 1994: 189). Эту мысль В. И. Иванова прекрасно иллюстрируют слова Эсхила:

Θέμις καὶ Γαῖα, πολλῶ ὀμάτων, μορφῇ μία
Фемида и Гея – у нее много имен при одном образе (Prom. Vinc. 209–210).

В ту картину экстатической минойской религии, которую открывает перед читателем Ю. В. Андреев, органически вписывается то, что все «оргиастические веры» склонны к единобожию (Иванов 1994: 190). Отмечающий этот факт В. И. Иванов так же проникновенно писал о том, что «всякое исследование истории женских божеств, под каким бы именем ни таилась Многоимянная, <...> наводит нас на следы первоначального фемимонотеизма, женского единобожия. Все женские божественные лики суть разновидность единой богини – женское начало мира, один пол, возведенный в абсолют» (Там же: 332). Сочувственно цитирующий эту мысль В. И. Иванова протоиерей А. Мень приходит к выводу, что «подобно тому, как родоначальница племени была его общей матерью, так и первобытный культ Богини породил все последующие формы язычества» (Светлов 1971: 32). Конечно, «не в производственных отношениях и хозяйстве, и не в особенностях первобытного брака следует усматривать корень матриархата. Возрастание роли женщины в доисторическом обществе было, несомненно, связано с расцветом культа Богини-Матери и ведущей ролью шаманок и жриц» (Там же).

Сама судьба была «не чем иным, как Великой Матерью первых культов <...> Образ ее будет неотвязно преследовать человечество, претерпевая удивительные трансформации <...> Мало того, что само язычество вышло из этого поклонения Матери, ему прямо или косвенно будут обязаны своим существованием и пессимистический дуализм, и греческий фатализм, и даже материалистическая философия» (Там же: 79; ср. Горан 1990). Таким образом, осмысляя проблему Великой богини в философских терминах, можно говорить о том, что в ее образе органически слиты субстанциальное тождество и ипостасное различие.

Древнейшие черты, иногда поразительно напоминающие минойские, сохранились в культе Махадеви (т. е. «Великой богини»), верховной богини шактистов (тантристов) Индии (см. Гусева 1977: 96–101).⁴ «В индийских мистических учениях женское начало рассматривается как активный принцип, благодаря ему бог-супруг манифестирует свои потенциальные качества» (Гринцер 1982: 636). «Шакти – это бог в образе Матери, как высшая сила, которая создает, сохраняет и разрушает все существующее» (Woodroffe 1920: 95). Л. Я. Штернберг считает шактизм одним из типов сексуального избранничества, которое осуществляется Великой матерью посредством полового общения со своими избранниками, но «не индивидуально и непосредственно, а через земных женщин, в которых она воплощается. Каждая женщина, с которой кандидат в избранники имеет такое общение согласно ритуалу, в свою очередь называется шакти» (Штернберг 1936: 162).

⁴ Эта верховная богиня и главный объект почитания в тантризме имеет разнообразную иконографию и в каждой из своих многочисленных форм наделяется еще десятками различных имен-эпитетов, «определяющих ее внешность, действие, влияние на дела богов и людей и т. п.» (Гусева 1977: 100).

С почитанием разных форм Шакти у неарийского населения Индии было связано также и исполнение ритуальных танцев, что сохраняется в современном индуизме, особенно в культе богини Дурги. В дни ее осеннего праздника перед изображением Дурги танцуют мужчины, держа в руках чаши с наркотическими курениями и доводя себя в этих танцах до экстатического состояния. Эти танцы, по мнению Н. Р. Гусевой, «отражают в пережиточной форме древние обряды принесения в жертву богине мужчин как оплодотворителей ее чрева» (Гусева 1977: 97).

Что касается прочих проблем, рассмотренных в книге Ю. В. Андреева, то с выводами автора в подавляющем большинстве случаев трудно не согласиться, настолько убедительна и внутренне непротиворечива его аргументация. В ряде случаев ее можно только расширить. Так, прекрасно написанную Ю. В. Андреевым картину религиозных верований обитателей Эгеиды могло бы существенно дополнить рассмотрение мифов о Лето. К примеру, она рождает Аполлона, держась руками за пальму (Ном. Нумп. I, 116, 89) – священное дерево Великой богини. А для разделения минойских и микенских пластов в критском цикле мифов важнейшим подспорьем мог бы стать анализ в них роли Посейдона. Прекрасным аргументом в пользу теснейшей связи представлений о минойском Элисии служит лишь вскользь упомянутый Ю. В. Андреевым при разборе пассажа из «Одиссеи» (IV, 501 sqq.) сюжет о перенесении на Элисейские поля Менелая:

οἶκον ἔχεις Ἑλένην καὶ σφιν γαμβρὸς Διὸς ἔσσι

Ибо супруг ты Елены и зять громовержца Зевеса (IV, 569; рус. пер. В. А. Жуковского).

Таким образом герой обретает там бессмертие именно благодаря браку с Еленой, образ которой, безусловно, восходит к одной из основных ипостасей Великой эгейской богини (см. Geisau 1979: 989–990). Характерно, что самый яркий сторонник минойского политеизма, М. П. Нильссон (Nilsson 1967: 325) акцентирует вторую часть этого предложения – получение Менелая бессмертия благодаря тому, что Зевс является его тестем (эта версия, без сомнения, является более поздней).

В связи с представлениями минойцев о метаморфозах, происходящих с людьми в потустороннем мире, может быть скорректирован данный Ю. В. Андреевым анализ изображений на знаменитом саркофаге из Аяя-Триады (около 1440 г. до н. э.; Андреев 2002: 415–432). Кажется более вероятным, что на торцовых стенках этого расписного гроба на колесницах представлены не две богини, как вслед за большинством ученых, исследовавших этот памятник, полагал Ю. В. Андреев, а Великая богиня вместе с обретшим божественность покойником (владельцем этого саркофага), потерявшим в загробном мире свой пол. Подобное ритуальное превращение в женщину прослеживается у этрусков и скифов (Шауб 2008: 23–27).

Наряду с этим саркофагом наиболее информативным (и, вероятно, еще более загадочным; см. Burkert 1985: 23, note 12) памятником религии древнего Крита является изображение на золотом кольце (XV в. до н. э.), хранящемся в музее Эшмола в Оксфорде. Очень жаль, что Ю. В. Андреев отказался от интерпретации этого так называемого кольца Нестора, доверившись авторитету М. П. Нильссона (Nilsson 1950: 43 ff.), Г. Бизанца (Biesanz 1954: 112 ff.) и В. Кенны (Кенна 1960: 154), которые сочли этот шедевр минойского ювелирного искусства подделкой. Однако данный перстень, найденный в толосе XV в. в Какватосе, является подлинным, что доказал Я. Сакелларакис, обнаруживший в 1965 г. в одном из толосов Арханеса (Крит) золотое кольцо с изображениями куколок и бабочек (сюжет, столь смущавший недоверчивых исследователей) почти тех же форм и в тех же комбинациях, что и на «кольце Нестора» (Sakellarakis 1973: 303–318).

А. Эванс (Evans 1925: 43 ff.), издавший этот перстень, судя по всему, правильно усмотрел в многосюжетной композиции, представленной на его щитке, изображение потустороннего

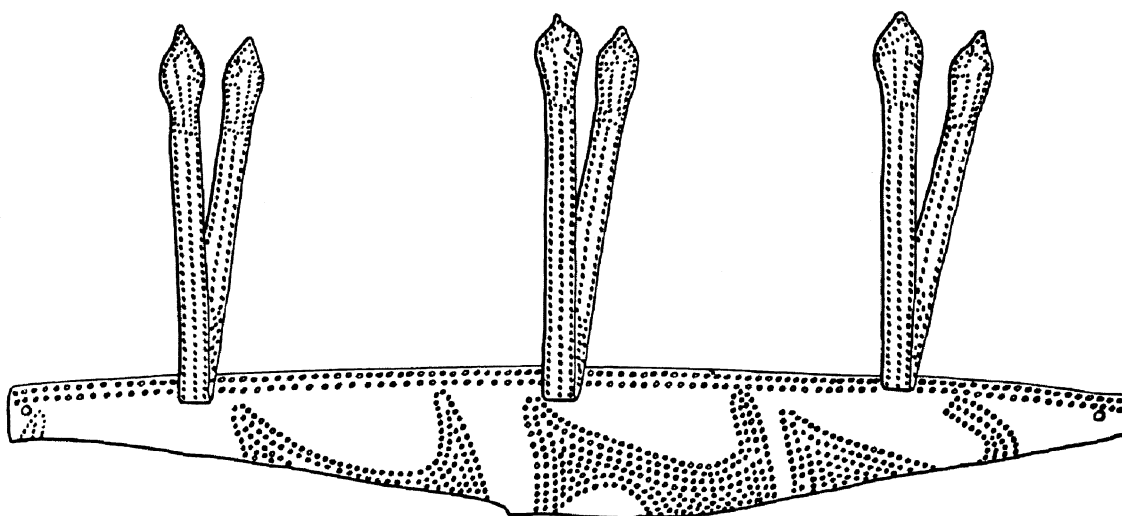

Рис. 1. Золотая диадема, III тыс. до н. э., о. Мохлос (Higgins 1981: fig. 36)

мира. Однако английский археолог, неверно интерпретировав ряд важных деталей, к сожалению, опубликовал искаженную прорисовку этого памятника. Так, изображение на перстне делится на четыре сегмента не деревом, как думал Эванс, а водным потоком. Об этом свидетельствует изображение на знаменитой фреске, обнаруженной на острове Фера. Все персонажи на кольце (в отличие от того, что представлено на рисунке Эванса) не имеют лиц; это люди-бабочки, проходящие в танце различные стадии развития этого насекомого. Воздерживаясь (пока) от детальной трактовки представленного на кольце изображения, отметим то, что его подробный анализ мог бы существенно уточнить и дополнить данную Ю. В. Андреевым картину экстатической «шаманистической» религии минойского Крита. Примечательно, что для шаманства многих народов Сибири характерно представление о превращении шамана в насекомое.⁵ Там же неоднократно встречаются изображения персонажей с «антеннами» на головных уборах, убедительно связываемые исследователями с шаманизмом (Вадецкая и др. 1980: 46–47, 62, рис. 3, IV; 7, II). Подобные «короны» очень напоминают золотую диадему, найденную в гробнице конца III тыс. до н. э. на острове Мохлос (рис. 1).

«Юрий Викторович был романтиком в своих научных поисках, но эрудиция, школа и здравый смысл всегда удерживали его по эту сторону границы, которая отделяет смелую гипотезу от неправдоподобной или фантастической», – тонко подметил А. И. Зайцев (2000: 20). Думается, что эта характерная особенность научного творчества Ю. В. Андреева наиболее наглядно проявилась именно в его исследованиях, посвященных религии минойского Крита.

Аверинцев 1980 – *Аверинцев С. С.* Архетипы // Мифы народов мира. М., 1980. Т. 1. С. 110–111.
Андреев 1989 – *Андреев Ю. В.* Минойский Дедал // ВДИ. 1989. № 3. С. 29–46.

⁵ Любезное сообщение Е. А. Алексеенко.

- Андреев 1992 – *Андреев Ю. В.* «Минойский матриархат» // ВДИ. 1992. № 2. С. 3–14.
- Андреев 1997 – *Андреев Ю. В.* Минойская тавромахия в контексте критского цикла мифов // Сб. статей проф. А. И. Зайцеву ко дню семидесятилетия. СПб., 1997. С. 17–30.
- Андреев 2002 – *Андреев Ю. В.* От Евразии к Европе. СПб., 2002.
- Богаевский 1932 – *Богаевский Б. Л.* «Кольцо Миноса» из Кносса // Сообщения ГАИМК. Л., 1932. № 7/8. С. 61–66.
- Вадецкая и др. 1980 – *Вадецкая Э. Б., Леонтьев К. В., Максименков Г. А.* Памятники окуневской культуры. Л., 1980.
- Горан 1990 – *Горан В. П.* Древнегреческая мифологема судьбы. Новосибирск, 1990.
- Гринцер 1982 – *Гринцер П. А.* Шакти // Мифы народов мира. М., 1982. Т. 2. С. 636.
- Гроф 1993 – *Гроф С.* За пределами мозга. М., 1993.
- Гусева 1977 – *Гусева Н. Р.* Индуизм. М., 1977.
- Зайцев 2000 – *Зайцев А. И.* Ю. В. Андреев. Научное наследие // ΣΥΣΣΤΙΑ: Памяти Юрия Викторовича Андреева. СПб., 2000. С. 16–22.
- Иванов 1994 – *Иванов В. И.* Дионис и прадионисийство. СПб., 1994.
- Светлов 1971 – *Светлов Э. (Мень А.).* Магизм и единобожие. Брюссель, 1971.
- Шауб 2007 – *Шауб И. Ю.* Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье VII–IV вв. до н. э. СПб., 2007.
- Шауб 2008 – *Шауб И. Ю.* Италия–Скифия: культурно-исторические параллели. М.; СПб., 2008.
- Штернберг 1936 – *Штернберг Л. Я.* Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936.
- Юнг 1994 – *Юнг К. Г.* Либи́до, его метаморфозы и символы. СПб., 1994.
- Юнг 1997 – *Юнг К. Г.* Душа и миф. Киев; М., 1997.
- Alexiou – *Alexiou St.* Minoan Civilization. Heraclion, s. a.
- Biesanz 1954 – *Biesanz H.* Kretisch-mykenische Siegelbilder. Marburg, 1954.
- Burkert 1985 – *Burkert W.* Greek Religion. Cambridge; Mass, 1985.
- Evans 1925 – *Evans A.* The Ring of Nestor // The Journal of Hellenic Studies. 1925. Vol. 45. P. 1–75.
- Geisau 1979 – *Geisau H. von. Helene* // Der Kleine Pauly. München, 1979. Bd 4. S. 989–991.
- Gimbutas 1974 – *Gimbutas M.* The Gods and Goddesses of Old Europe. London, 1974.
- Gimbutas 1989 – *Gimbutas M.* The Language of the Goddess. New York, 1989.
- Gimbutas 1999 – *Gimbutas M.* The Civilization of the Goddess. San Francisco, 1999.
- Harrison 1927 – *Harrison J. E.* Themis. Cambridge, 1927.
- Higgins 1981 – *Higgins R.* Minoan and Mycenaean Art. London, 1981.
- Kenna 1960 – *Kenna V. E. G.* Cretan Seals. Oxford, 1960.
- Nilsson 1927 – *Nilsson M. P.* The Minoan-Mycenaean Religion and its Survival in Greek Religion. Lund, 1927.
- Nilsson 1950 – *Nilsson M. P.* The Minoan-Mycenaean Religion. 2nd edition. Lund, 1950.
- Nilsson 1967 – *Nilsson M. P.* Geschichte der griechischen Religion. 3 Aufl. München, 1967. Bd 1.
- Sakellarakis 1973 – *Sakellarakis J. A.* Über die Einheit des sogenannten Nestorrings // Akten des 3 Kretologischen Kongress (Sept. 1971). Athen, 1973. S. 303–318.
- Schachermeyr 1955 – *Schachermeyr F.* Die ältesten Kulturen Griechenlands. Stuttgart, 1955.
- Woodroffe 1920 – *Woodroffe J.* Shakti and Shakta. London, 1920.

ПОГРЕБЕНИЯ СЕВЕРНОГО ТИПА В ПРОТОГЕОМЕТРИЧЕСКОЙ АТТИКЕ

Д. В. Панченко

В эпоху, последовавшую за разрушением важнейших микенских центров, в ряде областей Греции распространяется новый погребальный обряд – кремация. Среди ученых нет согласия ни относительно значения этого факта, ни относительно путей распространения кремации. Одни связывают нововведение с пришлым населением и при этом подчеркивают укорененность кремации в Центральной Европе. Другие же предлагают говорить лишь о культурном заимствовании и выводят его с востока. В общем плане я обсуждаю эти вопросы в другом месте (Панченко 2013). Здесь речь пойдет о более частном явлении – о наличии в захоронениях, связанных с кремацией, согнутых мечей.

Применительно к греческому миру большинство интересующих нас находок происходит из Аттики, точнее – из Афин. В восьми случаях захоронения с согнутыми мечами – это кремации, и лишь в одном, причем не вовсе бесспорном – ингумация. Не меньше половины этих кремаций относится к протогеометрическому периоду.¹ Упомянутая ингумация датируется периодом, переходным от субмикенского к протогеометрическому (ПГ).² Согнутое оружие во всех случаях железное.

Перечислю эти восемь комплексов:

1) В ПГ захоронении № 6 афинского Керамика, к северу от Эридана меч опоясывал амфору с пеплом в ее самой широкой части (Kraiker, Kübler 1939: 99, Taf. 76; Kilian-Dirlmeier 1993: Nr. 316).

2) В ПГ захоронении № 6 афинского Керамика, к югу от Эридана обожженный меч опоясывал плечики амфоры с пеплом. Рукоятка меча была положена внутрь амфоры (Kraiker, Kübler 1939: Nr. 183).

3) В ПГ захоронении № 28 Керамика обожженные меч и нож были согнуты вокруг горлышка и плечиков амфоры с пеплом, внутрь которой был положен железный наконечник стрелы (Kübler 1943: 34 ff., Taf. 38; Kilian-Dirlmeier 1993: Nr. 274).

---

¹ В категориях абсолютной хронологии протогеометрический период обыкновенно относят ко второй половине XI–X в. до н. э. (см. Lemos 2002: 24–26). Следует иметь в виду условность этой датировки. Мы не знаем, насколько протогеометрический период отстоит от конца позднеэладского, причем датировка последнего зависит от принятой системы египетской хронологии, которая в свою очередь не свободна от рискованных допущений (см. James et al. 1993). Не исключено, что в ходе дальнейших исследований протогеометрический период будет лет на сто омоложен.

² Д. Куртц и Дж. Бордмен говорят о согнутых мечах в аттических погребениях в связи с геометрическим, а не протогеометрическим периодом (Kurtz, Boardman 1971: 62, 216). Однако трудно сказать, отражает ли это их особую точку зрения.

4) В ПГ захоронении, обнаруженном под кафедральным собором в Афинах, меч был опоясан S-образно вокруг наконечника копья (Dontas 1953–1954: 92; Kilian-Dirlmeier 1993: Nr. 339).

5) В захоронении XXVII Агоры, переходном от протогеометрического к геометрическому периоду, меч опоясывал урну (Blegen 1952; Kilian-Dirlmeier 1993: Nr. 278).

6) В раннегеометрическом захоронении Керамика G 38 меч был U-образно согнут вокруг плечиков амфоры с пеплом (Kübler 1954: 234 ff. Taf. 165; Kilian-Dirlmeier 1993: Nr. 275).

7) В захоронении геометрического периода меч опоясывал плечики урны с пеплом (Kilian-Dirlmeier 1993: Nr. 276).

8) То же самое в еще одном захоронении из Афин (Ibid.: Nr. 338).

Остается, наконец, один не вполне ясный случай с ингумацией. Меч, положенный в могилу 2 Керамика, был, несомненно, искривлен, но идет ли речь об интересующем нас явлении – сказать с уверенностью на основании публикации затруднительно (Kübler 1943: 47; Kilian-Dirlmeier 1993: № 273).

Статистика может измениться с новыми находками. На сегодняшний день не будет большой ошибкой сказать, что по отношению к общему количеству железных мечей в аттических погребениях согнутые мечи составляют чуть меньше половины, а если брать в рассмотрение только кремации, то больше половины. Поскольку кремация в интересующий нас период являлась в Афинах господствующим видом захоронения, речь идет скорее об обычном, нежели экзотическом погребальном обряде. В архаическую эпоху согнутые мечи в аттических погребениях не наблюдаются, но здесь в это время вообще перестают хоронить с оружием.

Но если для Афин согнутые мечи в погребениях предстают типичным явлением, то во всем греческом мире нечто подобное наблюдается лишь на Евбее. При раскопках Лефканди были обнаружены три согнутых меча, относящихся к протогеометрическому периоду (Popham, Sacket 1980: 176; Kilian-Dirlmeier 1993: Nr. 318, 339; Lemos 2002: 118, no. 123), и один или два – к раннегеометрическому (Popham, Sacket 1980: 195; Kilian-Dirlmeier 1993: Nr. 280); и это около половины железных мечей, найденных в захоронениях, связанных с кремацией. В соседней Эретрии согнутых мечей больше и в количественном, и в процентном отношении, причем, как и в Аттике, они регулярно опоясывают сосуд с пеплом (в Эретрии – это бронзовые котлы), однако они датируются временем около 700 г. до н. э. (Kilian-Dirlmeier 1993: Nr. 377–380, 382–383).

Один согнутый меч был обнаружен на Крите среди нескольких десятков мечей, происходящих из погребений (Ibid.: Nr. 302). Еще один – в македонской Вергине, среди приблизительно полутора десятков несогнутых (Ibid.: Nr. 371), причем датировка погребений, о которых идет речь, остается в значительной мере неясной. Наконец, в Алосе (Фессалия) среди одиннадцати мечей, найденных на месте погребальных костров геометрического периода, один слегка изогнут (Wace, Thompson 1911–1912: 14, 27, fig. 15, 3).

Можно сказать, что в греческом мире рассматриваемый нами обычай – и особенно обычай опоясывать урну с пеплом согнутым мечом – оказывается *спецификой носителей западноионийского диалекта*. Ситуация с восточными ионийцами не вполне ясна. Их некрополи протогеометрического и геометрического периодов известны очень плохо. Согнутые мечи, служившие погребальным приношением, были, правда, найдены в Милете, но их относят к позднему бронзовому веку (Wiesner 1938: 152, Anm. 9). Более или менее общим для всех ионийцев было широкое распространение кремации, о чем можно судить по находкам в ионийских колониях. Можно надеяться, что дальнейшие исследования покажут, насколько обычай опоясывать урну с пеплом согнутым мечом или как-то иначе отводить место в погребении согнутому оружию является общеионийским или же специфически за-

падноионийским. В любом случае достойна внимания укорененность особой погребальной практики *лишь у одного* из основных греческих племен.

Обычай, получивший столь ограниченное распространение в греческом мире, имел совсем другую историю в Центральной Европе и примыкающих к ней областях Европы западной, северной и восточной. Здесь наличие среди погребального инвентаря согнутого оружия является массовым явлением, и прослеживается оно на протяжении многих столетий вплоть до эпохи викингов, среди погребений которых встречаются и урны, опоясанные мечом (Duczko 2004: 244). Согнутое оружие в погребениях достаточно обычно среди кельтов, у которых, впрочем, оно типичным образом сочетается с ингумацией; особенно характерно оно для погребений германцев (Jahn 1916: 16–21), регулярно выступая при этом в связи с кремацией (это особенно характерно для Скандинавии – Shetelig, Falk 1937: 185). Разумеется, то или иное культурное явление далеко не всегда происходит из того ареала, где оно получает особое распространение. Согнутое оружие, датированное средним бронзовым веком, известно из находок, сделанных на Кипре (Åström 1957: 274 ff., no. 1; 1987: 213–217) и в Сирии.³ Но только в Европе мы видим устойчивую традицию, восходящую также к бронзовому веку.⁴ И ввиду многочисленных связей Эгеиды с Европой в позднем бронзовом и раннем железном веке (см. Bouzek 1985; 1997; Панченко 2012: 106–109) естественно связывать появление согнутых мечей в греческих погребениях с влиянием, идущим с севера.⁵

Действительно, как еще объяснить присутствие согнутых мечей в аттических и еврейских кремациях? Согнутое оружие нередко истолковывают как частный случай преднамеренной порчи погребальных приношений (Åström 1987; Grinsel 1961; 1973). Соответствующая практика засвидетельствована в самых разных частях земного шара. Почему бы то, что пришло в голову одним людям, не могло независимым образом прийти другим? Такого рода подход в данном случае не представляется убедительным. Во-первых, практика преднамеренной порчи погребальных даров не является универсальной и потому сама должна быть проверена на предмет возможного распространения из одного центра. Во-вторых, весьма разные идеи могут стоять за разрушением предмета, с одной стороны, и скручиванием его – с другой: разбитая на куски вещь более не существует, тогда как согнутая как бы продолжает свое существование, изменив форму.⁶ В этом смысле интересующий нас обычай сохраняет свою существенную специфику – пусть даже в рамках более общей категории. В-третьих, независимое параллельное развитие в обсуждаемом случае кажется особенно маловероятным ввиду характерной для рассматриваемого периода общности в отношении типов как наступа-

³ Бронзовый кинжал, очевидно кипрского происхождения, был найден в Угарите (Schaeffer 1938: 219, Pl. XXII).

⁴ Для Дании и Северной Германии см.: Olshausen 1892: 129–175, особ. 167 и сл.; для Восточной Германии: Wüstemann 2004: Nr. 64, Taf. 9, Nr. 523; Taf. 85; для Венгрии: Kemenczei 1988: Nr. 104, Taf. 9 (кинжал), Nr. 245; Taf. 25; 1991: Nr. 59A; Taf. 12, Nr. 297; Taf. 64, Nr. 486; Taf. 72; для территории бывшей Югославии: Harding 1995: Nr. 230, Taf. 28.

⁵ Распространенность согнутого оружия в германских и кельтских погребениях отметил в связи с публикуемой им находкой Г. Донтас (Dontas 1953–1954). В связи с захоронением XXVII Агоры наличие обсуждаемого обычая в Центральной Европе упомянул С. Фолтини (Foltini 1961: 289). В целом сюжет не привлек к себе должного внимания, и европейские параллели в новейших работах не упоминаются.

⁶ Соответственно мне представляется неудачным принятое в англоязычной литературе обыкновение называть согнутые мечи «убитыми». В захоронение XXVII Агоры, наряду с согнутым мечом, двумя наколками от копий, топором и ножом, был положен точильный камень; сходным образом и в Лефканди одна из урн с пеплом была найдена вместе с мечом, который ее опоясывал, ножом и точилом. Наличие точила плохо вяжется с представлением об убитом мече.

тельного, так и оборонительного оружия, засвидетельствованной для Эгеиды и тех областей Европы, где погребения с согнутым оружием получили широкое распространение.

По-видимому, следует признать, что перед нами случай диффузии культурного феномена. Вместе с тем ясно, что ионийцы Аттики и Евбеи заимствовали обсуждаемую ритуальную практику не у ближайших соседей, у которых таковой попросту не наблюдается. Кажется неизбежным вывод о том, что она была занесена к ним по морю.

Менее ясным остается механизм заимствования. Можно допустить, что обычай был перенят ионийцами, подвизавшимися в качестве наемников в некоем заморском краю. Однако применительно к нашей эпохе такой сценарий выглядит маловероятным. Правда, Лефканди, в отличие от Афин, демонстрирует достаточно интенсивные связи с сиро-финикийским побережьем (Lemos 2002: 226–229), однако трудно указать на вероятных нанимателей, а тем более связать их с интересующей нас практикой.⁷ Более правдоподобным выглядит вариант, по которому в Аттике и на Евбее поселились группы воинов, являвшихся носителями традиции погребений с согнутыми мечами. Показательно, что и в целом распространение в Эгеиде кремации (с согнутым оружием или без него) отчетливо тяготеет к приморским областям. Между тем греческая эпическая традиция, в формировании которой носители западноионийского диалекта сыграли весьма важную роль (West 1988: 166), указывает на тесную связь части ее носителей с морем. Над прахом Эльпенора товарищи Одиссея насыпают могильный холм, водрузив над ним весло (Od. XII, 10–15). Сам Одиссей, пророчесствует Тиресий, будет странствовать до тех пор, пока не встретит человека, который примет весло в его руках за лопату (Od. XI, 121–130). Вспоминая Патрокла, Ахилл думает о том,

Сколько они подвизались, какие труды подымали,
Боев с мужами ища и свирепость морей искушая (Il. XXIV, 7–8).

Таким образом, мы вправе предположить (речь, разумеется, идет только о гипотезе), что обычай опоясывать урну согнутым оружием или как-то иначе помещать его рядом с ней был принесен в Грецию мореходами, бывшими выходцами из тех областей, где этот обычай получил чрезвычайно широкое распространение и укоренился на многие века, т. е. выходцами из Центральной Европы либо же Скандинавии. При этом вполне возможно, что их проникновению в Аттику и Евбею предшествовало их пребывание в каком-либо промежуточном регионе – например, на берегах Адриатического или Ионического морей.⁸

Панченко 2012 – *Панченко Д. В.* Викинги бронзового века и их наследие (к постановке вопроса) // STRATUMplus. 2012. № 2. С. 79–143.

Панченко 2013 – *Панченко Д. В.* Северные варвары в субмикенской Греции: из родословной классических греков // *Клейн Л. С.* Древние миграции и происхождение индоевропейских народов (в печати).

Åström 1957 – *Åström P.* The Middle Cypriote Bronze Age. Lund, 1957.

Åström 1987 – *Åström P.* Intentional Destruction of Grave Goods // Laffineur R. (ed.). *Thanatos*. Liege, 1987. P. 213–217.

---

⁷ Мне известен один согнутый железный кинжал из погребения XI в. в Мегиддо и согнутый железный меч типа Naue II (к которому принадлежат и все греческие мечи протогеометрического периода) из кремации в Хаме (Waldbaum 1978: 25, 28; Riis 1948: 32, fig. 19). Появление согнутого железного оружия в качестве погребального инвентаря в Палестине и Сирии естественней всего связать с вторжением в этот регион «народов моря».

⁸ Я признателен Энтони Снодграссу за ценные библиографические указания.

- Blegen 1952 – *Blegen C. W.* Two Athenian Grave Groups of about 900 B. C. // *Hesperia*. 1952. Vol. 21, 4. P. 279–294.
- Bouzek 1985 – *Bouzek J.* The Aegean, Anatolia and Europe: Cultural Interrelations in the Second Millennium B. C. Göteborg, 1985.
- Bouzek 1997 – *Bouzek J.* Greece, Anatolia and Europe: Cultural Interrelations during the Early Iron Age. Jonsered, 1997.
- Dontas 1953–1954 – *Dontas G. S.* Anaskaphe hypo ton Hieron Naon Metropoleos ton Athenon // *Archaologike Ephemeris*. 1953–1954. 3. P. 89–97.
- Duczko 2004 – *Duczko W.* Viking Rus: Studies on the Presence of Scandinavians in Eastern Europe. Leiden, 2004.
- Foltini 1961 – *Foltini S.* Athens and East Halstatt: Cultural Interrelations // *American Journal of Archaeology*. 1961. Vol. 65. P. 283–297.
- Grinsel 1961 – *Grinsel V. L.* The Breaking of Objects as a Funerary Rite // *Folklore*. 1961. Vol. 72, no. 3. P. 475–491.
- Grinsel 1973 – *Grinsel V. L.* The Breaking of Objects as a Funerary Rite: Supplementary Notes // *Folklore*. 1973. Vol. 84, no. 2. P. 111–114.
- Harding 1995 – *Harding A.* Die Schwerter in ehemaligen Jugoslawien. Stuttgart, 1995.
- Jahn 1916 – *Jahn M.* Die Bewaffnung der Germanen in der älteren Eisenzeit. Würzburg, 1916.
- James et al. 1993 – *James P. et al.* Centuries of Darkness. New Brunswick, 1993.
- Kemenczei 1988 – *Kemenczei T.* Die Schwerter in Ungarn Stuttgart, 1988. Bd 1.
- Kemenczei 1991 – *Kemenczei T.* Die Schwerter in Ungarn. Stuttgart, 1991. Bd 2.
- Kilian-Dirlmeier 1993 – *Kilian-Dirlmeier I.* Die Schwerter in Griechenland (außerhalb der Peloponnes), Bulgarien und Albanien. Stuttgart, 1993.
- Kraiker, Kübler 1939 – *Kraiker W., Kübler K.* Kerameikos. Berlin, 1939. Bd 1.
- Kübler 1943 – *Kübler K.* Kerameikos. Berlin, 1943. Bd 4.
- Kübler 1954 – *Kübler K.* Kerameikos. Berlin, 1954. Bd 5.
- Kurtz, Boardman 1971 – *Kurtz D. C., Boardman J.* Greek Burial Customs. London, 1971.
- Lemos 2002 – *Lemos I. S.* The Protogeometric Aegean: The Archaeology of the Late Eleventh and Tenth Centuries BC. Oxford, 2002.
- Olshausen 1892 – *Olshausen O.* Leichenverbrennung // *Verhandlungen der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte*. Berlin, 1892. S. 129–175.
- Popham, Sackett 1980 – *Popham M. R., Sackett L. H.* Lefkandi I. London, 1980.
- Riis 1948 – *Riis P. J.* Hama. Fouilles et recherches, 1931–1938. Copenhagen. 1948.
- Schaeffer 1938 – *Schaeffer C. F.-A.* Les fouilles de Ras Shamra-Ugarit // *Syria*. 1938. 19. P. 193–255, 313–334.
- Shetelig, Falk 1937 – *Shetelig H., Falk H.* Scandinavian Archaeology. Oxford, 1937.
- Wace, Thompson 1911–1912 – *Wace J. B., Thompson M. S.* Excavations at Halos // *The Annual of the British School at Athens*. 1911–1912. Vol. 18. P. 1–29.
- Waldbaum 1978 – *Waldbaum J. C.* From Bronze to Iron: The Transmission from the Bronze Age to the Iron Age in the Eastern Mediterranean. Göteborg, 1978.
- West 1988 – *West M. L.* The Rise of the Greek Epic // *The Journal of Hellenic Studies*. 1988. Vol. 108. P. 152–172.
- Wiesner 1938 – *Wiesner J.* Grab und Jenseits. Berlin, 1938.
- Wüstemann 2004 – *Wüstemann H.* Die Schwerter in Ostdeutschland. Stuttgart, 2004.

ОБ ИЗУЧЕНИИ КУРГАННОГО НЕКРОПОЛЯ ЮЗ-ОБА ПОД КЕРЧЬЮ

Ю. А. Виноградов

Среди памятников Боспора Киммерийского одним из наиболее известных является курганный некрополь Юз-Оба («Сто холмов») под Керчью. Цепь его курганов тянется в 7–8 км южнее горы Митридат, начинаясь на востоке, от берега Керченского пролива, точнее от двух мысов – Павловского и Ак-Бурунского – и теряясь на западе, в степи за современным Феодосийским шоссе. Название этого некрополя или даже краткую характеристику отдельных входящих в него погребальных комплексов можно найти в любой обобщающей работе по истории и культуре Боспора. Исследования Юз-Обы начались еще в первой половине XIX в., когда А. Б. Ашик в 1839 г. провел раскопки кургана на землях Мирзы Кекуватского (см. ДБК, т. 1: LXVIII–LXX, 32, 130, 189, 191; Ростовцев 1913–1914: 107; Артамонов 1966: 66; Виноградов 2012; Виноградов и др. 2012: 97–104) и так называемого Змеиног (см. Ашик 1848: 42, § 32; ДБК, т. 1: XX; Ростовцев 1913–1914: 106; Виноградов и др. 2012: 93–97). Однако в то время этот некрополь еще не понимался как некое единство, и керченские археологи не выделяли его из массы других курганов, скопления которых были разбросаны около города.

Главная заслуга в изучении Юз-Обы, безусловно, принадлежит директору Керченского музея древностей А. Е. Люценко. Почти сразу после завершения Крымской войны, когда в Керчь из эвакуации возвратились сотрудники музея, он писал будущему председателю Императорской Археологической комиссии С. Г. Строганову о планах своих раскопок. В своем письме А. Е. Люценко обратил внимание на курганы Юз-Обы, но еще не обозначал их привычным для нас названием. По этому поводу он заметил:

«Длинная цепь курганов, направляющихся к западу от Павловской батареи, представляет обширный круг для археологических разысканий. Подобно таманским, большая часть сих курганов кажется никем еще не копана. Причиною тому, вероятно, <служат> огромные размеры их и отдаленность местоположения от города» (НА ИИМК РАН, РА, ф. 14, д. 2, л. 17 об.).¹

Оценив перспективность раскопок курганов, лежащих на хребте Юз-Оба, А. Е. Люценко приступил к их целенаправленному изучению с 1858 г., и свои работы он начал на Павловском мысу (см. ОАК за 1859 г.: 6–15; Гайдукевич 1949: 254–255; Артамонов 1966: 67; Уильямс, Огден 1995: 166–171). В дальнейшем исследования были перенесены на более западные участки некрополя, а затем и на мыс Ак-Бурун. Именно благодаря стараниям этого ученого мировая археология обогатилась целым рядом великолепных памятников классической культуры, а в науку вошел сам термин – курганы Юз-Обы. К счастью для исследователей, в некоторых курганах были обнаружены неограбленные погребения, содер-

---

¹ Далее по тексту указание на название архива (НА ИИМК РАН, РА) опускается.

жавшие первоклассные произведения древнегреческого искусства. Такие вещи становились украшением коллекции Императорского Эрмитажа, и С. Г. Строганов находил немалые средства, настаивая на продолжении раскопок Юз-Обы. В частности, в ноябре 1861 г., направляя А. Е. Люценко 1000 руб., он подчеркивал, что эти деньги надо использовать для того, чтобы «усилить разыскания, которые я полагаю производить преимущественно на горе Юз-Оба, так как здесь были уже сделаны весьма значительные открытия в прошлых годах» (ф. 1, 1861 г., д. 16, л. 64). Надо признать, что раскопки А. Е. Люценко достаточно полно документированы: для многих курганов имеются весьма подробные для своего времени описания хода работ, сняты планы и разрезы гробниц. Помощники директора Керченского музея – сначала К. Р. Бегичев, а затем Ф. И. Гросс – сделали очень информативные зарисовки видов некрополя, открытых в курганах гробниц и т. д. Все эти материалы хранятся в Научном архиве Института истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург).

По понятным причинам А. Е. Люценко в курганах Юз-Обы попадалось немало ограбленных погребений, раскопки которых не могли радовать ни его самого, ни петербургское начальство. Нотки некоторого разочарования чувствуются уже в рапорте директора Керченского музея, направленном в Санкт-Петербург в июне 1860 г.:

«Холмы с остроконечными насыпями тянутся непрерывною цепью от Павловского и Ак-Бурунского мысов на северо-запад, группируясь в 3-х верстах от батареи (Павловской. – Ю. В.) на хребте горы Юз-Оба и простираясь дальше. Вероятно, они служили некрополисом важнейших сановников Пантикапеи, живших до Р. Х., ибо в гробницах, открываемых в насыпях, лежащих на этих холмах, не случалось находить стеклянной посуды. К сожалению, все они тронуты более или менее, и расследование их, особенно систематическое, сопряжено с большими затруднениями по причине скал» (ф. 1, 1860 г., д. 6, л. 40–41).

В июле 1862 г., после нескольких лет раскопок, А. Е. Люценко писал в Императорскую Археологическую комиссию:

«Вообще нельзя не заметить, что разыскания, произведенные мною в прошлом и нынешнем годах, несмотря на значительное их усиление, сопровождалось почти исключительно отрицательными результатами. Причиной тому – недостаток могильных насыпей, представляющих основательные надежды на открытие в них уцелевших гробниц. О работах, произведенных мною с 1859 г., можно сказать следующее. Из числа 15-ти больших курганов, расследованных на горе Юз-Оба, только в 6-ти оказались нетронутые гробницы, именно во 2, 3, 5, 6, 7 и 14-м; в остальных 9-ти курганах под №№ 1, 4, 8, 9, 10, 11, 12, 15 и 16-м найдены гробницы уже расхищенные в прежнее время.² Притом каждый из них заключал в себе не более одной гробницы в виде склепа или сожженного костра, в которых никогда не попадалось стеклянных вещей, – обстоятельство весьма замечательное и особенно характеризующее эту местность. К сожалению, на горе Юз-Оба уже нет курганов, внушающих надежду на открытие нетронутой гробницы, за исключением, быть может, того, который находится на земле помещика Багера»³ (ф. 1, 1862 г., д. 13, л. 9–9 об.).

После этого А. Е. Люценко прекратил раскопки на хребте Юз-Оба и обратил особое внимание на мыс Ак-Бурун, где были открыты два замечательных погребальных комплекса (1862 и 1875 гг.). Однако курганы некрополя по понятным причинам продолжали привлекать внимание исследователей и в последующие годы. В ноябре 1882 г. новый директор Кер-

² Нетрудно понять, что в приведенном перечне отсутствует курган № 13. Причина такого странного положения заключается в том, что раскопки на нем были запрещены Ф. Багером, на землях которого этот курган находился (Виноградов и др. 2012: 123–129).

³ На землях Ф. Багера находились самые западные курганы цепи Юз-Оба: Тринадцатый и Мирзы Кекуватского.

ченского музея С. И. Верebrюсов, вторя своему предшественнику, писал по этому поводу в Императорскую Археологическую комиссию:

«От мыса Ак-Бурун и Керченской крепости в направлении к западу расположена по хребту длинная цепь курганов, от которых и самый хребет получил у татар название Юз-Оба, “Сто могил”. Курганы эти, признаваемые археологами гробницами архонтов древнейшей Пантикапеи, были основательно расследованы преимущественно между 1859–62 годами. Но из 15-ти больших курганов только в шести оказались в центрах уцелевшие каменные склепы с галереями, египетской конструкции, построенные из правильно отесанных массивных камней, добытых на месте самой постройки; в остальных гробницы расчищены в давнее время. <...> При всем том открытия, сделанные в нескольких центральных гробницах, доставили много значительных предметов древности, обогативших Эрмитаж. Но в нерасследованных еще полáх этих курганов, по всей вероятности, остаются еще боковые гробницы, которые обещают новые находки. <...> Опытом дознано, что иногда боковые гробницы в полáх курганов оказываются важнее центральных.

Сверх того, с южной стороны горы Юз-Оба, вблизи древних каменоломен находится несколько могильных насыпей, имеющих продолговатые основания и плоские вершины. Прежде принимали их за возвышения, образовавшиеся от накопления щебня при разработке каменоломен, но потом дознано, что некоторые из них заключают в себе гробницы, вырубленные в мягких слоях скалы, и потому в 1863 году подробному расследованию подвергнуты были такие насыпи в 12-ти местах по скатам горы, но результаты этих раскопок оказались маловажны.⁴ Впрочем, этими 12-ю местами не ограничиваются гробничные насыпи на южном склоне хребта Юз-Оба, они залегают и далее в направлении к востоку, к крепостным укреплениям» (ф. 1, 1882 г., д. 7, л. 19 об.–20).

С. И. Верebrюсов считал необходимым провести специальные исследования в боковых полáх курганов Юз-Обы (Там же, л. 23), но этого своего намерения он выполнить не смог. Тем не менее в конце XIX в. раскопки некрополя периодически предпринимались Н. П. Кондаковым (ОАК за 1882–1888 гг.: XXXI–XXXII, LXXXIII–LXXXIV) и А. А. Бобринским (ОАК за 1882–1888 гг.: CCXIII–CCXIV; ОАК за 1889 г.: 11–13).

В XX в. раскопок на Юз-Обе почти не проводилось. Лишь в 1909 г. В. В. Шкорпил предпринял исследования одного из курганов, расположенных рядом с дорогой на Чурубаш, т. е. в современное село Приозерное (Шкорпил 1913: 37–40). Уже в советское время, в 1940 г., сотрудник Керченского музея Н. П. Кивокурцев исследовал один из курганов этого некрополя, который находился около той же дороги на Чурубаш (см. Гайдукевич 1981: 22, примеч. 38; 47). В 1994 г. Н. Ф. Федосеев провел спасательные раскопки другого кургана, находящегося около Змеинового (Федосеев 2005). Отмечая важность этих работ, следует признать, что принципиально новых материалов они не дали. Основной фонд фактических материалов о Юз-Обе был получен в XIX в.

Накопленный ценнейший археологический материал, к сожалению, был введен в научный оборот лишь частично. В «Отчетах Императорской Археологической комиссии» можно найти краткую информацию о раскопках некоторых из курганов, но на основании ее нельзя составить сколь-либо удовлетворительного представления о ходе исследований и сделанных находках. В большинстве случаев по этой информации мы не можем даже судить, на каких именно курганах проводились раскопки в том или ином году. Некоторые произведения древнегреческого искусства, полученные при раскопках Юз-Обы, проанализированы Л. Стефани в ряде его приложений к выпускам ОАК, но и эти замечательные исследования охватывают лишь незначительную часть добытых материалов. Оценивая сложившуюся си-

---

⁴ А. Е. Люценко провел исследования «малых» курганов на южном склоне Юз-Обы в 1863 г. и раскопал здесь не 12, как посчитал С. И. Верebrюсов, а 13 насыпей. Из них лишь в трех были обнаружены гробницы (ОАК за 1863 г.: X).

туацию, М. И. Ростовцев справедливо заметил: «К сожалению, описания Люценка изданы только в чрезвычайно кратких извлечениях, а большинство рисунков, как планы раскопки отдельных курганов, составленные Люценком, так и рисунки Бегичева, совсем не изданы» (Ростовцев 1913–1914: 100).

Стремясь исправить эту ситуацию, М. И. Ростовцев в своей «Античной декоративной живописи на Юге России» опубликовал очень содержательный очерк о склепах Юз-Обы (Там же: 99–109). Тем самым он сделал первый шаг в деле изучения этого важного памятника боспорской археологии. По его стопам уже в советское время пошел К. Э. Гриневич, посвятивший данному памятнику довольно крупную статью (Гриневич 1952). Этот автор, в частности, сделал заключение, что Змеиный курган, раскопанный А. Б. Ашиком (1839 г.), и Змеиный курган, работы на котором провел Н. П. Кондаков (1883 и 1885 гг.), – два различных комплекса и называть их следует соответственно Первым и Вторым Змеиными (Гриневич 1952: 144–145). Такое разделение вошло в археологическую литературу (Цветаева 1957: 240; Яковенко 1974: 66; Масленников 1981: 54–55; Виноградов 2005: 271; 2010: 529; Виноградов, Горончаровский: 2009: 87), но оно вряд ли справедливо. Н. Ф. Федосеев по этому поводу заметил, что своим разделением К. Э. Гриневич только запутал и без того непростую ситуацию с изучением Юз-Обы (Федосеев 2005: 411), и с таким заключением вполне можно согласиться.

По понятным причинам работы М. И. Ростовцева и К. Э. Гриневича никак не могли носить исчерпывающего характера, и детальное изучение комплексов Юз-Обы требовало продолжения. Тем не менее с большим удивлением приходится констатировать, что две названные публикации по существу исчерпывают библиографию, связанную с одним из важнейших памятников Боспора Киммерийского. Правда, в обобщающих работах последних десятилетий некоторые курганы Юз-Обы традиционно упоминаются, но никакого нового знания по этому вопросу они не добавляют (см. Долгоруков 1984: 96; Корпусова 1986: 387). Более того, на основании таких работ у читателей может сложиться превратное представление, что все погребальные комплексы этого некрополя давно и хорошо изучены.

Для понимания такого археологического памятника, каковым является Юз-Оба, принципиальное значение имеет его районирование. Единства взглядов по этому вопросу не существует. М. И. Ростовцев считал, что курганы мыса Ак-Бурун, хотя и связаны с Юз-Обой, непосредственно к этому некрополю не относятся (Ростовцев 1925: 256, 388), и в этом отношении он явно заблуждался. К. Э. Гриневич был более прав, когда разделил Юз-Обу на три участка: 1) от Ак-Буруна и Павловского мыса до шоссе на Аршинцево; 2) от этой дороги до дороги, идущей из Керчи на озеро Чурубаш; 3) от чурубашской дороги до последнего кургана в степи (Гриневич 1952: 131). Как представляется, проще и логичней делить этот памятник на следующие три участка: 1) Павловский мыс; 2) мыс Ак-Бурун; 3) курганы по хребту Юз-Оба.

До сих пор остается не ясной хронологическая атрибуция Юз-Обы. М. И. Ростовцев датировал некрополь последними десятилетиями IV в. до н. э., считая его синхронным погребениям Большой Близницы, но предшествующим курганам Васюринской горы (Ростовцев 1913–1914: 108). По мнению Ю. Ю. Марти, курганы Юз-Обы относятся к второй половине этого столетия (Марти 1926: 24), а К. Э. Гриневича датировал этот некрополь в пределах 360–330 гг. до н. э. (Гриневич 1952: 148). Несмотря на имеющиеся расхождения хронологической атрибуции некрополя, есть все основания считать, что Юз-Оба принадлежит ярчайшему периоду в истории Боспорского царства, который приходится на вторую половину IV – начало III в. до н. э. (Виноградов 2010: 530). Более точные хронологические рамки можно установить только после специального изучения всех находок из курганов этого некрополя, хранящихся в Государственном Эрмитаже. Опираясь на отдельные опу-

бликованные вещи, ожидать создания убедительной и бесспорной хронологической схемы, конечно, невозможно.

В это трудно поверить, но мы точно не знаем даже количества курганов, входивших в некрополь Юз-Оба. М. И. Ростовцев в своем весьма ценном очерке привел данные или же просто упомянул о семи погребальных комплексах (Ростовцев 1913–1914: 99–109). К. Э. Гриневич, который, как можно было бы предполагать, проанализировал все материалы о раскопках Юз-Обы, тоже не внес ясности в этот вопрос. В его работе можно найти упоминания лишь о десяти курганных комплексах (Гриневич 1952). Но сколько же их было на самом деле?

В свое время К. Р. Бегичев наивно полагал, что их было около ста (ф. 1, 1859 г., д. 12, л. 109, № 3). Это число, конечно, соответствует названию хребта «Сто холмов», однако одного взгляда на местность к югу от Керчи достаточно, чтобы признать, что в Юз-Обе есть разве что половина от ста насыпей. На карте, опубликованной в «Древностях Боспора Киммерийского», на хребте Юз-Оба, а также на обоих названных мысах имеется более 60 знаков, которые, скорее всего, обозначают большие и малые курганы (ДБК, Атлас: карта 1). Однако всем этим обозначениям вряд ли следует полностью доверять, поскольку таким образом могли быть обозначены не только курганы, но и естественные всхолмления, и грунтовые насыпи, образовавшиеся в результате хозяйственной деятельности человека, в частности, добычи камня в Старокарантинных каменоломнях и т. п.

Другой принципиально важный вопрос заключается в том, что мы не знаем, какие из этих курганов были раскопаны и каково количество этих, раскопанных курганов. Два кургана некрополя, как известно, были раскопаны А. Б. Ашиком (Змеиный и Мирзы Кекуватского). В приведенном выше письме А. Е. Люценко говорится о предпринятых им раскопках шестнадцати (точнее – семнадцати) курганов, правда, в это число он не включал курганы Ак-Бурунского и Павловского мысов. Все сказанное выше дает основания признать, что некрополь боспорской знати Юз-Оба, несмотря на его общеизвестность, мы знаем очень и очень слабо. Неудивительно, что 60 лет назад К. Э. Гриневич настаивал на продолжении его изучения, предлагая следующие направления исследований:

Во-первых, необходимо составить подробный план расположения курганов на Юз-Обе.

Во-вторых, необходимо по оригиналам отчетов и донесений различных исследователей, хранящихся в архиве ИИМК, «тщательно проверить, ввиду краткости изданных отчетов, все раскопочные данные, дать подробный анализ каждой из находок и все это потом сверить с современным состоянием Юз-Обы на месте» (Гриневич 1952: 148).

Наконец, исследователь правильно заметил, что некоторые курганы Юз-Обы были лишь «ранены раскопками, но не расследованы до конца» (Там же: 129), и, соответственно, задача исследования хотя бы некоторых из них является одной из самых насущных для современной археологической науки.

Совсем недавно Н. Ф. Федосеев вновь указал на необходимость продолжения изучения Юз-Обы. Среди насущных задач он называет следующие: уточнение локализации отдельных курганов, публикацию всех имеющихся архивных материалов, а также всех находок, хранящихся в музеях, и, наконец, исследование некоторых из насыпей (Федосеев 2005: 411).

В полной мере соглашаясь с предложениями К. Э. Гриневича и Н. Ф. Федосеева, необходимо подчеркнуть, что для исправления существующего порочного положения, прежде всего, необходимо обратиться к документам о раскопках под Керчью, хранящимся в Научном архиве ИИМК РАН,⁵ а также к находкам, происходящим из этих погребальных комплексов,

---

⁵ Работа, содержащая публикацию материалов Научного архива ИИМК РАН о Юз-Обе, увидела свет в 2012 г. (Виноградов и др. 2012).

в музейных собраниях. К сожалению, последнее в силу ряда причин в полной мере сделать невозможно, но материалы архива вполне доступны, и их изучение дает основание сделать ряд выводов, которые по понятным причинам до публикации всех имеющихся материалов могут носить лишь сугубо предварительный характер.

Прежде всего, это касается количества исследованных курганов. Проведенное мною изучение архивных материалов позволяет считать, что на Павловском мысу их было 3, на Ак-Бурунском – 5, на хребте Юз-Оба 2 кургана стали хрестоматийно известными – Змеиный и на землях Мирзы Кекуватского, А. Е. Люценко провел раскопки на 17 курганах, обозначенных им номерами (№ 1–17), на южном склоне древние гробницы были обнаружены в 3 «малых» курганах, кроме того, 4 кургана следует обозначить по годам их исследования – 1883 г., 1909 г., 1940 г. и 1994 г. Общее количество, как легко посчитать, составляет 34. Эту цифру, разумеется, следует считать условной, во всяком случае отличающейся от количества всех курганов некрополя (приблизительно 50), что связано с целым рядом обстоятельств. В первую очередь, логично ожидать, что раскопки были проведены не на всех памятниках, а это означает, что реальная цифра курганов Юз-Обы может быть больше, чем 34. В этом отношении следует обратить внимание на одну топографическую привязку А. Е. Люценко, указывавшего, что Двенадцатый курган является шестым в западном направлении от Острого или Десятого (ф. 1, 1861 г., д. 16, л. 49). Однако твердо известно, что на этом участке директор Керченского музея провел исследования двух курганов (Четырнадцатого и Пятнадцатого), не исключено, что здесь же находится и третий курган, затронутый его раскопками, Семнадцатый. О судьбе двух других насыпей мы вообще ничего не знаем, и очень может быть, что А. Е. Люценко, признав их «неблагонадежными», т. е. затронутыми грабительскими раскопками прежних времен, не рискнул проводить здесь археологические исследования. Вместе с тем в число насыпей, обозначенных на топографических планах, эти два памятника вполне могли войти.

С другой стороны, было бы ошибкой настаивать, что исследования на одном кургане не могли проводиться дважды или даже большее количество раз; к примеру, вполне возможно, что курганы 1909 и 1940 гг. раскапывались А. Б. Ашиком или А. Е. Люценко, а это обстоятельство уже должно вести к относительному сокращению общего числа памятников, т. е. их может быть меньше, чем 34. Кроме того, не следует забывать о так называемых «малых» насыпях, расположенных на южном склоне Юз-Обы, рядом с каменоломней. А. Е. Люценко раскопал здесь 13 насыпей, из которых гробницы содержали лишь 3, остальные же, по его заключению, образовались в результате функционирования каменоломни (ОАК за 1863 г.: X). Два из открытых здесь погребений представляют немалый научный интерес (см. Виноградов 2009: 269–270), но это обстоятельство не имеет отношения к рассматриваемому сейчас вопросу.

Таким образом, из общего числа памятников, которые теоретически могли быть учтены в результате их осмотра, следует вычесть по крайней мере 10 «малых» насыпей.⁶ Наконец, по хронологическим соображениям из Юз-Обы следует исключить Пятый курган на мысе Ак-Бурун, поскольку он относится приблизительно к середине V в. до н. э. (Яковенко 1970: 59; 1974: 105; Виноградов 2005: 249), т. е. был насыпан приблизительно на 75 лет раньше, чем начал формироваться некрополь, о чем будет сказано далее. Однако, несмотря на обозначенные сложности, приведенная цифра (34 раскопанных кургана) может считаться близкой к реальной картине.

⁶ С. И. Веребрюсов обратил внимание, что реальное количество «малых» курганов было большим, и они распространялись вплоть до Керченской крепости (ф. 1, 1882 г., д. 7, л. 20). Археологические работы на этих насыпях никогда не проводились, но, как представляется, их могли обозначить на планах местности.

За исключением Пятого Ак-Бурунского, как безусловно более раннего, для более подробного рассмотрения нас должны интересовать 33 кургана. В их ряду представлены огромные насыпи, достигающие 17 м в высоту: Десятый (Острый), Тринадцатый, Пятнадцатый и Семнадцатый. Однако имеются и весьма скромные, имеющие от 2 (Первый «малый», курган 1994 г.) до 6,5 м. Средняя величина насыпей Юз-Обы составляет 8,4 м, иными словами, следует признать, что этот некрополь, в основном, состоял из весьма крупных курганов. Практически во всех насыпях Юз-Обы зафиксированы остатки тризн (см. Кастанаян 1950), все курганы имели каменные крепиды. При этом Четырнадцатый курган отличается наличием двух концентрических стен вокруг основания, а Острый (Десятый) курган имел, как представляется, абсолютно уникальную крепиду в виде восьмиугольника правильной формы.

Никто из исследователей Боспора Киммерийского, начиная с А. Е. Люценко, не сомневался и не сомневается в том, что Юз-Оба является некрополем боспорской знати, относящимся к времени наивысшего расцвета государства в IV в. до н. э. (см. Гайдукевич 1949: 257; Gajdukevič 1971: 276). К. Э. Гриневиц по этому поводу заметил: «Юз-Оба – это целый некрополь, давший ряд интереснейших погребений представителей пантикапейской знати или даже династов» (Гриневиц 1952: 130). С. И. Веребрюсов в свое время предположил, что здесь сосредоточены гробницы «архонтов древнейшей Пантикапеи» (ф. 1, 1882 г., д. 7, л. 20). Н. Ф. Федосеев поддержал это мнение, считая, что некрополь принадлежит царской династии Спартокидов (Федосеев 2005: 411). Конкретизация такой точки зрения вызывает немалые сложности, связанные с недостаточной изученностью материалов, полученных во время раскопок, однако все-таки можно высказать предположение, что в Десятом (Остром) кургане был погребен знаменитый боспорский царь Левкон I (Виноградов 2011).

М. И. Ростовцев считал, что погребальные комплексы Юз-Обы демонстрируют «типично греческий, специально ионический героический погребальный обряд» (Ростовцев 1925: 195; Rostowzew 1931: 180). В частности, он отмечал это по поводу Второго Павловского кургана, но этот погребальный комплекс сейчас принято рассматривать как жреческий (Гайдукевич 1949: 255; Gajdukevič 1971: 275; см. также: Сокольский 1969: 36; Шауб 2007: 342–343).

В. Ф. Гайдукевич, в чем-то вторя М. И. Ростовцеву, одно время полагал, что «курганы Юз-Обы содержат погребения, в которых почти нет элементов варварского культурного уклада» (Гайдукевич 1949: 256). В целом, он был не особенно далек от истины, но в немецком издании «Боспорского царства» все-таки был вынужден признать, что в курганах Юз-Обы сосредоточены погребения частично греческой, частично эллинизированной элиты государства (Gajdukevič 1971: 276). Действительно, в некрополе имеются черты культурного своеобразия, которые вряд ли можно считать чисто греческими, в связи с чем обозначу лишь некоторые показательные примеры. Грандиозная катакомба Острога (Десятого) кургана имеет явное родство с погребальными памятниками Великой Скифии (Виноградов 2011; Виноградов и др. 2012: 72–83). Склеп, открытый в кургане на землях Мирзы Кекуватского, содержал погребение знатного воина с богатым и многочисленным набором вооружения, что не было характерно для греческих некрополей IV в. до н. э. (Артамонов 1966: 66; Виноградов 2012; Виноградов и др. 2012: 97–104). Третий курган, раскопанный на мысе Ак-Бурун в 1875 г., является ключевым памятником для изучения своеобразия связей Боспора с варварским миром времени падения Великой Скифии (Виноградов 1993; 2005: 292–293; Виноградов и др. 2012: 117–122). Парное человеческое жертвоприношение (?), открытое Н. П. Кондаковым в Змеином кургане (ОАК за 1882–1888 гг.: XXXI), скорее всего, демонстрирует одно из направлений варварского влияния на погребальную обрядность Боспора (Виноградов и др. 2012: 93–97).

В высшей степени любопытны также каменные погребальные доски или плитки, открытые в Третьем и Пятом курганах. Обе происходят из женских погребений, в обоих случаях они занимали особое место, между саркофагом и северной стеной склепа. Они не имели орнаментации, но практически нет сомнения, что в погребальном обряде боспорской знати IV в. до н. э. эти плитки играли важную, хотя и не понятную для нас роль.⁷ Во всяком случае, А. Е. Люценко признавал, что они «очень часто встречались в пантикапейских каменных гробницах» (ОАК за 1860 г.: V), и очень жаль, что современные исследователи «забыли» об этих любопытных предметах.

Во всех курганах Юз-Обы, за исключением Семнадцатого и Первого Павловского, были открыты древние гробницы, которые можно признать основными. К сожалению, имеющиеся описания отнюдь не всегда дают основания для суждений о типе погребальных сооружений, а об устройстве гробницы Третьего «малого» кургана невозможно даже предполагать. Несмотря на это досадное обстоятельство, основываясь на данных о 30 курганах, попытаемся выделить эти типы и выяснить их количественное соотношение. В. Ф. Гайдукевич считал, что среди типов погребальных сооружений Юз-Обы безусловно господствующим был склеп с уступчатым перекрытием (Гайдукевич 1949: 254). Но так ли это на самом деле?

Склепы с уступчатым перекрытием свода были открыты в следующих курганах: Третий (№ 50), Пятый (двойной склеп № 48), Пятнадцатый (№ 21), 1940 г. Всего их, как видим, четыре, так что этот тип никак нельзя считать «безусловно господствующим».

Склепов с полуциркульным сводом можно насчитать три: курган Мирзы Кекуватского, Шестой (склеп № 47) и Второй Ак-Бурунский. Архивные материалы не всегда дают основания для точного определения конструкции склепов этой группы. В принципе, здесь представлены как склепы с уступчатым сводом, в которых уступы были гладко срезаны, к примеру, в кургане Мирзы Кекуватского (Виноградов 2012; Виноградов и др. 2012: 97–104), так и склепы с арочным или клинчатым сводом, как в склепе № 47 Шестого кургана (Ростовцев 1913–1914: 103–104; Гайдукевич 1949: 259–261, рис. 44; Виноградов и др. 2012: 62–66). Конструкция склепа Второго Ак-Бурунского кургана остается неясной.

Склепы с перекрытием из горизонтально уложенных плит: Второй Павловский, Третий Павловский, Седьмой на хребте Юз-Оба (склеп № 2), курган 1909 г. Всего их четыре.

Склепы, конструкция свода которых остается неизвестной по причине краткости и неточности описаний, открыты в шести курганах: Второй, Восьмой, Одиннадцатый, Первый Ак-Бурунский, Четвертый Ак-Бурунский, Змеиный.

Нетрудно посчитать, что в общей сложности на Юз-Обе было открыто 17 склепов, и они составляют чуть более половины от всех известных нам погребальных комплексов. В количественном отношении им несколько уступают другие, по большей части сравнительно скромные сооружения.

Катакомба: Острый (Десятый) курган. Эту катакомбу, правда, никак нельзя назвать скромной, она грандиозна (Виноградов 2011).

Грунтовые ямы, обложенные камнями и перекрытые каменными плитами: Девятый (№ 11), 1883 г., 1994 г., Первый «малый» (№ 7), Второй «малый» (№ 9). Эти погребальные комплексы можно считать уменьшенными вариантами склепов третьего типа, захоронения здесь совершены по обряду трупоположения. Всего их пять.

---

⁷ Возможно, эти плитки следует сближать с большими плоскими камнями, происходящими из погребений некрополя Ольвии, которые обычно называют «точильными камнями» или «каменными блюдами» (Скуднева 1988: 31–32). Очень показательна их связь с жреческими, женскими погребальными комплексами (см. Шауб 2007: 246–248).

Грунтовые ямы, содержавшие кремации: Первый (№ 7), Четвертый (№ 52), Двенадцатый (№ 27), Тринадцатый (№ 18), Четырнадцатый (№ 13), Шестнадцатый (№ 52), Третий Ак-Бурунский. Всего их семь.

А. Е. Люценко после нескольких лет раскопок некрополя пришел к выводу, что каждый из входящих в него курганов «заключал в себе не более одной гробницы в виде склепа или сожженного костра, в которых никогда не попадалось стеклянных вещей, – обстоятельство весьма замечательное и особенно характеризующее эту местность» (ф. 1, 1862, д. 13, л. 9). Последнее наблюдение имеет большое значение для хронологической атрибуции памятника, о чем речь пойдет далее. Что касается заключения А. Е. Люценко о том, что каждый курган содержал только одно погребение, то оно не вполне верно. Впускные погребения не были обнаружены в 23 курганах, хотя в большинстве случаев, как представляется, это обстоятельство можно связывать с бесспорным фактом неполноты исследования насыпей. Так что заключение А. Е. Люценко отнюдь не означает, что впускных погребений в 23 курганах действительно не было. Итак, перечислим курганы без впускных погребений: Второй, Третий, Четвертый, Пятый, Седьмой, Восьмой, Девятый, Десятый (Острый), Одиннадцатый, Четырнадцатый, Пятнадцатый, Шестнадцатый, Семнадцатый, Мирзы Кекуватского, Первый Ак-Бурунский, Второй Ак-Бурунский, Четвертый Ак-Бурунский, 1909 г., 1940 г., 1994 г. и три «малых» кургана на южном склоне хребта Юз-Оба.

Впускные погребения были зафиксированы в 9 курганах: во втором Павловском кургане были открыты две впускные гробницы (№ 1 и 3), в третьем Павловском – одна (№ 37), в третьем Ак-Бурунском – женская кремация, в Змеином – погребение с двумя костяками, лежащими друг на друге, в первом – кремация (№ 7) и детская гробница (№ 48), в шестом – гробница № 8 с двумя урнами, в двенадцатом – кремация (№ 28) и детская ингумация (№ 14), в тринадцатом – две каменные (№ 74 и 75) и одна земляная гробницы, в кургане 1883 г. были открыты две гробницы, сложенные из камней. Как видим, курганы Юз-Обы чаще всего имели по два впускных погребения, и в этом отношении они, конечно, сильно отличаются от курганов, расположенных в ближайших окрестностях Керчи, которые часто просто «нашпигованы» более поздними захоронениями.

Весьма любопытны дополнительные захоронения, обнаруженные в курганах западной части некрополя. Особое место в их ряду принадлежит погребальному комплексу, открытому Н. П. Кондаковым в Змеином кургане, о котором частично уже говорилось выше. Этот комплекс был расположен «в десяти сажнях (21,13 м. – Ю. В.) от подошвы, между двумя выступами природных скал», где находились два костяка «лежавшие поперек один на другом, по-видимому, двух убитых рабов, и при них найдены чашечка из грубой глины и обломки железного ножа» (ф. 1, 1883 г., д. 23, л. 8; ОАК за 1882–1888 гг.: XXXI). Заключение автора раскопок по этому вопросу, по всей видимости, следует признать адекватным действительности. Вполне возможно, что Змеиный курган дает единственный на Боспоре пример человеческих жертвоприношений, применявшихся во время совершения погребального обряда рядом с могилами людей высокого (высочайшего?) социального ранга.

От этого комплекса отличаются впускные погребения, открытые в кургане 1883 г. (ОАК за 1882–1888 гг.: XXXII–XXXIII) и тринадцатом (Там же: ССХIII–ССХIV). Они служат образцом рядовых каменных гробниц с коллективными захоронениями, интерпретация которых в контексте некрополя боспорской знати связана с немалыми трудностями. С одной стороны, можно высказать догадку, что появление всех этих погребений является результатом обеднения некогда могущественных семей боспорской аристократии, потомки которых пытались сохранить традицию захоронения усопших родственников на «своем» месте. С другой стороны, вряд ли можно исключать возможность иного объяснения – эти рядовые погребальные комплексы появились в западной части некрополя в результате из-

менения военно-политической обстановки в Восточном Крыму, когда местное население, воспользовавшись ослаблением центральной власти в Пантикапее в первой половине III в. до н. э. (к сожалению, о дате этих погребений можно судить лишь гипотетически), стало пользоваться в своих целях могильными насыпями аристократии более ранних времен. Наконец, можно допустить, что оба процесса шли параллельно.

Важнейшим вопросом изучения любого некрополя является его хронология. А. Е. Люценко не давал точных хронологических реперов, но специально подчеркивал, что ни в одном из погребений Юз-Обы не было обнаружено стеклянных вещей. В середине XIX в. археологи уже прекрасно понимали, что могилы со стеклянными вещами относятся к первым векам нашей эры (см. Виноградов 2009: 267, 271), иными словами, А. Е. Люценко с полным на то основанием датировал некрополь доримской эпохой. Уже говорилось, что исследователи XX столетия атрибутировали Юз-Обу в пределах последних десятилетий IV в. до н. э., второй половины этого столетия или 360–330 гг. до н. э. (Ростовцев 1913–1914: 108; Марти 1926: 24; Гриневич 1952: 148), и, как будет показано ниже, эти датировки близки к действительности. Тем не менее предпринимались попытки выявить здесь более поздние материалы. К. Э. Гриневич, в частности, сообщил, что перед Великой Отечественной войной около Змеиног кургана (Второго Змеиног, как он определил этот памятник) проводил раскопки Н. П. Кивокурцев, которому удалось обнаружить остатки поселения первых веков нашей эры к востоку от кургана. По определению К. Э. Гриневича, «здесь находился поселок каменотесов или погребальщиков» (Гриневич 1952: 146). Вероятно, рядом с этим поселением располагался некрополь, из которого происходят надгробные стелы и стеклянные сосуды (Цветаева 1957: 245, 248; Федосеев 2005: 411). Все эти материалы не были опубликованы, поскольку автор раскопок Н. П. Кивокурцев скончался от ран в 1942 г. (Федосеев 2005: 411). Г. А. Цветаева в этой информации попыталась найти свидетельство функционирования некрополя Юз-Оба в первые века нашей эры (Цветаева 1957: 245, 248), что, на мой взгляд, абсолютно не оправданно.

Самым ранним в некрополе можно признать Девятый курган, в котором был обнаружен разрушенный каменный склеп. По находке фасосского амфорного клейма его можно датировать концом первой–началом второй четверти IV в. до н. э. (ф. 1, 1861 г., д. 16, л. 41 об.–42, 46 об.–47, 48 об.; 1862 г., д. 13, л. 7, 12). Этот курган расположен в восточной части Юз-Обы. Самым поздним, по всей видимости, является Третий курган на мысе Ак-Бурун, который можно датировать концом IV–началом III в. до н. э. (Виноградов 1993). Таким образом, некрополь Юз-Оба сформировался приблизительно за 75 лет, и практически он не выходит за пределы IV в. до н. э. На первый взгляд, было бы логично ожидать, что самые ранние курганы располагались в его восточной части, т. е. ближе к проливу, а самые поздние – в западной, постепенно теряясь в открытой степи. Однако это не совсем так. На крайнем западе Юз-Обы расположена группа самых крупных курганов: Змеиный (11 м), Мирзы Кекуватского (16 м), Тринадцатый (11 или 17 м), Пятнадцатый (17 м), Семнадцатый (17 м) и далее к востоку – Острый (17 м). В высшей степени любопытно, что в этой группе представлены курганы, являющиеся одними из самых ранних в некрополе: Змеиный (вторая четверть IV в. до н. э.), Мирзы Кекуватского (середина IV в. до н. э.). Иными словами, складывается впечатление, что западный репер Юз-Обы был поставлен сравнительно быстро. В связи с этим стоит обратить внимание, что самый поздний курган некрополя был сооружен совсем не на западе, а на востоке, на мысе Ак-Бурун.

Поздняя группа погребений Юз-Обы, относящихся, по всей видимости, к последнему десятилетию IV–началу III в. до н. э., представляет особый научный интерес. Прежде всего, поздние насыпи, в основном, отличаются весьма скромными размерами: Седьмой (7,3 м), Третий Ак-Бурунский (6,4 м), Первый «малый» (около 2 м), Второй «малый» (4,25 м), кур-

ган 1994 г. (чуть более 2 м). Кроме того, они демонстрируют новые черты материальной культуры, появившиеся на Боспоре в это время. Три из пяти названных погребальных комплексов являются воинскими (Ак-Бурунский, Первый и Второй «малые»), при этом в двух из них найдены мечи синдо-меотского типа (Ак-Бурунский и Второй «малый»). Из двух погребений происходят детали поясов: железный крючок, обтянутый золотом, в виде птички (Третий Ак-Бурунский) и бронзовая пряжка с частью кожаного ремня (Седьмой курган). Все эти детали позволяют судить об усилении культурных импульсов, пришедших на Боспор в последнем десятилетии IV в. до н. э. из районов Прикубанья, т. е. из меото-сарматского мира (Виноградов 2005: 294).

Еще раз следует выделить Десятый (Острый) курган как весьма своеобразный, даже уникальный для Боспора архитектурный памятник. Как уже было сказано, в нем была открыта грандиозная катакомба, которую можно связывать с погребением знаменитого боспорского правителя Левкона I (см. Виноградов 2011; Виноградов и др. 2012: 72–83).

Оценивая весь некрополь в целом, следует признать, что его планировка была весьма любопытной. К. Р. Бегичев, принимавший в раскопках курганов Юз-Обы самое активное участие, оставил одно чрезвычайно важное наблюдение. Он писал:

«Курганы эти в натуре расположены почти в шахматном порядке один к другому и идут на различном расстоянии то повышаясь, то понижаясь по излучистой поверхности хребта, редко спускаясь на его покатости. Вообще, как замечено, курганы эти насыпаны над скалистыми пиками, видимыми отчасти наруже, на поверхности самих курганов или же выдающимися особо по хребту, наружный вид которого изменяется по причине ущелий, разъединяющих его на известном расстоянии и дающих ему вид отдельных возвышенностей, имеющих на всем протяжении своем скат более крутой с северной стороны, нежели с южной» (ф. 1, 1859 г., д. 12, л. 110 об.).

Как видим, К. Р. Бегичев в цепочке курганов Юз-Обы рассмотрел элемент их ритмической организации, выразившейся в «шахматном порядке» расположения насыпей. Вообще же по поводу боспорских курганных могильников М. И. Артамонов эмоционально, но очень верно заметил: «Где это видано, чтобы греки, жители городов, устраивали кладбища вдали от городов, в степи, да еще располагали курганы так, как они размещались обычно у кочевников, т. е. по сыртам, вдоль водораздельных холмов? Уже одно это расположение должно указать каждому внимательному наблюдателю на тесную связь погребенных со степью, а не с городом» (Артамонов 1949: 31). Наиболее распространенным и массовым типом курганных ансамблей ранних кочевников, как известно, была цепочка. Боспорские архитекторы использовали именно этот простой тип, позволявший получить «оптический эффект ритмического строя, создававший при перспективном наблюдении иллюзию бесконечного ряда» (Чернопицкий 1980: 185). Нет сомнения, что этим способом достигалось выражение фундаментальной идеи, связанной с представлением о вечности жизни на земле.

Подводя итог, необходимо подчеркнуть, что Юз-Оба является важным памятником истории Боспора IV в. до н. э. Вероятно, и боспорянами этот курганный некрополь воспринимался приблизительно так же, а именно как символ яркой и самобытной исторической эпохи, как вполне сложившийся ландшафтообразующий элемент, нарушать который, как представляется, было просто запрещено. Очень хочется верить, что власти современной Керчи будут действовать в русле обозначенной традиции, а археологи активизируют свои усилия по изучению этого, столь замечательного памятника классической культуры Восточного Крыма.

- Артамонов 1966 – *Артамонов М. И.* Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага; Л., 1966.
- Ашик 1848 – *Ашик А. Б.* Воспорское царство. Одесса, 1848. Ч. 2.
- Виноградов 1993 – *Виноградов Ю. А.* Курган Ак-Бурун (1875 г.) // Скифия и Боспор (материалы конференции памяти академика М. И. Ростовцева). Новочеркасск, 1993. С. 38–51.
- Виноградов 2005 – *Виноградов Ю. А.* Боспор Киммерийский // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб., 2005. С. 211–296.
- Виноградов 2009 – *Виноградов Ю. А.* Императорская Археологическая комиссия и изучение древностей Боспора Киммерийского // Императорская Археологическая комиссия (1858–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. СПб., 2009. С. 248–401.
- Виноградов 2010 – *Виноградов Ю. А.* Курганный некрополь Пантикапея доримского времени // *Дюбрюкс Поль.* Собр. соч. СПб., 2010. Т. 1. С. 526–532.
- Виноградов 2011 – *Виноградов Ю. А.* Острый курган под Керчью (об одном забытом памятнике Боспора) // БЧ. 2011. Вып. 12. С. 49–54.
- Виноградов 2012 – *Виноградов Ю. А.* Курган Мирзы Кекуватского // ДБ. 2012. Вып. 16. С. 39–50.
- Виноградов, Горнчаровский 2009 – *Виноградов Ю. А., Горнчаровский В. А.* Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н. э. – середина III в. н. э.). СПб., 2009.
- Виноградов и др. 2012 – *Виноградов Ю. А., Зинько В. Н., Смекалова Т. Н.* Юз-Оба. Курганный некрополь аристократии Боспора. Т. 1. История изучения и топография. Симферополь; Керчь, 2012.
- Гайдукевич 1949 – *Гайдукевич В. Ф.* Боспорское царство. М.; Л., 1949.
- Гайдукевич 1981 – *Гайдукевич В. Ф.* Боспорские города. Уступчатые склепы, эллинистическая усадьба, Илурат. Л., 1981.
- Гриневиц 1952 – *Гриневиц К. Э.* Юз-Оба (Боспорский могильник IV века до н. э.) // Археология и история Боспора. Симферополь, 1952. Т. 1. С. 129–147.
- ДБК – Древности Босфора Киммерийского. СПб., 1854.
- Долгоруков 1984 – *Долгоруков В. С.* Курганы Боспора // Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984. С. 95–98 (Археология СССР).
- Кастанаян 1950 – *Кастанаян Е. Г.* Обряд тризны в боспорских курганах // СА. 1950. Т. 14. С. 124–138.
- Корпусова 1986 – *Корпусова В. Н.* Некрополи Боспора // Археология Украинской ССР. Киев, 1986. Т. 2. С. 386–393.
- Марти 1926 – *Марти Ю. Ю.* Сто лет Керченского музея (исторический очерк). Керчь, 1926.
- Масленников 1981 – *Масленников А. А.* Население Боспорского государства в VI–II вв. до н. э. М., 1981.
- ОАК за 1859 г. – Отчет Императорской Археологической комиссии за 1859 г. СПб., 1862.
- ОАК за 1860 г. – Отчет Императорской Археологической комиссии за 1860 г. СПб., 1862.
- ОАК за 1863 г. – Отчет Императорской Археологической комиссии за 1863 г. СПб., 1864.
- ОАК за 1882–1888 гг. – Отчет Императорской Археологической комиссии за 1882–1888 гг. СПб., 1891.
- ОАК за 1889 г. – Отчет Императорской Археологической комиссии за 1889 г. СПб., 1892.
- Ростовцев 1913–1914 – *Ростовцев М. И.* Античная декоративная живопись на Юге России. СПб., 1913–1914.
- Ростовцев 1925 – *Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор. Л., 1925.
- Скуднова 1988 – *Скуднова В. М.* Архаический некрополь Ольвии. Л., 1988.
- Сокольский 1969 – *Сокольский Н. И.* Античные деревянные саркофаги Северного Причерноморья. М., 1969 (САИ. Вып. Г1-17).
- Уильямс, Огден 1995 – *Уильямс Д., Огден Дж.* Греческое золото: Ювелирное искусство классической эпохи V–IV века до н. э. СПб., 1995.

Об изучении курганного некрополя Юз-Оба под Керчью

- Федосеев 2005 – *Федосеев Н. Ф.* Доследование курганной насыпи на некрополе Юз-Оба // ДБ. 2005. Вып. 8. С. 410–421.
- Цветаева 1957 – *Цветаева Г. А.* Курганный некрополь Пантикапея // Пантикапей. М., 1957. С. 227–250 (МИА. № 56).
- Чернопицкий 1980 – *Чернопицкий М. П.* Курганная группа как архитектурный ансамбль (опыт композиционно-художественного подхода) // Материалы I Всесоюзной археологической конф. Кемерово, 1980. С. 176–186.
- Шауб 2007 – *Шауб И. Ю.* Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье (VII–IV вв. до н. э.). СПб., 2007.
- Шкорпил 1913 – *Шкорпил В. В.* Отчет о раскопках в г. Керчи и окрестностях в 1909 г. // ИАК. 1913. Вып. 47. С. 1–41.
- Яковенко 1970 – *Яковенко Э. В.* Уздечный набор V в. до н. э. из Восточного Крыма // КСИА. 1970. Вып. 124. С. 54–60.
- Яковенко 1974 – *Яковенко С. В.* Скіфи Східного Криму в V–III ст. до н. е. Київ, 1974.
- Gajdukevič 1971 – *Gajdukevič V. F.* Das Bosporanische Reich. Berlin, 1971.
- Rostowzew 1931 – *Rostowzew M.* Scythien und der Bosphorus. Berlin, 1931.

БРОНЗОВЫЕ ПРЕДМЕТЫ ИЗ РАСКОПОК НЕКРОПОЛЯ АРТЮЩЕНКО-2

С. В. Кашаев

С 2003 г. Таманский отряд Боспорской экспедиции ИИМК РАН проводит раскопки грунтового некрополя Артющенко-2. В 2003–2011 гг. на некрополе была исследована площадь примерно 3300 м². За это время было обнаружено 115 погребений и еще 11 погребений доследовано за грабителями (всего 126). Такие погребения получили особую нумерацию с литерой «Г». На некрополе были исследованы 97 индивидуальных мужских, женских и детских захоронений, 20 «семейных» могил, содержащих два (чаще всего мужской и женский) или три (мужской, женский, детский) скелета, а также 9 могил с инвентарем, но без следов скелетов – предположительно кенотафы. Во многих погребениях был обнаружен разнообразный инвентарь – керамические сосуды, железное оружие, предметы утвари и обихода, украшения. Набор керамических изделий из погребений чрезвычайно разнообразен – от простых мисок и кувшинов до амфор, аттической чернолаковой и расписной керамики. В целом инвентарь погребений датируется концом VI–II в. до н. э.

В настоящей работе публикуется серия бронзовых изделий – зеркала, черпаки (киафы) и ситечко (всего 11 предметов), обнаруженных при раскопках некрополя Артющенко-2 (табл. 1). Мелкие бронзовые изделия из некрополя – украшения, предметы конской упряжи и пр. будут подробно рассмотрены в специальной работе.

Таблица 1

Бронзовые предметы из некрополя Артющенко-2

№ погребения	Пол и возраст захороненных	Категория	Размеры (см)	Дата
3	Ж. 55–65 л.	зеркало	14,0	вторая четверть V в. до н. э.
6	Ж. 16–18 л.	зеркало	15,0	вторая четверть V в. до н. э.
16	Ж. 40–45 л.	зеркало	12,0	первая четверть V в. до н. э.
27	М. 30–35 л.	киаф	34,0; 6,0	третья четверть V в. до н. э.
	Ж. 30–35 л.	–	–	–
40	М. 40–45 л.	киаф	41,0; 6,0	вторая четверть V в. до н. э.
47	Ж. 18–20 л.	зеркало	16,2	вторая четверть V в. до н. э.
52	М. 35–40 л.	–	–	–
	Ж. 20–25 л.	зеркало	15,5	вторая четверть V в. до н. э.
82	М. 35–40 л.	–	–	–
	Ж. 20–25 л.	зеркало	16,0	третья четверть V в. до н. э.
Г8	М. 30–35 л.	ситечко	–	вторая четверть V в. до н. э.
ГШ 50	Ж. (?) 20–30 л. (?)	зеркало	12,0	V в. до н. э.
кв. Ж-9	–	навершие	1 × 3	V в. до н. э.

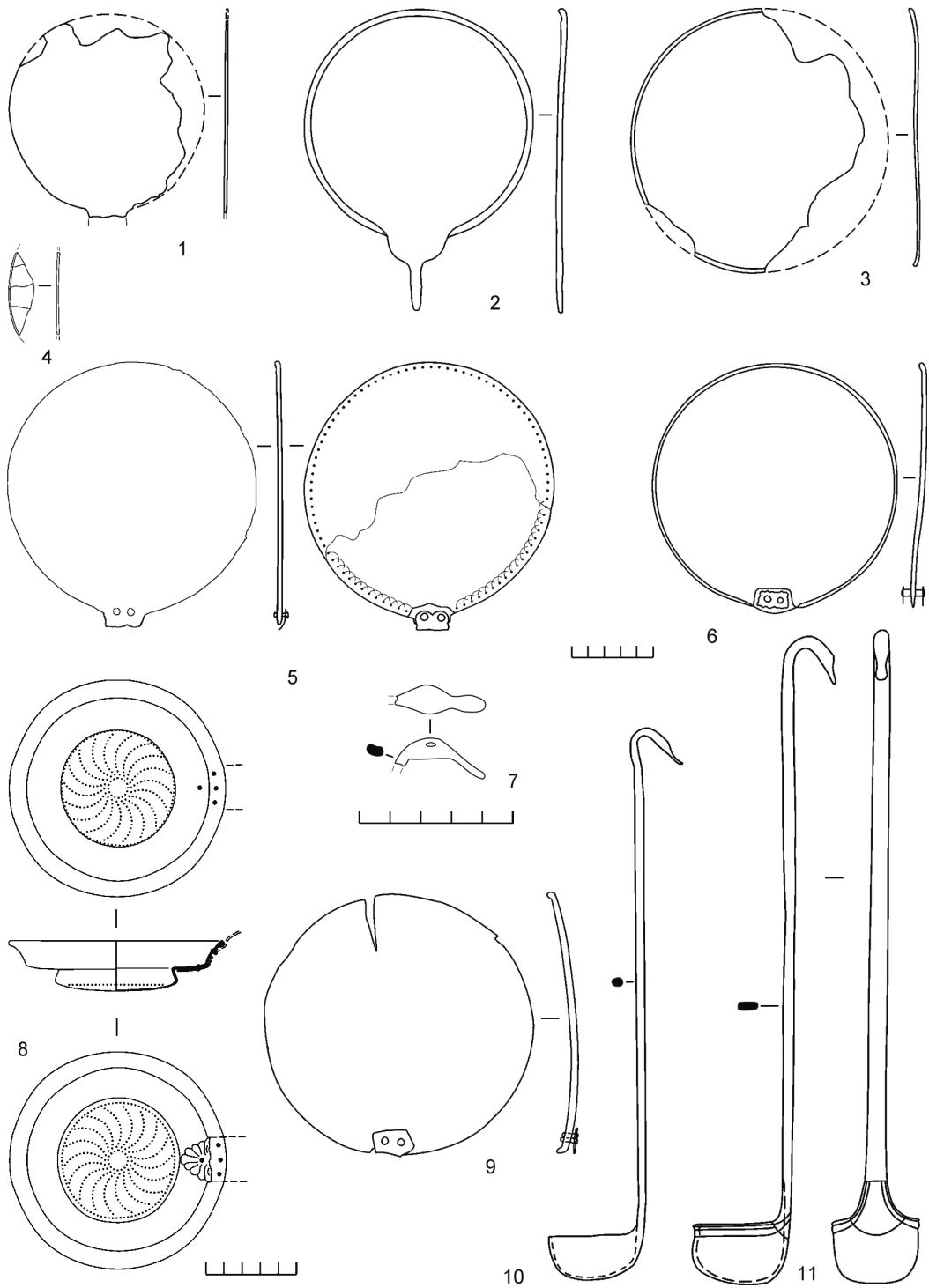

Рис. 1

Зеркала (7 экз.). При раскопках погребений обнаружено шесть бронзовых зеркал, фрагменты еще одного зеркала (рис. 1, 4) были найдены на поверхности грабительского шурфа. Представленные зеркала относятся к трем типам, различающимся способом крепления ручки к диску:

Первый тип (рис. 1, 2) – зеркало со штифтом (стержнем) для крепления деревянной ручки (тип 1 по Скржинская 1984: 111) обнаружено в погребении 3.

Аналогичные зеркала происходят из архаических некрополей Нимфея (Грач 1999: 99, рис. 41, 3; Древний город Нимфей 1999: 94, кат. 228; Силантьева 1959: 67, рис. 36, 1) и Ольвии (Скуднова 1988: 153, кат. 236). Особенно близкий экземпляр происходит из VI Семибратнего кургана (Билимович 1976: 42, рис. 9, кат. 30).

Зеркала *второго типа* (рис. 1, 3 (?), 5–6, 9) имели деревянную ручку, которая крепилась при помощи тонких бронзовых накладных пластин и двух заклепок (тип 2 по Скржинская 1984: 112). В некоторых случаях между накладными пластинами сохранились небольшие фрагменты дерева. Зеркала этого типа обнаружены в погребениях 6, 47, 52. Зеркало из погребения 82 сохранилось не полностью, но, скорее всего, также относится к типу 2. Аналогичные зеркала представлены в некрополях Боспора (Грач 1999: 96, табл. 137, 4; Капошина 1959: 133, рис. 30, 3; Силантьева 1959: 72, рис. 39, 2), Ольвии (Скуднова 1988: 132, кат. 208), Тамани (Сорокина 1957: 23, рис. 13, 1), а также в меотских некрополях Кубани (Бочковой и др. 2005: 216, рис. 21, 10; Лесков и др. 2005: рис. 66, 6; 81, 1; 189, 2; Лимберис, Марченко 2001: 114, рис. 43, 2).

Третий тип (рис. 1, 1) – цельнолитое зеркало с плоским диском (без бортиков и утолщений по краю), переходящим в узкую ручку. Диск и ручка выполнены как одно целое (тип 5 по Скржинская 1984: 112). Зеркало плохой сохранности, предположительно отнесенное к данному типу, найдено в погребении 16. Аналогичные зеркала обнаружены в некрополе Ольвии (Билимович 1976: 41, рис. 7, кат. 16; Козуб 1974: 84, рис. 37, 1–3; Онайко 1966: табл. XX, 3–4; Скуднова 1988: 71, кат. 92; 123, кат. 188; 131, кат. 206 и 207).

Бронзовые зеркала нередко находят при раскопках в Северном Причерноморье. В одном только архаическом некрополе Ольвии известно более 50 экз. (Билимович 1976: 58; Скржинская 1984: 123). Широко представлены зеркала и на Боспоре (Древний город Нимфей 1999: 93; Сорокина 1957: 22). В специальных работах, посвященных зеркалам в Северного Причерноморья, подробно рассмотрены история их изучения, способы производства, разработана типология форм, варианты и способы крепления ручки, возможная орнаментация (Билимович 1976: 58; Скржинская 1984: 123; Кузнецова 2002: 11). С одной стороны зеркало – это предмет женского обихода, с другой – предмет, обладающий магическими свойствами. Положенные в могилы зеркала приобретали особый мистический, сакральный смысл (Скржинская 1984: 110).

Все зеркала в некрополе Артющенко-2 обнаружены в индивидуальных женских или в парных захоронениях мужчины и женщины. В индивидуальных мужских или детских могилах зеркала отсутствовали, т. е. они являлись частью женского погребального инвентаря. В могилах зеркала находились в определенных местах – около южной или восточной стенки могилы, что является особенностью погребального обряда некрополя Артющенко-2.

Рис. 1. Бронзовые предметы из раскопок некрополя Артющенко-2: 1–6, 9 – зеркала (1 – погребение 16; 2 – погребение 3; 3 – погребение 82; 4 – ГШ 50; 5 – погребение 52; 6 – погребение 6; 9 – погребение 47); 7 – навершие из слоя 2, кв. Ж-9; 8 – ситечко из погребения Г8 (реконструкция); 10–11 – киафы (10 – погребение 27, 11 – погребение 40)

Гравированный орнамент обнаружен (после реставрации) только на одном из наших зеркал. Судя по находкам с других памятников, орнаментировано могло быть больше зеркал, но определить это не удалось в силу плохой сохранности металла.

1. *Зеркало из погребения 3* (рис. 1, 2), которое принадлежало женщине 55–65 л. (Кашаев 2009: 193), обнаружено около южной стенки могилы, недалеко от черепа. Оно имеет штифт для крепления деревянной ручки, по краю зеркало обрамляет небольшой округлый валик. Диаметр зеркала – 14 см; длина со штифтом – 18,4 см. В погребении также были найдены амфора на сложнопрофилированной ножке, чернолаковый лекиф с росписью в виде трех высоких пальметок и чернолаковый килик. Дата погребения – вторая четверть V в. до н. э.

2. *Зеркало из погребения 6* (рис. 1, б), в котором была похоронена девушка 16–18 л. (Кашаев 2009: 194), находилось около южной стенки могилы, недалеко от черепа, под чернофигурным киликом. По краю зеркало имеет небольшой уступ, в нижней части сохранились две тонкие бронзовые накладные пластины и две заклепки для крепления деревянной ручки. Диаметр зеркала – 15 см. В погребении также были найдены чернофигурный килик, цилиндрический лекиф с росписью, чернолаковая чаша на ножке, красноглиняная ойнохоя, бронзовое колечко и две серебряные спиральные подвески. Дата погребения – вторая четверть V в. до н. э.

3. *Зеркало из погребения 16* (рис. 1, 1) – захоронения женщины 40–45 л. (Кашаев 2009: 205) находилось около южной стенки могилы, в районе ног. Зеркало совершенно плоское, без бортика или утолщения по краю. Скорее всего, оно имело плоскую ручку, которая была обломана еще в древности (сохранилось только основание ручки). Более половины края изделия повреждено сколами. Диаметр зеркала – 12 см. В погребении также были найдены красноглиняные кувшин и миска, лекиф, миниатюрная мисочка с ручкой, бронзовая игла, железное шило и набор бусин. Дата погребения – первая четверть V в. до н. э.

4. *Зеркало из погребения 47* (рис. 1, 9), где по обряду кремации была захоронена, скорее всего, женщина 18–20 л. (Кашаев 2010: 94). Бронзовое зеркало находилось у южной стенки могилы, в восточном углу. По краю зеркала имеется небольшой уступ, в нижней части сохранились тонкая бронзовая пластина и две заклепки для крепления деревянной ручки. Диаметр зеркала – 16,2 см. В погребении также найдены амфора на сложно профилированной ножке, красноглиняная миска, мисочка с ручкой, цилиндрический орнаментированный лекиф, чернолаковый скифос и миниатюрный скифос (котила), керамическая пиксида, серебряное колечко и набор золотых подвесок. Дата погребения: вторая четверть V в. до н. э.

5. *Зеркало из погребения 52* (рис. 1, 5), где было совершено парное захоронение мужчины 35–40 л. и женщины 20–25 л. (Кашаев 2010: 95). Бронзовое зеркало обнаружено в ногах женщины, ближе к западной стенке могилы. В нижней части зеркала сохранились тонкая бронзовая пластина и две заклепки для крепления деревянной ручки. Диаметр зеркала – 15,5 см. После реставрации по краю зеркала проступило гравированное изображение – ряд углубленных точек, расположенных по окружности и циркульный орнамент – прочерченные дуги. Кроме зеркала в погребении 52 найдены плоскодонная столовая амфора, красноглиняная ойнохоя, две большие и одна миниатюрная красноглиняные миски, чернолаковый килик, чернолаковый аск, керамическое пряслице, бронзовые игла и ворворка, а также железное оружие (меч, наконечник и вток копья, наконечник стрелы) и набор мелких украшений (серебряная лунница, два бронзовых перстня, раковина каури, бронзовая спиральная подвеска, пастовая бусина). Дата погребения – вторая четверть V в. до н. э.

6. *Зеркало из погребения 82* (рис. 1, 3), где были захоронены мужчина 35–40 л. и женщина 20–25 л. Зеркало обнаружено у южной стенки могилы в районе пояса погребенных, между миской и киликом. Более половины края зеркала повреждено сколами. Утрачено и место крепления ручки, предположительно она крепилась двумя накладными пластинами

и заклепками. Диаметр зеркала – 16 см. Под зеркалом находилась чернолаковая солонка. В погребении также найдены красноглиняные миска и ойнохоя, чернолаковый килик, керамическое пряслице и железный нож. Дата погребения – третья четверть V в. до н. э.

7. Фрагмент *зеркала* найден на поверхности грабительского шурфа 50 (ГШ50) (рис. 1, 4). Оно происходит из разоренного в 2011 г. погребения женщины 20–30 л. Диаметр зеркала – около 12 см. Дата погребения – V в. до н. э.

Киафы – черпаки для вина с небольшой чашечкой и длинной ручкой, заканчивающейся фигурным навершием, выполненным в виде головы водоплавающей птицы (уточки или лебедя). В погребениях некрополя Артющенко-2 обнаружено два целых бронзовых киафа, а при исследовании слоя, в кв. Ж-9, найдено навершие еще одного киафа.

Бронзовые киафы редко находят при раскопках в Северном Причерноморье, по публикациям известно около 20 экз. Специальных работ, посвященных киафам, нет, обычно они упомянуты среди находок из курганов или богатых погребений в грунтовых некрополях.

В качестве аналогий нашим черпакам можно привести находки из некрополей Нимфея (Билимович 1973: 21, № 43; Силантьева 1959: 65, 72, рис. 34, 1; 39, 4), Ольвии (Козуб 1974: 73, рис. 28), Тирамбы (Коровина 1987: 16, рис. 13) и Пичвнари (Кахидзе 1975: табл. IX, 3).

8. *Киаф из погребения 27* (рис. 1, 10), где в сырцовом склепе были захоронены мужчина и женщина в возрасте около 30–35 л. Анатомический порядок скелетов нарушен, возможно, погребение было ограблено в древности. Киаф был положен вдоль южной стенки могилы, в небольшом углублении, где находился весь инвентарь. Общая длина черпака – 34 см, диаметр чашечки – 6 см. В погребении также найдены красноглиняные миска и ойнохоя, чернолаковые солонка и килик со штампованным орнаментом, бронзовые ворворка и спиральная подвеска. Дата погребения – третья четверть V в. до н. э.

9. *Киаф из погребения 40* (рис. 1, 11), где в сырцовом склепе был захоронен мужчина 40–45 л. (Кашаев 2010: 91). Бронзовый киаф лежал вдоль южной стенки погребальной камеры, рядом с амфорой. Общая длина киафа – 41 см, диаметр чашечки – 6 см. В погребении кроме киафа найдены амфора на сложно профилированной ножке, чернолаковые лекиф, килик и чаша на ножке, бронзовые ворворка и игла, пряслице, железное оружие (меч, наконечник и вток копья, наконечники стрел и нож). Дата погребения – вторая четверть V в. до н. э.

10. Бронзовое *навершие киафа* в виде головы водоплавающей птицы (рис. 1, 7) найдено при исследовании культурного слоя некрополя (кв. Ж-9, слой 2). Размеры навершия – 1 × 3 см.

Бронзовые ситечки – очень редкая находка для Северного Причерноморья, по публикациям известно не более 12 экз., найденных за все время раскопок начиная с XIX в. В некрополе Артющенко-2 при исследовании погребения Г8, ограбленного в 2009–2010 гг., в заполнении грабительского перекопа были найдены фрагменты бронзового ситечка.

З. А. Билимович изучила коллекцию из 10 ситечек, хранящихся в ГЭ, и пришла к выводу, что они являются импортом этрусского производства. Наш экземпляр относится к первому описанному ею типу и, скорее всего, также может быть отнесен к производству этрусских мастерских. Наиболее близкой аналогией публикуемому изделию является ситечко, происходящее из могилы начала V в. до н. э. в некрополе Ольвии (Билимович 1979: 27, № 3; Козуб 1974: 75, рис. 30). Похожие изделия найдены также в некрополях Абхазии (Воронов 1980: 42, рис. 7, 7) и Грузии (Кахидзе 1975: табл. IX, 3). Основание ручки ситечка из Артющенко-2, украшенное пальметкой, очень близко основанию фигурной ручки ионийского бронзового зеркала второй половины VI в. до н. э., также украшенного пальметкой (Онайко 1966: табл. XVIII).

Предварительно можно считать, что киафы и ситечки как предметы, связанные с потреблением вина, относятся к мужскому погребальному инвентарю.

11. Бронзовое *ситечко из погребения Г8* (рис. 1, 8), в котором был захоронен мужчина 30–35 л. Скорее всего, погребальное сооружение представляло собой большой прямоугольный склеп, размером 2,3 × 3,2 м, стены и перекрытия которого были выполнены из деревянных брусьев. На дне камеры обнаружены четыре углубления округлой формы, глубиной около 20–25 см. Углубления предназначены для установки в них ножек деревянного саркофага или носилок.

В заполнении грабительского прокопа обнаружено около половины фрагментов чаши ситечка. Ситечко, видимо, было не очень хорошей сохранности, грабители сломали его, но обломки не взяли. От массивной ручки найден один фрагмент – основание, которым она крепилась к чаше. Крепление осуществлялось четырьмя заклепками, а основание выполнено в виде пальметки. Сама ручка, скорее всего, похищена грабителями. Обычно ручки ситечек оканчиваются навершием в виде головы водоплавающей птицы. По фрагментам удалось сделать графическую реконструкцию ситечка (рис. 1, 8). Высота его – 2,8 см, диаметр – 12 см.

В погребении также были найдены амфора на сложно профилированной ножке, два железных наконечника копий с втоками к ним, железные наконечники стрел, бронзовая ворворка, серебряный перстень и резные костяные пластины. Дата погребения – вторая четверть V в. до н. э.

Судя по необычной конструкции могилы и обнаруженному инвентарю: серебряному мужскому перстню, оружию, бронзовому ситечку и целой амфоре, данное погребение изначально могло содержать большое количество предметов, основная часть которых похищена грабителями. Здесь могли быть чернолаковые и расписные сосуды, изделия из драгоценных металлов и другие предметы. Это было если не самое богатое, то одно из самых богатых и значительных погребений некрополя.

Представленные бронзовые предметы найдены только в ранних погребениях, датирующихся V в. до н. э., вероятно, в пределах второй и третьей четвертей V в. до н. э. В погребениях более позднего времени такие предметы отсутствуют.

Аналогичные находки в других некрополях Северного Причерноморья, как правило, обнаруживали в достаточно «богатых» могилах или курганах. Это позволяет предположить, что среди населения, оставившего ранние погребения в некрополе Артющенко-2, присутствовали люди с высоким материальным достатком. Кроме того, они придерживались традиционного погребального обряда и в качестве инвентаря использовали вещи, принятые и в других греческих центрах.

Представленные находки характеризуют некрополь Артющенко-2 как типичный для своего времени и ставят его в один ряд с другими известными архаическими некрополями Северного Причерноморья.

Билимович 1973 – *Билимович З. А.* Греческие бронзы // Античная художественная бронза: Каталог выставки. Л., 1973.

Билимович 1976 – *Билимович З. А.* Греческие бронзовые зеркала Эрмитажного собрания // ТГЭ. 1976. Т. 17. С. 32–66.

Билимович 1979 – *Билимович З. А.* Этруссские бронзовые ситечки, найденные в Северном Причерноморье // Из истории Северного Причерноморья. Л., 1979. С. 26–36.

Бочковой и др. 2005 – *Бочковой В. В., Лимберис Н. Ю., Марченко И. И.* Погребения с амфорами из могильника городища Спорное // МИАК. 2005. Вып. 5. С. 172–218.

Воронов 1980 – *Воронов Ю. И.* Диоскуриада – Севастополис – Цхум. М., 1990.

Грач 1999 – *Грач Н. Л.* Некрополь Нимфея. СПб., 1999.

- Древний город Нимфей 1999 – Древний город Нимфей: Каталог выставки. СПб., 1999.
- Капошина 1959 – *Капошина С. И.* Некрополь в районе поселка им. Войкова // Некрополи боспорских городов. М.; Л., 1959. С. 108–153 (МИА. № 69).
- Кахидзе 1975 – *Кахидзе А. Ю.* Античные памятники Восточного Причерноморья (греческий могильник Пичвнари). Батуми, 1975.
- Кашаев 2009 – *Кашаев С. В.* Некрополь Артющенко-2 (общая характеристика, результаты раскопок 2003–2005 гг., погребения № 1–23) // БИ. 2009. Т. 22. С. 188–267.
- Кашаев 2010 – *Кашаев С. В.* Исследования некрополя Артющенко-2 в 2007–2008 гг. // СΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья: Новейшие открытия и находки. М.; Киев, 2010. Вып. 1. С. 88–96.
- Козуб 1974 – *Козуб И. Ю.* Некрополь Ольвии V–IV ст. до н. э. Київ, 1974.
- Коровина 1987 – *Коровина А. К.* Раскопки некрополя Тирамбы // СГМИИ. 1987. Вып. 8. С. 3–70.
- Кузнецова 2002 – *Кузнецова Т. М.* Зеркала Скифии VI–III веков до н. э. М., 2002. Т. 1.
- Лесков и др. 2005 – *Лесков А. М., Беглова Е. А., Ксенофонтова И. В., Эрлих В. Р.* Меоты Закубанья в середине VI–начале III в. до н. э.: Некрополи у аула Уляп. М., 2005.
- Лимберис, Марченко 2001 – *Лимберис Н. Ю., Марченко И. И.* Погребения VI–V вв. до н. э. из грунтовых могильников меотских городищ Правобережья Кубани // МИАК. 2001. Вып. 1. С. 32–123.
- Онайко 1966 – *Онайко Н. А.* Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII–V вв. до н. э. М., 1966 (САИ. Вып. Д1-27).
- Силантьева 1959 – *Силантьева Л. Ф.* Некрополь Нимфея // Некрополи боспорских городов. М.; Л., 1959. С. 5–107 (МИА. № 69).
- Скржинская 1984 – *Скржинская М. В.* Зеркала архаического периода из Ольвии и Березани // Античная культура Северного Причерноморья. Киев, 1984. С. 105–129.
- Скуднава 1988 – *Скуднава В. М.* Архаический некрополь Ольвии. Л., 1988.
- Сорокина 1957 – *Сорокина Н. П.* Тузлинский некрополь. М., 1957.

ФРАГМЕНТ ЧЕРНОФИГУРНОГО ЛЕКИФА ИЗ ПОРФМИЯ: ОБ ОДНОЙ ИЗ ВОЗМОЖНЫХ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ ОБРАЗА «СКИФСКОГО ЛУЧНИКА»

М. Ю. Вахтина

В 2004–2005 гг. во время раскопок античного городища Порфмий в Восточном Крыму были найдены два обломка небольшого чернофигурного аттического лекифа, которые позже удалось соединить в один фрагмент.¹ Он принадлежал небольшому аттическому лекифу цилиндрической формы (Вахтина 2007: 55–67, рис. 1–3). Максимальный диаметр его тулова приблизительно равнялся 5,4 см, высота фрагмента составляла 5,2 см, а ширина – 8,1 см. Глина плотная, яркого розового цвета. Лак, которым нанесена роспись, блестящий, хорошего качества. Детали изображения подчеркнуты гравировкой и накладной пурпурной краской.

В древности сосуд был украшен композицией, представлявшей «скифского лучника», держащего под уздцы двух лошадей, стоящих справа и слева от него. На фрагменте тулова сохранилась значительная ее часть – изображение «скифского лучника» и двух лошадей (рис. 1, 1–3). В верхней части фрагмента – поясок простого меандра, в нижней (под ногами мужской фигуры) видна темная полоса, очевидно, свидетельствующая о том, что нижняя часть тулова лекифа была покрыта темным лаком. От фигуры воина вверх и вниз в обе стороны расходятся схематически переданные ветви виноградной лозы. Кратко рассмотрим изображения, которые можно увидеть на фрагменте.

Сохранившаяся высота фигуры *скифского воина*, несомненно, главного персонажа в декоре сосуда, – 4 см. Он представлен фронтально, голова повернута к правому плечу, лицо не проработано (рис. 1, 2–3). На голове воина – мягкая остроконечная шапка, имеющая длинный «хвост» (длина его – 1,2 см), буквально упирающийся в орнаментальный пояс, ограничивающий сверху изобразительное поле. На воине – кожаная куртка или кожаный панцирь (?) (см. Черненко 1968: 13 сл.), справа у пояса – колчан или горит архаического типа (Черненко 1981: 29–30), контуры и детали которого переданы гравировкой (всего 5 линий). В верхней части колчана заметно украшение из меха, которое, судя по изображениям на греческой архаической керамике (рис. 2), было обычным для горитов этого типа (Vos 1963: pl. VI, b; VIII; IX, a, b). Подобные украшения горитов нередко можно видеть и на произведениях торевтики IV в. до н. э., например, на серебряных сосудах из Гаймановой Могилы и Воронежа (Piotrovsky et al. 1986: pl. 166; 169; 170; 173).

Необычным является то, что горит или колчан на порфмийском фрагменте показан у правого бедра мужской фигуры, тогда как обычно их изображали подвешенными слева. Возможно, горит пуст – ни верхнего контура лука, ни стрел, выступающих из колчана, ко-

---

¹ Хранится в фондах Керченского историко-культурного заповедника (инв. № КП 158378 и КП 155413).

Рис. 1. 1–3 – фрагмент чернофигурного лекифа из Порфмия: 1 – лошадь слева; 2 – «скифский лучник»; 3 – лошадь справа; 4 – лекиф из Тюбингена (по CVA Deutschland 47); 5 – чернофигурный аттический лекиф из Эрмитажа (по Горбунова 1983)

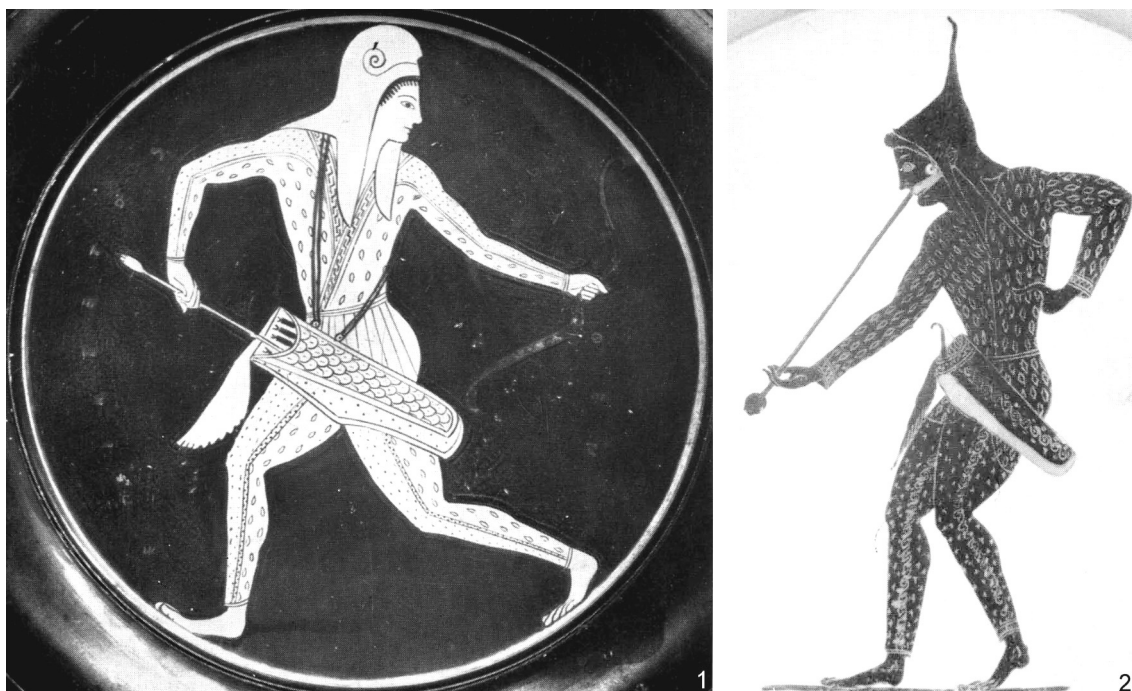

Рис. 2. Изображения лучников в аттической вазовой живописи (по Vos 1963). Слева, скорее всего, представлена амазонка

торые часто изображаются в этом круге сюжетов, на порфмийском фрагменте увидеть не удастся.² Фигура воина, переданная довольно схематично и условно, тем не менее весьма выразительна и экспрессивна. Греческий мастер, несомненно, хотел подчеркнуть высокий «боевой дух» варвара-скифа. Это впечатление усиливают и изображения двух коней, фланкирующих фигуру воина. Он держит каждого из них за повод, «уперев руки в бока». Кони показаны в профиль, детали уздечек, за концы которых их держит «скиф», переданы гравировкой. У лошадей злые морды, пасти их оскалены. Характер этих изображений, производимое ими впечатление лучше всего передает выражение «кони-звери». Животные при определенном внешнем сходстве все же отличаются друг от друга.

Изображение лошади, стоящей слева, сохранилось почти полностью (рис. 1, 1), утрачен только кончик хвоста. У лошади узкая, длинная морда, пасть открыта. Правая передняя нога вынесена вперед и согнута, вероятно, по замыслу мастера, лошадь гарцует и бьет копытом. Узда, повод, грива и мускулатура показаны гравировкой.

У коня справа сохранилась лишь передняя часть фигуры (рис. 1, 3). Пасть лошади открыта, нос сильно загнут книзу, отчего морда приобретает некоторое сходство с мордой верблюда. Передние ноги лошади непропорционально тонкие, переданы жидким светло-коричневым лаком. Глаз лошади, ее узда, повод, грива и мускулатура показаны гравировкой.

Эта находка, насколько мы можем судить, является пока единственной среди находок керамики из греческих центров Северного Причерноморья, которую можно отнести к хо-

² Благодаря А. Ю. Алексеева, обратившего мое внимание на эти особенности изображения.

рошо известной группе аттических сосудов позднеархаического времени, украшенных изображениями вооруженных «скифов».³ Ближайшей и пока что единственной известной аналогией изображению на порфмийском фрагменте является сцена, представленная на цилиндрическом чернофигурном лекифе (рис. 1, 4) из Тюбингена (Vos 1963: nr. 279; CVA Deutschland 47: taf. 48, nr. 7406). Этот сосуд был приобретен у жителя Афин в 1912 г. и, скорее всего, был найден в Афинах или на территории Аттики. Композиции немецкого и порфмийского лекифа, по существу, идентичны, хотя, конечно, очевидны различия в деталях, прежде всего – в изображении центральной фигуры – скифа. Однако, судя по изображению, горит на тюбингенском экземпляре также располагается у правого бедра лучника. Примечательно, что изображения лошадей, помещенных справа от него, на обоих сосудах очень похожи – морды обеих имеют одинаковый «верблюдовидный» облик. Лекиф из Тюбингена датируется 480–470 гг. до н. э. (CVA Deutschland 47: 60); порфмийский, возможно, был изготовлен на несколько десятилетий раньше.

В качестве композиционной аналогии сцены на лекифах из Порфмия и Тюбингена, можно привести изображения, украшающие чернофигурную амфору 575–525 гг. до н. э., хранящуюся в музее Родоса (Beazley Archive: no. 300844). На одной стороне тулова амфоры представлена амазонка в остроконечной шапке, со щитом и мечом, стоящая между двух сфинксов; на другой стороне амазонка показана стоящей между двух огромных петухов. Еще одной сюжетной аналогией, на наш взгляд, является изображение на фрагменте чернофигурной амфоры из музея в Филадельфии (Philadelphia MS4873),⁴ на которой представлен скиф, державший за повод коня.

Впервые сцены, связанные с изображением «скифских лучников», были собраны и исследованы М. Вос (Vos 1963) и с тех пор привлекают постоянное внимание ученых. В конце прошлого века была издана книга Ф. Лиссаррага (Lissarrague 1990), посвященная этой теме. Исследователь подверг тщательному анализу известные экземпляры керамики с подобными сюжетами. Он собрал, изучил и разделил их на стилистические, сюжетные и хронологические группы. Эти изображения появляются в аттической вазописи приблизительно с 530 г. до н. э., известны они и в начале V в. до н. э.; основная их масса была создана в период с 540 по 490 г. до н. э.; изображения же «скифских лучников» существовали и после 490 г. (Ibid.: 233–235).

Ученые по-разному объясняют причины появления изображений «скифов» среди сюжетов греческой вазописи, существенно различается и их интерпретация. Так, М. Вос видит в них вполне реальных северных варваров, скифских лучников, служивших в Афинах при Писистрате и его сыновьях и допускает, что они также могли быть конюхами, грумами, личными телохранителями и пр. (Vos 1963: 65–66).

Э. Д. Фролов, обратив внимание на то, что письменные источники хоть и уделяют значительное внимание вербовке наемников для охраны афинских тиранов, тем не менее ничего не сообщают об использовании Писистратом и его сыновьями отрядов скифских стрелков, сомневается в том, что эта практика имела место в действительности (Фролов 1998: 25, здесь же см. литературу по данной проблеме). Популярность же «скифских» сюжетов в афинской вазописи позднеархаического времени этот исследователь объясняет активизацией деятельности Афин в районе проливов около 600 г. до н. э. и интересом в торговом и политиче-

³ Хотя на архаической керамике, происходящей из раскопок греческих колоний Северного Причерноморья, известны изображения амазонок. Так, например, при раскопках Пантикапея был найден небольшой фрагмент аттического скифоса конца VI в. до н. э., на котором сохранилась часть головы амазонки в высоком «фригийском» колпаке (Сидорова 1992: 193, рис. 16Б).

⁴ Благодарю А. Ю. Алексеева, указавшего мне на эту аналогою.

ском освоении территорий Северного Причерноморья (Там же: 137 сл.). Эта интересная и остроумная гипотеза все же не отвечает на все вопросы, возникающие при рассмотрении этого круга изображений, что, впрочем, признает и Э. Д. Фролов, отмечающий, что «таким образом, проблема конкретного истолкования изображений скифских стрелков на афинских черно- и краснофигурных вазах остается нерешенной» (Там же: 136).

Ряд исследователей также выступает против ставшей традиционной точки зрения, видевшей в изображениях на аттической керамике реальных скифских лучников, служивших в Афинах. Так, С. А. Яценко, изучивший костюм «скифов» в аттической вазовой живописи, обратил внимание на его сходство с костюмом конкретных ираноязычных народов Западного Туркестана (Яценко 2000: 25). А. Ю. Алексеев отметил, что наиболее распространенный тип колчана, изображавшийся на греческих вазах, имеет ближайшие аналогии лишь в Центральной Азии, тогда как ни у понтийских скифов, ни у саков этот тип неизвестен. Он полагает, что «весьма симптоматичной все же оказывается синхронность появления лучников в аттической вазописи с глобальными изменениями, произошедшими в южнорусских степях в последней трети VI в. до н. э. и вызвавшими передвижения отдельных групп кочевого населения в разных направлениях. Не исключено, что результатом таких движений и могло оказаться появление этого своеобразного афинского скифского корпуса» (Алексеев 2003: 167). Таким образом, если Э. Д. Фролов считал изображения «на скифскую тему» результатом активности афинян «в восточном направлении», то А. Ю. Алексеев, напротив, считает их следствием активного движения варваров «на запад».

Сравнительно недавно к «скифским сюжетам» в аттической вазописи обратился А. И. Иванчик (2002а; 2002б). Опираясь на исследование Ф. Лиссаррага, он пришел к следующему выводу: утверждение, что прототипами для этих изображений были скифские лучники, служившие в Афинах наемными телохранителями, является чисто умозрительным и не подтверждается при внимательном изучении всего круга памятников (Иванчик 2002б: 29; Ivanchik 2005). А. И. Иванчик полагает «наиболее вероятным предположение о том, что в основе образа “скифоидного” лучника лежат впечатления от контактов не с реальными скифами, а с мидийской, а позже – ахеменидской армией», и утверждает, «что аттические художники эпохи архаики и потребители их продукции вовсе не считали скифами (или представителями какого-либо другого конкретного этноса) тех персонажей, которых в современной литературе называют “скифскими лучниками”» (Иванчик 2002б: 55).

Таким образом, можно констатировать, что число ученых, склонных видеть в изображениях на аттических вазах конкретных кочевников-скифов, с течением времени неуклонно сокращается (см., напр., Braund 2006: 122–123).

В настоящей работе мы не ставили перед собой цель углубляться в эту, безусловно, интересную и важную дискуссию между «апологетами», видящими в изображениях на афинской расписной керамике более или менее реальных кочевников, и «скептиками», видящими в них лишь результаты творческого вдохновения аттических мастеров, произвольно комбинирующих достаточно узкий круг условных «варварских» атрибутов (прическа, детали костюма, оружие определенных типов). Хочется лишь отметить, что слабая сторона рассуждений исследователей, отрицающих «скифскую принадлежность» лучников на аттических вазах, по-прежнему состоит в том, что никто из них не может пока дать достаточно аргументированного ответа на вопрос, что же все-таки вызвало к жизни эти «скифоидные», по выражению А. И. Иванчика, изображения (а в настоящее время их известно более 600) и почему их «пик» приходится на 540–490 гг. до н. э.?

Нас гораздо более интересуют другие возможные трактовки этих персонажей, лежащие в несколько иной сфере. Попробуем сформулировать некоторые соображения, вернувшись к анализу композиции (и ее деталей) чернофигурного лекифа, фрагмент которого был обна-

Рис. 3. 1–5, 7–8 – позднегеометрические сосуды 730–690 гг. до н. э. (по Coldstream 1968); 6 – позднегеометрический канфар из Керамика (по Андреев 2004)

Рис. 4. Фрагмент росписи фриза западной стены гробницы Кизибел в Турции (по Mellink 1998)

ружен при раскопках Порфмия. Несмотря на скромные размеры фрагмента (да и сам сосуд, по-видимому, был небольшим), на нем почти полностью сохранилась основная, центральная сцена, некогда украшавшая его тулово. «Скифский лучник», несомненно, является в ней главным персонажем, «хозяином» двух коней (рис. 1, 1–3). Думаю, что мы можем с уверенностью говорить о том, что его фигура была центром, через который проходила «главная вертикаль» композиции. Два коня, расположенные с двух сторон от нее, невольно вызывают ассоциацию с «мировым деревом».⁵

Примечательно, что сцены, близкие по сюжету и композиции, можно встретить на греческой керамике геометрического времени. Изображения коней, ведомых под уздцы (рис. 3, 1, 3), или двух коней, обращенных друг к другу (рис. 3, 5, 7–8), можно видеть на керамике позднегеометрического времени (Coldstream 1968: pl. 28, d, e; 30, c–e). Мужские фигуры, держащие за повод двух лошадей, расположенных справа и слева, украшают позднегеометрические кратеры Дипилонской мастерской (Ibid.: pl. 7, a; 8, b). В качестве близких аналогий сцене, представленной на порфмийском лекифе, можно привести композиции на сосудах (рис. 3, 2, 4), относящихся к 730–690 гг. до н. э. (период Argive Late Geometric II) (Ibid.: pl. 29, e–f). Однако самой интересной в этом круге аналогий, по-видимому, является сцена на канфаре VIII в. до н. э. из раскопок афинского Керамика, приведенном в книге Ю. А. Андреева «Гомеровское общество» (Андреев 2004: 128, рис. 14, 2).⁶ На этом двуручном сосуде, роспись которого также выполнена в геометрическом стиле, центром композиции является воин с секирой у пояса, он держит под уздцы двух коней, стоящих слева и справа

⁵ Эти соображения, по-видимому, относятся и к изображениям на лекифе из Тюбингена, чрезвычайно близким изображениям на порфмийском фрагменте.

⁶ Благодарю Л. В. Шадричеву, обратившую мое внимание на этот сосуд.

Рис. 5. 1 – надгробная стела из Копенгагена (по Ny Carlsberg Glyptotek... 1995); 2 – надгробная статуя из Афин (по Braund 2004); 3 – рельеф из Британского музея (по Kraus 1960)

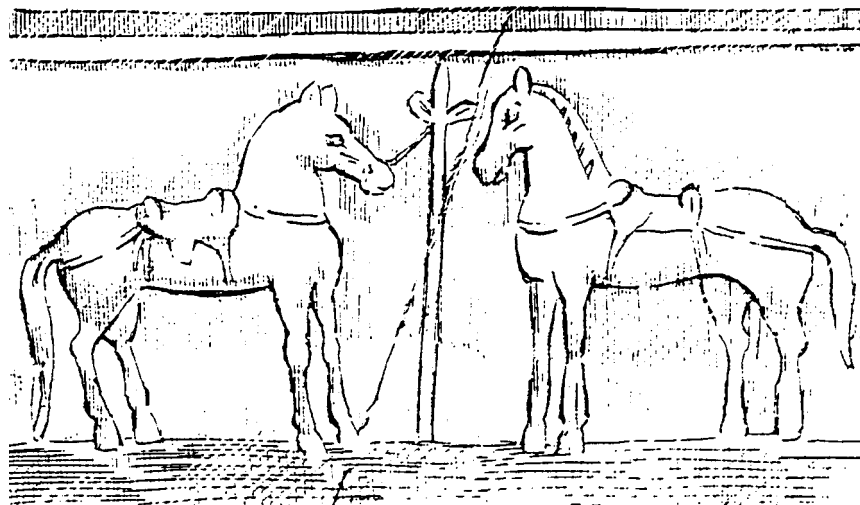

Рис. 6. Изображение на постаменте надгробия из Горгиппии (по Горончаровский 2003)

(рис. 3, 6). Его головной убор оканчивается, как и головной убор «скифа» из Порфмия, поднятым кверху загнутым «хвостом».

В древности изображения коней часто соотносились с погребальными ритуалами. Например, сцены с изображениями двух лошадей в «геральдической позе» можно видеть на греческой керамике позднегеометрического времени (Boardman 1975: 25, fig. 14; 1998: 65, fig. 103; 71, fig. 176; 73, fig. 128), в частности, на больших сосудах (Boardman 1998: 35, fig. 45), помещавшихся в погребения или ставившихся над ними в качестве своеобразных памятников (Richter 1961: 9, fig.). Лошадь на привязи можно видеть среди изображений, украшающих архаический ларец из Беотии (LIMC II: 626, nr. 27; VIII/1: 1023, nr. 11), композиция которого достаточно отчетливо соотносится с хтоническим миром. Существует точка зрения, что изображения лошади в греческой погребальной символике геометрического и ориентализирующего периодов были связаны с образом героя, «мифологизированным образом, который сопутствовал усопшему воину и аристократу» (Букина 2004: 15–16).

Такое изображение героизированного умершего можно видеть в росписи западной стены известной гробницы VI в. до н. э. у с. Кизибел в северной Ликии (Mellink 1998: pl. VII). Погребенный представлен в виде воина в росписи одного из фризов западной стены склепа, он облачен в доспехи и следует в потусторонний мир на колеснице, влекомой лошадьми, которой управляет возничий (рис. 4). О том, что воин на колеснице действительно является героизированным умершим, однозначно свидетельствуют и контекст изображений фризов западной стены, и вся система росписи гробницы в целом (Ibid.: 61). Похожая сцена – воин на колеснице, запряженной двумя конями и сопровождаемый возничим, – представлена в нижней части архаического аттического надгробия, хранящегося в музее Метрополитен (Richter 1961: fig. 126, 128). На аттических надгробных памятниках позднеархаического времени известны и изображения всадников (Ibid.: fig. 68, 154, 159, 163).

Интересно, что на одной из стел классического времени, хранящейся в Копенгагене, стеле Антипатра, можно увидеть изображение юноши, держащего за повод двух коней (рис. 5, 1); некоторые исследователи видят в нем слугу-грума или раба (Ny Carlsberg Glyptotek... 1995:

112–113, по. 54). Примечательно, что на памятнике изображены две лошади, что, на наш взгляд, позволяет провести параллель между ним и сценой на порфмийском фрагменте.

О связи лошади с потусторонним миром, существовавшей в представлениях древних греков, может свидетельствовать и известный рельеф классического времени с изображением Гекаты из Британского музея (Kraus 1960: Taf. 2, 3), где эта богиня показана в окружении двух спутников – собаки и лошади (рис. 5, 3). Для Северного Причерноморья в качестве примера можно привести очень выразительное изображение, правда, относящееся к значительно более позднему времени – I в. н. э., – на постаменте надгробия из Горгиппии, принадлежащего Фаллону, сына Пофа (Горнчаровский 2003: 46, рис. 12; Алексеева 2010: 506, рис. 37). В его центральной части помещена вертикаль – коновязь или столб, к которому за узду привязаны два коня под седлами, стоящие слева и справа (рис. 6).

Исходя из этого круга ассоциаций, попробуем высказать осторожное предположение о возможном направлении поисков, приближающих нас к пониманию сцены со «скифским лучником», изображенном на фрагменте порфмийского лекифа. Вероятно, «скифский лучник» с двумя конями, представлен стоящим «на грани двух миров» – мира живых и мира мертвых. В пользу этого допущения может свидетельствовать и его горит (или колчан), висящий «зеркально» – не слева, как обычно изображалось в сценах, принадлежащих «этому миру», а справа. Горит пуст и не содержит ни стрел, ни самого лука. Нельзя не заметить, что тема пустого горита на территории Северного Причерноморья также соотносится с погребальными памятниками. Яркий пример – изображение подвешенного пустого горита в верхней части знаменитой надгробной стелы из Трехбратнего кургана в Восточном Крыму (Савостина 2012: 129–131, рис. 94, 96–97).

Возможно, «скифский лучник» на порфмийском лекифе мог выступать, в представлениях древних, в роли проводника, сопровождающего умершего в загробный мир. На небольшом чернофигурном лекифе с белой облицовкой «мастера Афины» из Эрмитажа (Горбунова 1983: 152, рис. 120), датирующемся 490–480 гг. до н. э., можно увидеть изображение гоплита, за которым следует амазонка, идущая рядом с конем и, возможно, держащая его за повод (рис. 1, 5). В данной сцене амазонка выступает, прежде всего, в ипостаси варвара, в этнической «оппозиции» к главному герою – греческому воину и вместе с тем является персонажем, его сопровождающим. Амазонки (как, вероятно, и «скифские лучники») в глазах греков были жителями отдаленных, полупоэтических областей, граничащих с Аидом.⁷ Они воспринимались и как хтонические существа, связанные с загробным миром и смертью. Примечательно, что сцена, о которой идет речь, представлена на белофонном лекифе – сосуде, скорее всего, специально изготовленном для использования в погребальном обряде, и показывает «полное действие», тогда как сцена на порфмийском фрагменте представляет собой как бы «конспект».

В этом же контексте можно, очевидно, рассматривать и две надгробные скульптуры IV в. до н. э., найденные на афинском Керамике (Braund 2004: 17–24, fig. 1–4; 2007: 57, fig. 9), изображающие коленапреклоненных «скифских лучников» с горитами у левого бедра (одна из них приведена на рис. 5, 2),⁸ а также известный фрагмент надгробия из Ольвии, относящийся к 470 г. до н. э. (Фармаковский 1915: табл. IV–V). На одной его стороне показан юноша-грек, на другой – варвар со скифским горитом и стрелой в руке. В изображении варвара исследователи видят изображение амазонки (Там же: 107 сл.; Виноградов 1989: 88–89; Шауб 2007: 256–257), однако в нашем случае это не имеет принципиального значения, важно, что здесь представлен варвар-лучник.

⁷ О погребальном аспекте образа амазонки см. Шауб 2007: 379–380.

⁸ Благодаря проф. Д. К. Браунда за разрешение опубликовать сделанную им фотографию памятника.

В пользу высказанного понимания сцены на фрагменте из Порфмия может свидетельствовать и форма сосуда – известно, что лекифам принадлежала важная роль в погребальной практике греков. И регион Северного Причерноморья, несомненно, был для греков не только зоной колонизационных, торговых и политических интересов, но и отдаленным местом, расположенным где-то далеко на севере, граничившим с Аидом и населенным полулегендарными «народами», жившими неподалеку от входа в царство мертвых (Виноградов 2000: 121 сл.). Скорее всего, мастер, украсивший порфмийский лекиф, имел в виду скифского лучника, жителя этих таинственных земель, обитавшего где-то «у границы мира». Сам факт находки фрагмента аттического сосуда с этим изображением в Порфмии, на памятнике, расположенном в непосредственной близости от традиционной скифской переправы через Боспор Киммерийский (Вахтина и др. 1980), кажется весьма примечательным. Несомненно, жители Порфмия в эпоху архаики прекрасно представляли реальных скифов. Возможно, именно с наличием «скифской угрозы» связаны возведенные здесь во второй половине VI в. до н. э. оборонительные сооружения, а также следы пожаров и разрушений, прослеженные на большой площади (Вахтина 2006: 34–36). Рискнем, однако, высказать предположение, что мастер, украсивший порфмийский лекиф, как и покупатель – владелец этого лекифа, видели в изображении скифа прежде всего персонаж, связанный с переходом в иной мир, возможно, «проводника душ». Реалистичность же изображения, степень сходства «скифа» на сосуде с реальными прототипами была, очевидно, не столь важна. Этим можно объяснить и этническую «неопределенность» его костюма, характерного для северных варваров «в общем и целом». Собственно говоря, самыми выразительными деталями его одежды являются остроконечный головной убор и горит. Два коня, которых держит «скиф», возможно, не только подчеркивают его принадлежность к полулегендарным кочевникам, «сильным конями». Второй конь вполне мог быть «предназначен» для умершего, которому предстоит пересечь границу двух миров.

На знаменитом большом лекифе Ксенофанта, изготовленном в Афинах в начале IV в. до н. э. и обнаруженном в одном из боспорских курганов, представлена сцена охоты, которую Ю. А. Виноградов трактует как охоту героев (реальных и мифологических) в Элизиуме, а сам лекиф считает «памятником героического бессмертия» (Виноградов 2006: 156–158; 2007: 49–52). Полностью соглашаясь с предложенной Ю. А. Виноградовым интерпретацией, отметим, что среди второстепенных персонажей декора присутствуют варвары, держащие щиты-пельты (Виноградов 2006: 156), в которых можно видеть амазонок или аримаспов. Хотя лекиф Ксенофанта относится к более позднему времени, чем сосуда со «скифскими» сюжетами росписи, к которым принадлежал порфмийский лекиф, в его декоре отчетливо отражена та же идея связи северопричерноморских варваров с загробным миром и погребальным ритуалом.

Представляется вполне вероятным, что дальнейшее изучение изображений «скифов» на аттических вазах и других памятниках искусства эпохи архаики еще более покажет «неоднородность» этих изображений, возможность выделения отдельных групп, демонстрирующих различную степень приближения к образам реальных варваров («реалистичных» и «условных»), а также различных направлений интерпретации изображений. Хочется еще раз подчеркнуть, что в данном случае речь идет лишь об одном из возможных аспектов понимания определенного «пласта» изображений.

Вероятно, в представлениях греков варвары, жившие в Северном Причерноморье, отдаленной местности, сопредельной с Аидом, в некотором роде сами ему принадлежали, занимали пограничное положение между миром реальным и потусторонним и, возможно, могли выступать проводниками в иной мир. В изображениях «скифов», особенно в тех, где они представлены «владеющими лошадьми», можно видеть персонажей, играющих роль,

близкую к роли спутников и проводников душ усопших в «последнем пути». Отнюдь не претендуя в небольшой статье, посвященной конкретной находке, на всестороннее освещение проблемы интерпретации образа «скифского лучника» в позднеархаической аттической вазовой живописи, все же выскажем осторожное предположение о возможности трактовки некоторых изображений в этом русле.

- Алексеев 2003 – *Алексеев А. Ю.* Хронография Европейской Скифии. СПб., 2003.
- Алексеева 2010 – *Алексеева Е. М.* Горгиппия // Античное наследие Кубани. М., 2010. Т. 1. С. 470–509.
- Андреев 2004 – *Андреев Ю. В.* Гомеровское общество: Основные тенденции социально-экономического и политического развития Греции IX–VIII вв. до н. э. СПб., 2004.
- Букина 2004 – *Букина А. Г.* Иконография мифов о смерти и возрождении в греческом ориентализирующем искусстве: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2004.
- Вахтина 2006 – *Вахтина М. Ю.* Об архаическом Порфмии // БИ. 2006. Т. 13. С. 34–36.
- Вахтина 2007 – *Вахтина М. Ю.* Фрагмент чернофигурного аттического лекифа с изображением «скифского лучника» из раскопок Порфмии // Из истории античного общества. Нижний Новгород, 2007. Вып. 9–10. С. 55–67.
- Вахтина и др. 1980 – *Вахтина М. Ю., Виноградов Ю. А., Рогов Е. Я.* Об одном из маршрутов военных походов и сезонных миграций кочевых скифов // ВДИ. 1980. № 4. С. 155–160.
- Виноградов 1989 – *Виноградов Ю. Г.* Политическая история Ольвийского полиса в VI–I вв. до н. э.: Историко-эпиграфическое исследование. М., 1989.
- Виноградов 2000 – *Виноградов Ю. А.* Феномен Боспорского государства в отечественной литературе // STRATUMplus. Кишинев; СПб.; Одесса; Бухарест, 2000. № 3. С. 98–128.
- Виноградов 2006 – *Виноградов Ю. А.* О смысле изображений на большом лекифе Ксенофанта // БИ. 2006. Т. 13. С. 134–161.
- Виноградов 2007 – *Виноградов Ю. А.* Большой лекиф Ксенофанта. СПб., 2007.
- Горбунова 1983 – *Горбунова К. С.* Чернофигурные аттические вазы в Эрмитаже. Л., 1983.
- Горончаровский. 2003 – *Горончаровский В. А.* Между Империей и варварами: Военное дело Боспора римского времени. СПб., 2003.
- Иванчик 2002а – *Иванчик А. И.* Кем были «скифские лучники» на аттических вазах эпохи архаики. I // ВДИ. 2002. № 3. С. 33–55.
- Иванчик 2002б – *Иванчик А. И.* Кем были «скифские лучники» на аттических вазах эпохи архаики. II // ВДИ. 2002. № 4. С. 23–42.
- Савостина 2012 – *Савостина Е. А.* Эллада и Боспор. Греческая скульптура на Северном Понте. Симферополь; Керчь, 2012.
- Сидорова 1992 – *Сидорова Н. А.* Чернофигурная керамика из раскопок Пантикапея 1945–1958 гг. // СГМИИ. 1992. Вып. 10. С. 173–203.
- Фармаковский 1915 – *Фармаковский Б. В.* Памятники античной культуры, найденные в России // ИАК. 1915. Вып. 58. С. 82–133.
- Фролов 1998 – *Фролов Э. Д.* Скифы в Афинах (по изображениям на черно- и краснофигурных вазах) // Проблемы археологии. СПб., 1998. Вып. 4. С. 132–140.
- Черненко 1968 – *Черненко Е. В.* Скифский доспех. Киев, 1968.
- Черненко 1981 – *Черненко Е. В.* Скифский лучник. Киев, 1981.
- Шауб 2007 – *Шауб И. Ю.* Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье (VII–IV вв. до н. э.). СПб., 2007.
- Яценко 2000 – *Яценко С. А.* Костюм Скифии в архаическое (7–6 вв. до н. э.) и «классическое» (5–4 вв. до н. э.) время: к вопросу об этнических изменениях // Античная цивилизация и варварский мир: Материалы 7-го археологического семинара. Краснодар, 2000. С. 24–31.

- Beazley Archive – <http://www.beazley.ox.au.uk>.
- Boardman 1975 – *Boardman J.* Greek Art. New York, 1975.
- Boardman 1998 – *Boardman J.* Early Greek Vase-Painting. London, 1998.
- Braund 2004 – *Braund D. C.* Scythians in the Ceraeic: Lucian's «Toxaris» // Pontus and the Outside World. Studies in Black Sea History, Historiography, and Archaeology. Leiden; Boston, 2004. P. 17–24.
- Braund 2006 – *Braund D. C.* In Search of the Creator of Athens' Scythian Archer-pottery: Speusis and the «Eurymedon Vase» // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. Bonn, 2006. Bd 156. P. 109–113.
- Braund 2007 – *Braund D. C.* Creator Olbia: Ethnic, Religious, Economic, and Political Interactions in the Region of Olbia, c. 600–100 BC // Classical Olbia and the Scythian World. From the Sixth Century BC to the Second Century AD. Oxford; New York, 2007. P. 37–77.
- Coldstream 1968 – *Coldstream J. N.* Greek Geometric Pottery. London, 1968.
- CVA Deutschland 47 – Corpus Vasorum Antiquorum. Deutschland 47. Tübingen, Antikensammlung des archäologischen Instituts der Universität. München, 1980. Bd 3.
- Ivanchik 2005 – *Ivanchik A. I.* Who were the “Scythian” Archers on Archaic Attic Vases? // Scythians and Greeks. Cultural Interactions in Scythia, Athens and the Early Roman Empire (6th cent. BC–1st cent. AD). Exeter, 2005. P. 100–113.
- Kraus 1960 – *Kraus Th.* Hecate. Heidelberg, 1960.
- LIMC II – Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae. Zürich; München, 1986. Bd 2.
- Lissarrague 1990 – *Lissarrague F.* L'autre querries. Archers, peltastes, cavaliers dans l'imagerie attique. Paris; Rome, 1990.
- Mellink 1998 – *Mellink M. J.* Kizilbel: An Archaic Painted Tomb Chamber in Northern Lychia. Philadelphia, 1998.
- Ny Carlsberg Glyptotek... 1995 – Ny Carlsberg Glyptotek. Greece in the Classical Period. Vojens, 1995.
- Piotrovsky et al. 1986 – *Piotrovsky B., Galanina L., Grach N.* Scythian Art. Leningrad, 1986.
- Philadelphia MS4873 – [http://mkatz.web.wesleyan.edu/grk101/linked pages/Philadelphia+MS4873.ima.e](http://mkatz.web.wesleyan.edu/grk101/linked_pages/Philadelphia+MS4873.ima.e).
- Richter 1961 – *Richter G. M. A.* The Archaic Gravestones of Attica. London, 1961.
- Vos 1963 – *Vos M. F.* Scythian Archers in Archaic Vase-Painting. Groningen, 1963.

«ОХОТНИКИ» В РОСПИСИ ПАНТИКАПЕЙСКОГО СКЛЕПА 1841 г. И ГЛАДИАТОРСКИЕ ИГРЫ НА БОСПОРЕ

В. А. Горнчаровский

В боспорском искусстве сюжеты, так или иначе связанные с охотой, весьма немногочисленны и среди них, безусловно, выделяется изобразительный декор большого склепа, раскопанного в 1841 г. директором Керченского музея Антоном Ашиком в некрополе Пантикапея на горе Митридат (Ашик 1845). Эта двухкамерная гробница отличается торжественной фресковой росписью, запечатленной в копиях, выполненных в течение двух недель после ее открытия художником А. М. Стефанским, учеником И. К. Айвазовского. Наряду с такими сценами как пышная погребальная процессия, загробная трапеза, победоносное конное сражение, поединки гладиаторов, там были представлены и схватки людей с дикими животными. Почти все они связаны с фресками на стенах первой камеры склепа, где мы видим конных охотников в обычной для боспорцев одежде: хитон с короткими или длинными рукавами, перетянутый поясом, обтягивающие штаны, а на ногах – небольшие кожаные сапожки либо плетеная из ремешков обувь. На боковой стене представлены вооруженные копьями всадники, каждый из которых противостоит какому-нибудь зверю. В центре композиции находится фигура юноши, занесшего копье вверх правой рукой и поражающего им оленя. В его сторону обращены два других, сражающихся с медведем¹ и кабаном персонажа, которые держат более короткие копья двумя руками (рис. 1, 1).² Это наводит на мысль о том, что данный вид оружия, рассчитанный на столкновение с крупными дикими зверями, был утяжелен за счет веса наконечника и толщины древка.

Еще две аналогичные по сюжету сцены изображены в нижнем ярусе задней стены первой камеры, по обе стороны от арочного прохода, к которому обращены фигуры двух конных охотников. У одного из них, скачущего вправо, поводья брошены на шею лошади, так как руки заняты мощным луком, из которого он готов сразить стрелой поднявшегося на задние лапы хищника. М. И. Ростовцев, вопреки собственному мнению о бытовом характере совокупности рассматриваемых сюжетов, почему-то полагал, что здесь изображен «ставший на дыбы грифон» (Ростовцев 1913–1914: 354), хотя соответствующие данному мифическому существу крылья отсутствуют. Если исходить из того, что это реальное животное, то, судя по удлинённым пропорциям его сухого поджарого тела с пятнами на шкуре, маленькой заостренной голове и длинному гибкому хвосту с небольшим расширением на конце, боспорский лучник сражается с гепардом. Зверь показан присевшим на задние лапы и как бы

---

¹ Такое определение породы животного носит несколько условный характер из-за размера хвоста, поскольку у медведей он гораздо короче, не больше 10–12 см в длину, и в соответствующих изображениях на памятниках древнеримского искусства вообще не выделялся.

² Длина таких копий, если пропорции изображения хотя бы приблизительно выдержаны, должна была составлять около 2,5 м.

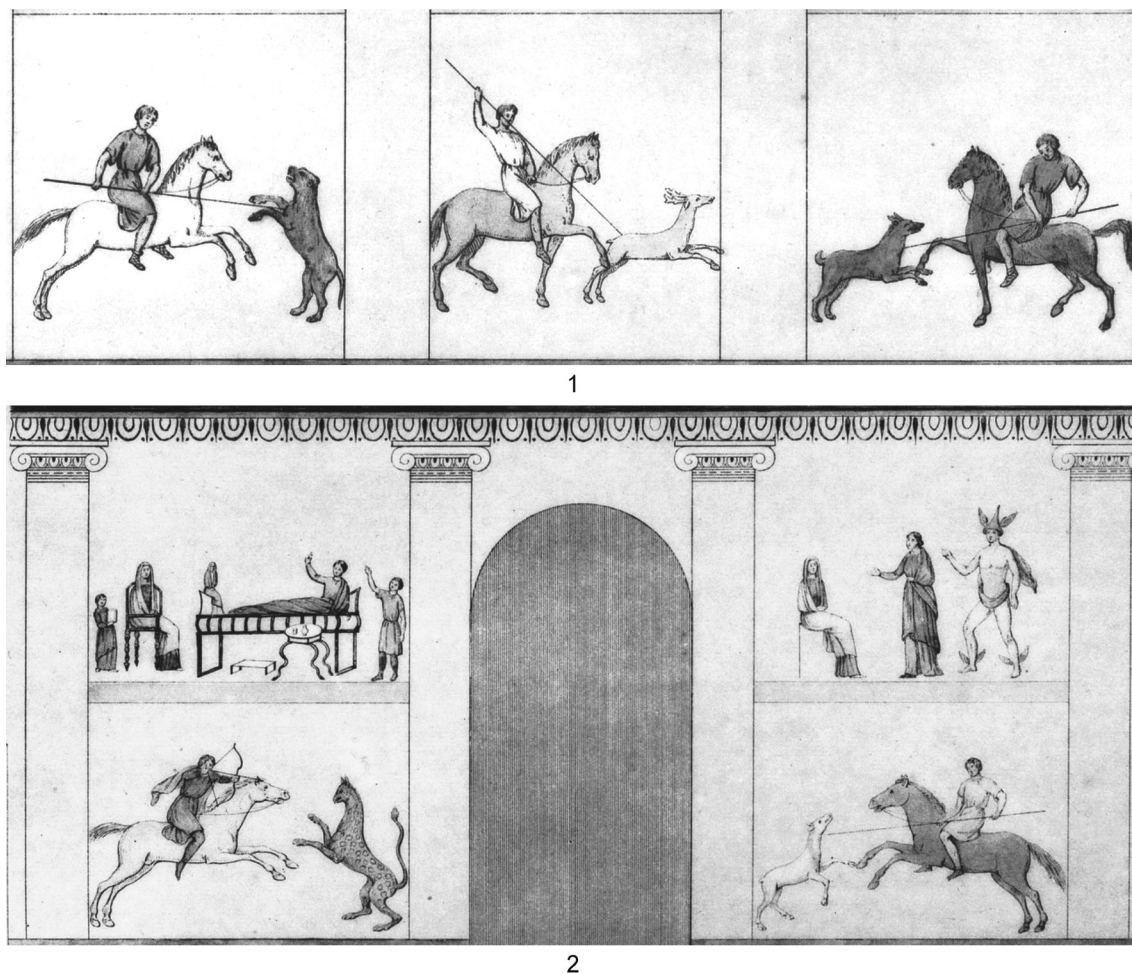

Рис. 1. Конные «охотники» в росписи первой камеры склепа 1841 г.: 1 – на правой стене; 2 – на задней стене

наносящим удары передними, что является естественной реакцией на грозящую опасность.³ В сцене показано самое начало схватки, поскольку для того, чтобы убить крупного хищника кошачьей породы, требовалось всадить в него по крайней мере три-четыре стрелы.⁴ Что касается всадника, скачущего влево, то он, держа двумя руками копьё, наносит смертельное ранение в горло вовсе не пантере, как считал М. И. Ростовцев (Там же), а какому-то копытному животному (рис. 1, 2).

³ Ср.: Кашкаров 1931: 22; Литвинский 2002: 202. Особенностью гепардов являются лапы с длинными и острыми невягивающимися когтями, которые в данном случае не показаны.

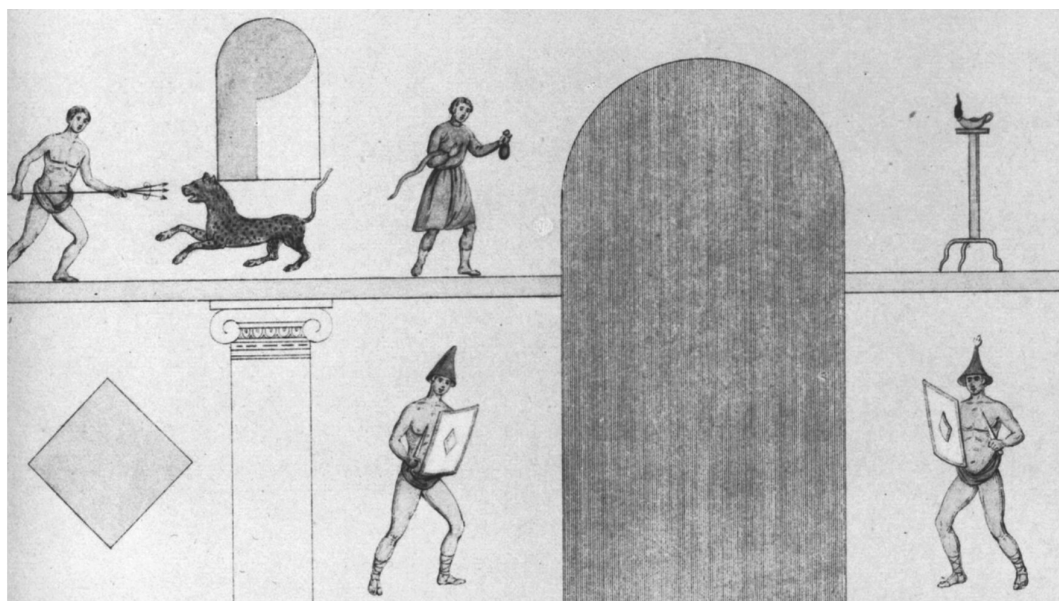
⁴ Это достаточно наглядно демонстрируют ассирийские рельефы с изображениями охоты на львов из дворцов в Кальху (IX в. до н. э.) и Ниневии (VII в. до н. э.): см. Афанасьева и др. 1976: 132–134, рис. 88–89.

Относительно сюжета, связанного с «охотой» на гепарда, следует сказать, что это единственный для Боспора пример изображения в действии сложносоставного лука «гуннского» типа (Там же: табл. LXXXIX, 2). Он имел достаточно большие размеры. Если судить по надгробию Матиана, сына Заидара (конец I в. до н. э.), где такой кавалерийский лук показан со снятой тетивой (Яйленко 1995: 220–224; Виноградов, Горончаровский 2009: 162, рис. 71), длина его древка составляла около 1,1 м. Соответственно в боевом положении расстояние между концами лука должно было быть примерно 0,9 м. Наличие четко выделенной рукояти и круто изогнутых эластичных плечей с костяными накладками значительно увеличивало его дальность, позволяя поражать цель со значительного расстояния (Каминский 1982: 49; Виноградов, Горончаровский 2009: 190). В то же время по силе натяжения он намного превосходил распространенный ранее и продолжавший оставаться на вооружении сигмовидный лук «скифского» типа. Владение в полной мере более мощным оружием требовало специальной подготовки, которая в кочевой среде начиналась с раннего детства и продолжалась в виде постоянных тренировок, да еще и верхом на коне. У степняков при использовании лука любого типа рука, натягивающая тетиву, всегда находится на одной линии с рукой, держащей рукоять лука (Черненко 1981: 118–119). В данном случае положение рук при натягивании тетивы у боспорского всадника таково, что говорить о доведенной до автоматизма технике стрельбы не приходится: они слегка согнуты, направляя лук под небольшим углом вниз.⁵ Четыре пальца левой руки сжимают прямую рукоять. При этом прижатый сверху большой палец служит направляющим для стрелы. Тетива оттянута правой рукой назад, до уха с использованием указательного и среднего пальцев, что соответствует наиболее совершенному, так называемому монгольскому способу стрельбы (Там же).

М. И. Ростовцев, как в свое время А. Б. Ашик и Б. Кёне (Ашик 1845: 22–23; Кёне 1849: 89 и сл.), считал, что часть фресок из склепа 1841 г. имеют отношение именно к охоте и наряду с прочими демонстрируют «выдающиеся типичные черты жизни» покойного, дающие ему «право на звание и почести, довлеющие герою» (Ростовцев 1913–1914: 353–354, 373). В дальнейшем другие исследователи, особенно не утруждая себя детальным рассмотрением описанных сюжетов, целиком приняли данную трактовку (см., напр., Гайдукевич 1949: 414; Gajdukevič 1971: 440). Впервые она была поставлена под сомнение только в аннотации к воспроизведенному в популярной книге В. М. Брабича и Г. С. Плетневой «Зрелища древнего мира» фрагменту росписи склепа 1841 г. с изображениями трех схваток со зверями, где противостоящие им всадники по аналогии с участниками представлений в римских амфитеатрах назывались не охотниками, а бестиариями (Брабич, Плетнева 1971: 37).

Тем самым, пусть и вскользь, отдельные сюжеты фресок первой камеры впервые были объединены с некоторыми сценами из второй, которые М. И. Ростовцев связал с воспоминанием «о данных погребенным больших гладиаторских играх, может быть одних из первых в столице Боспорского царства» (Ростовцев 1913–1914: 357). Он тоже использовал термин «бестиарий» в значении «звероборец», но только в отношении сцены поединка вооруженного трезубцем полуобнаженного человека с леопардом (рис. 2, 1). Впрочем, говорить о «бестиариях» (Блаватский 1985: 193; Цветаева 1979: 116–117) в данном случае не совсем корректно, так как этот термин обозначал представителей самой низшей ступени среди тех, кто сражался на арене с дикими животными. Они выступали пешими и лишь демонстрировали свою ловкость в обращении со зверями, стараясь раздражить их перед появлением на арене профессионалов – венаторов (от лат. *venatio* – «охота») (Junkelmann 2000: 71).

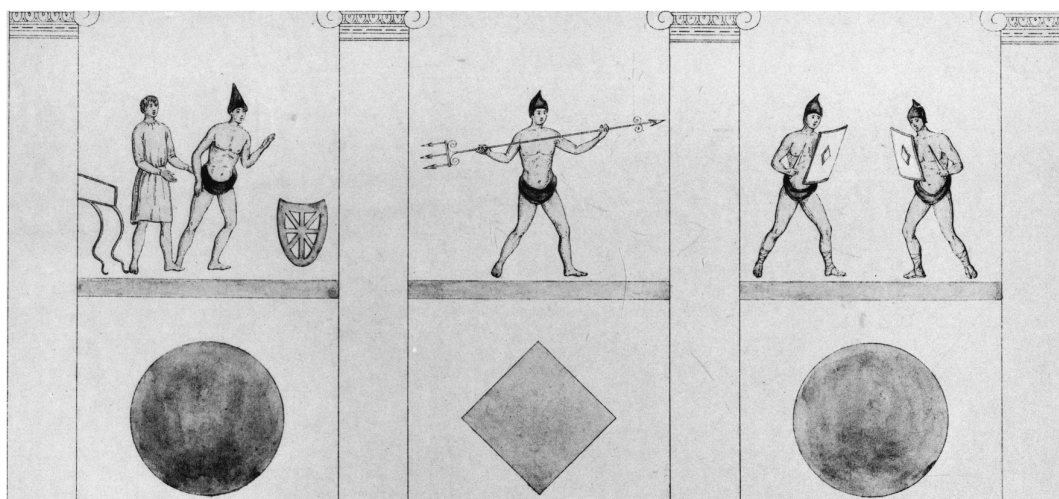
⁵ Такое положение правой руки часто можно видеть на изображениях лучников, являющихся представителями оседлых народов (Литвинский 2001: табл. 9, 21, 27, 30, 34).

1

2

3

Рис. 2

Рис. 3. Мозаика III в. н. э. со сценой venatio из Археологического музея в г. Сус (Тунис)

Справа от боспорского венатора изображена фигура, как писал М. И. Ростовцев, «прислужника», несущего в левой руке «мягкий кожаный лекиф» (Ростовцев 1913–1914: 355), но скорее этот предмет следует рассматривать как кошелек с денежным вознаграждением. На мозаике III в. из тунисского города Сус (Носов 2005: 27) четыре таких мешочка с 1000 сестерциев в каждом (по числу участников схваток с леопардами) мы видим на подносе, который держит слуга в центре композиции (рис. 3).

Почти аналогичные изображения пеших «охотников» присутствуют на ажурных рельефах двух деревянных боспорских саркофагов, обнаруженных на территории Керчи, в расположенных по соседству каменных гробницах конца I–начала II в. н. э.: в саду Золотарева (1883 г.) и из насыпи склепа в усадьбе Фельдштейна (1900 г.). Против льва здесь выступает в одном случае одетый в длинный хитон персонаж с трезубцем (рис. 4, 1), в другом – обнаженный человек с копьем (рис. 4, 2) (Ростовцев 1913–1914: 266 и сл.; Сокольский 1969: табл. 39, 2; 42, 1).

Оружие венатора на фреске 1841 г. имеет укороченное древко и необычную V-образную форму металлической части с тремя острями. Аналогичный предмет охотничьего снаряжения, но с двумя острями, мы видим на мозаике IV в. н. э. из виллы в Пьяцца Армерина на Сицилии (Сидорова 1965: 201). Хотя нет ни одного изображения, где бы трезубец присутст-

Рис. 2. Гладиаторы в росписи второй камеры склепа 1841 г.: 1 – на торцевой стене у входа; 2 – на левой боковой стене; 3 – на правой боковой стене

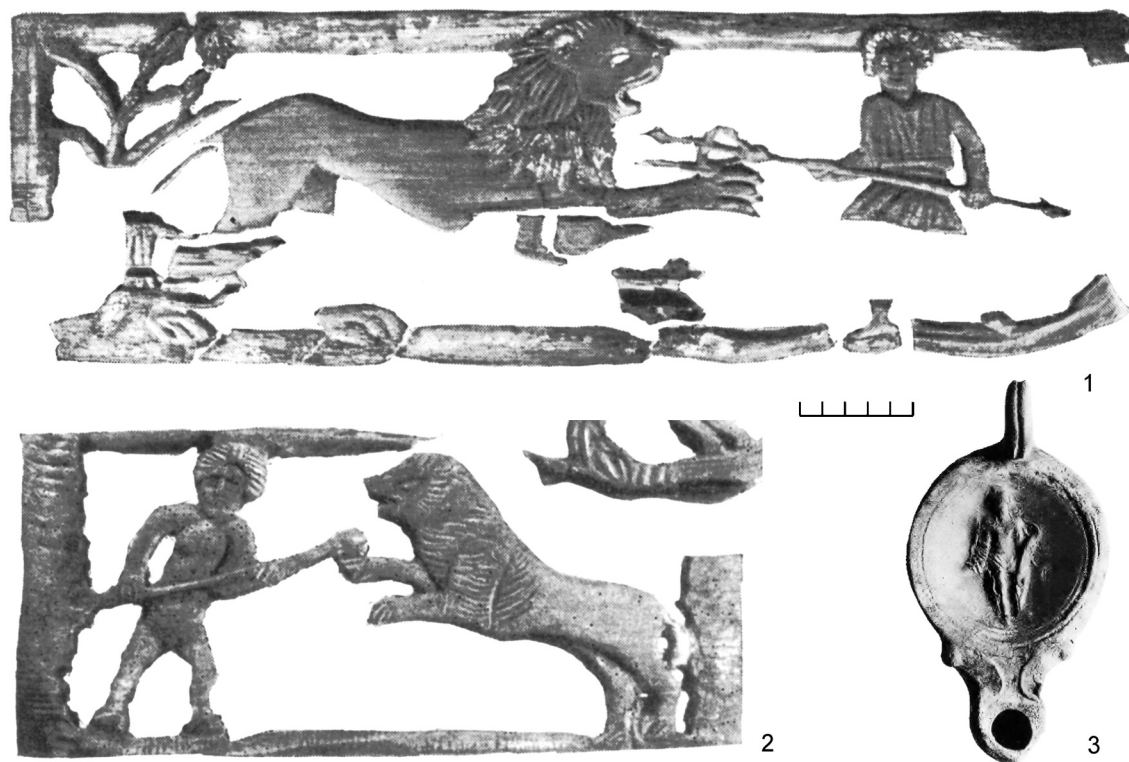

Рис. 4. 1–2 – изображения венаторов на боспорских деревянных саркофагах (1 – из гробницы 1900 г. в усадьбе Фельдштейна; 2 – из гробницы 1883 г. в саду Золотарева); 3 – светильник боспорского производства с изображением гладиатора-«фракийца»

вовал в руках профессиональных римских охотников, возможно, этот специфический тип оружия действительно иногда использовался на Боспоре против крупного зверя. Об этом говорит одна весьма существенная деталь: на фреске из склепа 1841 г. и саркофаге 1900 г. ниже расходящихся заостренных концов трезубца имеется выгнутая наружу перекладина.⁶ В изображенных на римских мозаиках рогатинах она должна была удерживать раненого зверя на определенной дистанции, иначе он, все более наваливаясь, мог бы достать венатора лапой (ср. Сидорова, Чубова 1979: 206, ил. 107). Древяно на фреске 1841 г. укорочено, судя по всему, чтобы обеспечить возможность в сложной ситуации упереть его в грудь для большей устойчивости.

Рядом с рассмотренной сценой находились изображения четырех гладиаторских поединков. В частности, на торцевой стене второй камеры склепа по обе стороны от входа была представлена пара противостоящих друг другу гладиаторов, практически одинаково одетых и вооруженных (рис. 2, 1). Из одежды на них только повязка-сублигакул, на ногах – скорее всего, легкие сандалии, дополненные стегаными матерчатыми обмотками (фасциями) (Ростовцев 1913–1914: 356), которые художник, копировавший фрески, изобразил как ремешки,

⁶ Это наблюдение свидетельствует о том, что зарисовки А. М. Стефанского, по крайней мере в ряде деталей, полностью соответствуют сценам, запечатленным боспорским художником на стенах склепа 1841 г.

обвивающие голени. Голова в обоих случаях закрыта высоким коническим шлемом без забрала, при этом тот, что справа, дополнен небольшим трехчастным навершием. Последняя деталь, вероятно, является своего рода этнической эмблемой, поскольку такое же навершие можно видеть на шлемах противников боспорцев в сцене конного боя из того же склепа (Там же: табл. LXXXVIII, 2). Реальные прототипы таких шлемов, распространенные в сарматской среде, имели характерную для этой области античного мира каркасную основу, на которой крепились вертикальные металлические полосы (Виноградов, Горончаровский 2009: 194–196). У гладиатора слева в одной руке кинжал, в другой – небольшой, слегка выгнутый щит прямоугольной формы с полосой обивки по краю и ромбовидным умбоном в центре.⁷ Предметы вооружения его соперника размещены в зеркальном порядке, что можно объяснить только стремлением боспорского живописца добиться абсолютной симметрии двух человеческих фигур относительно входа.

М. И. Ростовцеву представлялось, что если исключить форму щита и шлема, то ближе всего изображенные бойцы соотносятся с таким типом гладиаторов как «мирмиллон» (Ростовцев 1913–1914: 356), но на самом деле различий гораздо больше. Так мирмиллону полагалось иметь широкий пояс (балтеус), на кожаной основе которого традиционно крепились бронзовые пластинки; на правой руке – защитный кожаный или простеганный матерчатый рукав (манику), а также короткую поножь на левой ноге (Носов 2005: 57–58). Некоторую параллель можно усмотреть только в расширении изображенных на фреске шлемов книзу, что, возможно, говорит о наличии у реальных прототипов более или менее широких полей. Таким образом, имеющийся в данном случае комплект легкого вооружения: шлем, щит, кинжал, – без дополнительных средств защиты не соответствует полностью ни одному из известных типов гладиаторской экипировки. Некоторую близость, имея в виду укороченный прямоугольный щит и кинжал, можно усмотреть только с вооружением гладиаторов-«фракийцев». Это наблюдение подтверждается находившимися в правом углу верхнего яруса продольных стен второй камеры и практически аналогичными сценами еще двух поединков (рис. 2, 2),⁸ где их участники изображены в шлемах с назатыльником и характерным для «фракийцев» загнутым вперед гребнем. О популярности на Боспоре элементов именно «фракийского» вооружения для выступлений на арене говорит присутствие его на подражающих италийским глиняных светильниках местного производства с изображением гладиаторов (рис. 4, 3) (Вальдгауэр 1914: 12, 37).

В центре правой боковой стены склепа, вероятно, для того, чтобы разнообразить сюжеты, представлен боспорский легковооруженный «ретиарий». Двумя руками он держит трезубец, имеющий вток в виде заостренного наконечника, снабженного перекладной (рис. 2, 3), что позволяло в полной мере использовать это оружие для парирования и нанесения ударов, которые в данном случае оказывались более мощными. Отличия от устоявшегося к этому времени римского типа ретиария заключаются, с одной стороны, – в наличии шлема фракийского типа, с другой – в отсутствии маники и наплечника (галера) на левой руке, сети, короткого кинжала и фасций на ногах. Левее размещена сцена с двумя персонажами, одного из которых, в коническом шлеме, судя по тому, что он не имеет ни фасций, ни обуви, готовят к выходу на арену в той же роли. Отдельно в углу изображен щит в форме усеченного овала с ажурным орнаментом на внешней поверхности.

Бросается в глаза почти полная незащищенность запечатленных на стенах склепа 1841 г. боспорских гладиаторов. Понятно, что в условиях ближнего боя без маники на руке, широ-

⁷ Такой же умбон мы видим на щите варвара, изображенного на южной стене погребальной камеры Стасовского склепа 1872 г. (Ростовцев 1913–1914: табл. LXXVIII, 1).

⁸ Единственное отличие – отсутствие фасций на ногах одного из «фракийцев» (см. рис. 2, 2).

кого пояса и других деталей обычной экипировки поединок становился слишком кровавым и скоротечным. Но, может быть, так и было задумано? Вероятно, мы видим здесь тот тип бойцов на арене, который ни разу не удостоился чести быть отраженным в памятниках римского искусства. Это так называемые грегари, набравшиеся из второсортных гладиаторов или обреченных на смерть военнопленных и преступников, жизнь которых не стоила почти ничего (Auguet 1994: 178). Именно о них Сенека писал: «Все прежнее было не боем, а сплошным милосердием, зато теперь — шутки в сторону — пошла настоящая резня! Прикрываться нечем, все тело подставлено под удар, ни разу ничья рука не поднялась понапрасну. И большинство предпочитает это обычным парам и самым любимым бойцам! А почему бы и нет? <...> Зачем доспехи? Зачем приемы? Все это лишь оттягивает миг смерти <...> Для сражающихся нет иного выхода <...> и так, покуда не опустеет арена» (Sen. Ep. mor. ad Luc. VII, 3–4 / перевод С. А. Ошерова).

Данная ситуация вполне понятна, так как на Боспоре отсутствовала собственная гладиаторская школа, а приглашать ветеранов амфитеатров издалека было слишком дорогим удовольствием. Впрочем, вряд ли возможно исключить присутствие на пантикапейской арене немногочисленных местных любителей, готовых продемонстрировать свое воинское мастерство за деньги. Подобный случай описал в своей новелле «Токсарид или Дружба» известный греческий писатель II в. н. э. Лукиан Самосатский. Там рассказывается о двух друзьях родом из Скифии, Токсариде и Сисинне, оказавшихся в городе Амастрии на южном берегу Понта Евксинского. Оба в результате ограбления лишились всего имущества, а потом узнали о готовившемся представлении с участием нанятых за плату гладиаторов. Когда наступил назначенный день, они отправились в местный театр. Далее, как рассказывал Токсарид, «усевшись, мы видели, как охотились с дротиками на диких зверей, как их травили собаками <...> Наконец, <...> глашатай, выведя весьма рослого юношу, объявил, чтобы всякий желающий сразиться с ним один на один, выходил на середину, — за это он получит десять тысяч драхм — плату за бой. При этих словах Сисинн вскочил и, сбегав на арену, изъявил желание сражаться и потребовал оружие» (Luc. Tox. 59–60 / пер. Д. Н. Сергеевского). У Лукиана речь идет о разовом выступлении в роли гладиатора, без всяких дальнейших обязательств. Представляется, что такой сценарий был достаточно обычным для многих периферийных греческих центров.

В этой связи обращает на себя внимание одна из сцен верхнего яруса второй камеры склепа, где навстречу друг другу устремляются два конных воина. Слева скачет облаченный в короткий панцирь без рукавов всадник в уже знакомом нам шлеме с гребнем и назатыльником и с копьем в правой руке, а справа — персонаж без доспеха, с головным убором, напоминающим кожаный башлык, и луком «гуннского» типа (рис. 5). Здесь следует отметить характерное для многих традиционных пар римских гладиаторов явное стремление уравнивать шансы противников. Один из них, подвергаясь опасности со стороны стрелка из дальнего бойного лука, имеет панцирь, другой — если бы не смог использовать свое преимущество, в случае ближнего боя был фактически обречен на поражение.

Теперь вновь вернемся к сценам с конными «охотниками», которые, очевидно, полностью вписываются в картину проведения на Боспоре гладиаторских игр. Судя по последовательности сюжетов, представление здесь начиналось звериной травлей с участием конных⁹ и пеших венаторов, которым в местных условиях вряд ли требовалась специальная подготовка. Во второй части игр могли демонстрироваться выступления грегари, сменявшиеся схватками конных бойцов, сражавшихся за плату.

---

⁹ В отличие от Боспора, в Риме травля зверей конными венаторами проводилась редко и выглядела достаточно экзотично (Носов 2005: 27).

Рис. 5. Роспись задней стены второй камеры склепа 1841 г. с изображением поединка всадников

Если учесть, что в декоре склепа представлены пять сцен борьбы всадников с дикими животными и один пеший венатор, а поединков между людьми всего четыре, то предпочтение, отданное «охоте», вполне очевидно. Видимо, это следует объяснить тем, что такое зрелище находило больший отклик среди населения столицы царства, для которого охота всегда имела определенное, но не определяющее значение. Этим объясняется присутствие среди общей массы остеологического материала из раскопок боспорских городов сравнительно небольшого количества (около 1,3–1,5 %) костей диких животных, среди которых представлены, главным образом, благородный олень, лось, сайга, кулан, лисица, заяц,¹⁰ дикий кабан, барсук, ласка (Цалкин 1960: 89). При этом интересно отметить, что в городах такие находки гораздо чаще и разнообразнее, чем на сельских поселениях (Кругликова 1975: 214–215). Вероятно, это связано с большими возможностями городского рынка для сбыта охотничьей добычи, хотя свою роль могло играть и особое отношение горожан к охоте, как

¹⁰ Наиболее распространенной добычей, судя по находкам костей, были зайцы и лисицы. Кстати, Ксенофонт в своем трактате «О псовой охоте», говоря о животных, представлявших интерес для охотников, ставил на первое место именно зайцев, уделяя значительно меньше внимания оленям и диким кабанам и тем более таким животным, как львы, леопарды, рыси и пантеры (Хен. Сун. I–XIII).

к занятию, необходимому каждому гражданину, а особенно юношам, для развития сноровки, ловкости и силы в качестве подготовки к войне (Plato. Leg. 823b–824c; Xen. Сун. XII, 1; XIII, 11; Xen. De re eq. 8, 10; Arr. Сун. I, 1) (Webster 1969: 32). Во всяком случае, у кочевников охота всегда служила прекрасной тренировкой для реального боя, в ходе которой отрабатывались навыки совместных действий.

Стоит отметить, что дикие животные в тех сюжетах боспорского изобразительного искусства, которые можно связать с гладиаторскими играми, не являются чем-то экзотическим для Боспора. Это касается и крупных представителей семейства кошачьих, в ареал обитания которых в древности входил Северо-Западный Кавказ.¹¹ Таким образом, их доставка в столицу не требовала серьезных финансовых затрат.

Едва ли в Пантикапее существовал специальный амфитеатр для травли зверей и проведения гладиаторских состязаний. Очевидно, как и во многих провинциальных греческих городах на территории империи, представления устраивались в местном, слегка переоборудованном театре (Рим... 1997: 102; Grant 1995: 88), совмещавшем, таким образом, сразу несколько функций. К сожалению, несмотря на имеющиеся письменные и археологические свидетельства его существования, пантикапейский театр так до сих пор и не найден, хотя его реконструкция, скорее всего, мало чем отличалась от соответствующих работ, произведенных в театре Херсонеса Таврического. Организация там гладиаторских боев потребовала увеличения пространства для выступлений, количества мест и соответствующей защиты зрителей: появился дополнительный ярус каменных сидений, площадка оркестры, периодически превращавшаяся в арену, расширилась, а вместо первого зрительского ряда был сооружен высокий барьер, по-видимому, с металлической решеткой (Домбровский 1960: 32).

Введению на Боспоре практики проведения гладиаторских игр, видимо, способствовало долгое пребывание в Пантикапее в период Боспорской войны 45–49 гг. н. э. воинского контингента под командованием Гая Юлия Аквилы и подчеркнутое романофильство царя Котиса I (45–68 гг. н. э.) (Виноградов, Горончаровский 2009: 267, 272). Не исключено, что, с одной стороны, тут сыграли свою роль стремление римских солдат и командиров получить привычный набор развлечений, с другой – изменившиеся вкусы представителей элиты боспорского общества, которые хотели продемонстрировать свою лояльность по отношению к представителям новой власти, старательно подражая их образу жизни. Вряд ли гладиаторские игры на Боспоре устраивали частные лица по причине дороговизны подобного рода зрелищ, скорее это входило в компетенцию царской администрации (ср., Ростовцев 1913–1914: 357; Блаватский 1985: 193). Известно, что в римских провинциях Малой Азии одной из обязанностей верховных жрецов императорского культа была организация *munera gladiatoria* (Ramsey 1895: 57, 76; Robert 1940: 270–275). Этой практике могли следовать и боспорские цари, которые со времени правления Котиса I становятся «пожизненными первосвященниками августов» (КБН: 41–42, 44, 53, 982, 983, 1045, 1047, 1118, 1122). Не исключено, что именно Котису I (45/46–67/68 гг. н. э.) и принадлежала открытая А. Б. Ашиком гробница с фресковой росписью, демонстрировавшей сюжеты, соответствовавшие высокому статусу погребенного и, в том числе, видимо, данное в память о нем представление с участием гладиаторов. В любом случае, сужение датировки склепа 1841 г. до третьей четверти I в. н. э., по сравнению с той, что предлагал М. И. Ростовцев: вторая половина I–начало II в. (Ростовцев 1913–1914: 375), находит себе подтверждение при анализе ряда деталей его декора. С одной стороны, это чрезвычайная близость представленной в нем трактовки сюжета похищения Керы Плутоном к росписи пантикапейского склепа

---

¹¹ В этой связи отметим находку в Фанагории черепа детеныша леопарда (Добровольская 2009: 116).

Рис. 6. Интерьер помещения в восточном крыле дома Веттиев в Помпеях

Деметры (ср., Там же: табл. LVIII; LXXXIX, 1), датирующейся временем около середины того же столетия,¹² с другой – особенности орнаментальных украшений нижнего яруса двух стен этого погребального сооружения. Изображенные здесь окружности красного и зеленого цветов (рис. 2, 3) (Ашик 1845: 26, 35) невольно заставляют вспомнить об упомянутом Сенекой (4 г. до н. э.–65 г. н. э.) в последние годы его жизни модном увлечении римлян: «Любой сочтет себя убогим бедняком, если стены вокруг не блистают большими драгоценными кругами» (Sen. Ep. mor. ad Luc. LXXXVI, 6 / перевод С. А. Ошерова). Именно такие круги, относящиеся к нижней части декора стен, сохранились в одном из помещений дома Веттиев (рис. 6), расписанного в четвертом (перспективно-орнаментальном) помпейском стиле не позднее конца 60-х гг. I в. н. э. (Коарелли и др. 2002: 303–305).

Подводя итоги, можно с уверенностью сказать, что имевшая определенную специфику практика организации гладиаторских игр в Боспорском царстве так и не получила на его территории широкого распространения. Уже упомянутые светильники с изображением гладиатора-«фракийца» и резные украшения деревянных саркофагов со сценами «охоты» полностью вышли из моды уже в начале II в. н. э. Интересно отметить, что после правления Котиса II (123/4–132/3 гг. н. э.) из титулатуры боспорских царей надолго исчезает такой ее элемент как «пожизненный первосвященник августов». Возможно, как раз к этому времени

¹² Основанием для этого являются находки в склепе стеклянных сосудов: двух ойнохой мастерской Энниона первой половины I в. н. э. и стакана 40–70-х гг. I в. н. э. (Кунина 1997: 273, кат. 110–111; 313, кат. 298).

относится прекращение связанных с большими расходами гладиаторских игр и передача функции отправления императорского культа специально назначенному частному лицу, освобожденному от всех налогов, взимаемых в царстве, с правом закрепления этого звания и привилегий за его потомками (КБН: 1050). Вновь упоминание о царе, как «пожизненном первосвященнике августов», появляется только в надписи 216 г. на постаменте статуи Рескупорида II (КБН: 53), когда гладиаторские бои на Боспоре уже давно ушли в прошлое. Таким образом, кровавые зрелища остались чуждыми основной массе местного населения и, видимо, периодически, да и то недолгое время, проводились только там, где существовали храмы, связанные с культом римских императоров, или временно размещались подразделения римской армии.

- Афанасьева и др. 1976 – *Афанасьева В., Луконин В., Померанцева Н.* Искусство Древнего Востока. М., 1976.
- Ашик 1845 – *Ашик А. Б.* Керченские древности. О Пантикапейской катакомбе, украшенной фресками. Одесса, 1845.
- Блаватский 1985 – *Блаватский В. Д.* О культе римских императоров на Боспоре // *Античная археология и история.* М., 1985. С. 191–195.
- Брабич, Плетнева 1971 – *Брабич В. М., Плетнева Г. С.* Зрелища древнего мира. Л., 1971.
- Вальдгауэр 1914 – *Вальдгауэр О. Ф.* Античные глиняные светильники. СПб., 1914.
- Виноградов, Горончаровский 2009 – *Виноградов Ю. А., Горончаровский В. А.* Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н. э.–середина III в. н. э.). СПб., 2009.
- Гайдукевич 1949 – *Гайдукевич В. Ф.* Боспорское царство. М.; Л., 1949.
- Добровольская 2009 – *Добровольская Е. В.* Археозоологические исследования Фанагории (2005–2008 гг.) // *БЧ.* 2009. Вып. 10. С. 113–118.
- Домбровский 1960 – *Домбровский О. И.* Античный театр в Херсонесе // *Сообщения Херсонесского музея.* Севастополь, 1960. № 1. С. 29–36.
- Каминский 1982 – *Каминский В. Н.* О конструкции лука и стрел северокавказских аланов // *КСИА.* 1982. № 170. С. 48–51.
- Кашкаров 1931 – *Кашкаров Д. Н.* Дикие животные Туркестана. Ташкент, 1931.
- КБН – Корпус боспорских надписей. М.; Л., 1965.
- Кёне 1849 – *Кёне Б.* Отчет о сочинении А. Б. Ашика, под заглавием «Керченские древности: О Пантикапейской катакомбе» // *Записки Санкт-Петербургского археолого-нумизматического общества.* 1849. № 1. С. 89–124.
- Коарелли и др. 2002 – *Коарелли Ф., Альбентис де Э., Гвидобальди М. П., Пезандо Ф., Вароне А.* Помпеи. М., 2002.
- Кругликова 1975 – *Кругликова И. Т.* Сельское хозяйство Боспора. М., 1975.
- Кунина 1997 – *Кунина Н. З.* Античное стекло в собрании Эрмитажа. СПб., 1997.
- Литвинский 2001 – *Литвинский Б. А.* Храм Окса в Бактрии. М., 2001. Т. 2.
- Литвинский 2002 – *Литвинский Б. А.* Бактрийцы на охоте // *Записки Восточного отделения Русского археологического общества.* СПб., 2002. Т. 1 (26). С. 181–213.
- Носов 2005 – *Носов К. С.* Гладиаторы. СПб., 2005.
- Рим... 1997 – Рим: эхо имперской славы. М., 1997.
- Ростовцев 1913–1914 – *Ростовцев М. И.* Античная декоративная живопись на Юге России. СПб., 1913–1914.
- Сидорова 1965 – *Сидорова Н. А.* Новые открытия в области античного искусства. М., 1965.
- Сидорова, Чубова 1979 – *Сидорова Н. А., Чубова А. П.* Искусство Римской Африки. М., 1979.
- Сокольский 1969 – *Сокольский Н. И.* Античные деревянные саркофаги Северного Причерноморья. М., 1969 (САИ. Вып. Г1-17).

- Цалкин 1960 – *Цалкин В. И.* Домашние и дикие животные Северного Причерноморья в эпоху раннего железа // История скотоводства в Северном Причерноморье. М., 1960. С. 7–109 (МИА. № 53).
- Цветаева 1979 – *Цветаева Г. А.* Боспор и Рим. М., 1979.
- Черненко 1981 – *Черненко Е. В.* Скифские лучники. Киев, 1981.
- Яйленко 1995 – *Яйленко В. П.* Женщины, Афродита и жрица Спартокидов в новых боспорских надписях // Женщина в античном мире. М., 1995. С. 204–272.
- Auget 1994 – *Auget R.* Cruelty and Civilization. The Roman Games. London; New York, 1994.
- Gajdukevič 1971 – *Gajdukevič V. F.* Das Bosporanische Reich. Berlin; Amsterdam, 1971.
- Grant 1995 – *Grant M.* Gladiators. New York, 1995.
- Junkelmann 2000 – *Junkelmann M.* Familia Gladiatoria: The Heroes of Amphitheatre // Gladiators and Caesars. London, 2000.
- Ramsey 1895 – *Ramsey W. M.* The Cities and Bishoprics of Phrygia. Oxford, 1895.
- Robert 1940 – *Robert L.* Les gladiateurs dans l'Orient grec. Paris, 1940.
- Webster 1969 – *Webster T. B.* Everyday Life in Classical Athens. London, 1969.

ПАНТИКАПЕЙСКИЕ ИНДИКАЦИИ

Ю. П. Калашиник

Весь массив золотых вещей, найденных в погребениях некрополя Пантикапея, явственно делится на две части. Одну из них составляют предметы, некогда бывшие в употреблении в реальной жизни, в том числе перешедшие к умершим по наследству: украшения, отделанные золотом предметы вооружения, бытовые вещи, детали конской упряжи и пр. Другую же часть составляют предметы, предназначенные специально для погребения, они часто изготовлены из тонкого золотого листа. Это украшения гробов, венчики, ленты со штампованными изображениями. Наряду с ними во множестве встречаются заменители настоящих вещей: простые проволочные серьги, непрочные ожерелья с подвесками из тонких золотых кружочков, так называемые псевдопряжки, очень похожие на настоящие, но вырезанные из золотого листа, часто тонкого, как фольга. Все это имущество, как правило, не представляет художественной ценности; исключение составляют, пожалуй, только некоторые из венков, да и то не в силу технического совершенства – делались-то они как раз для разового употребления, поэтому не слишком тщательно – впечатление производит масса излучающих золотистое свечение листьев.

Среди этого материала, изготовленного *ad hoc* к погребению, находится большое количество так называемых индикаций, представляющих собой чаще всего оттиски монет. Их названия: индикация, оттиск, иногда брактеат (от лат. *bractea*, тонкий металлический листок, чаще всего золотой; это же слово переводится и как мишура – подходящее обозначение для всего упомянутого материала). Обычно брактеатами называли золотые кружки, гладкие либо украшенные каким-либо тисненым узором (см., напр., Marshall 1911: 365–368, pl. LXIX–LXX). В нумизматике брактеаты – средневековые монеты, чеканившиеся на одной стороне тонких серебряных кружков. В английской литературе индикации обычно называют «ghost money», в немецкой – «Pseudomünzen», «Ersatzgeld». В данном обзоре я пользуюсь, кроме термина «индикация», словом «оттиск». В Эрмитаже под шифрами «П» и «Пан» хранится 110 оттисков из некрополя Пантикапея, в том числе 5 венков с оттисками монет на ленте – основе венка. В ряде случаев судить о наличии венка можно по сочетанию в одном погребении золотых листьев и индикации. М. И. Ростовцев, вслед за Л. Стефани, считал индикации частями погребальных венков (ОАК за 1875 г.: 29 сл.; Ростовцев 1913–1914: 209, примеч. 1).

Индикация выступает как обозначение монеты, замена полновесной монеты ее легким, тонким, почти невесомым подобием. Такова, к примеру, двойная индикация – оттиск обеих сторон статера Лисимаха (рис. 1, 1) весом в 1,65 г (ГЭ, инв. № П.1846.56; оттиск реверса см. ДБК: табл. LXXXV, 9; ОАК за 1875 г.: 29, № 51–52, табл. II, 8), она в пять раз легче настоящего статера (например, статер Лисимаха из кургана Ак-Бурун весит 8,34 г). Но очень часто, наоборот, посредством оттиска медную монету как бы воспроизводили в золоте, иногда ради изображения на ней, иногда для придания большей значимости этой части обряда или для обозначения статуса умершего. В некоторых случаях рельеф монеты оттискивался в центре полосы золота, служившей основой венка – венки с оттиском монеты

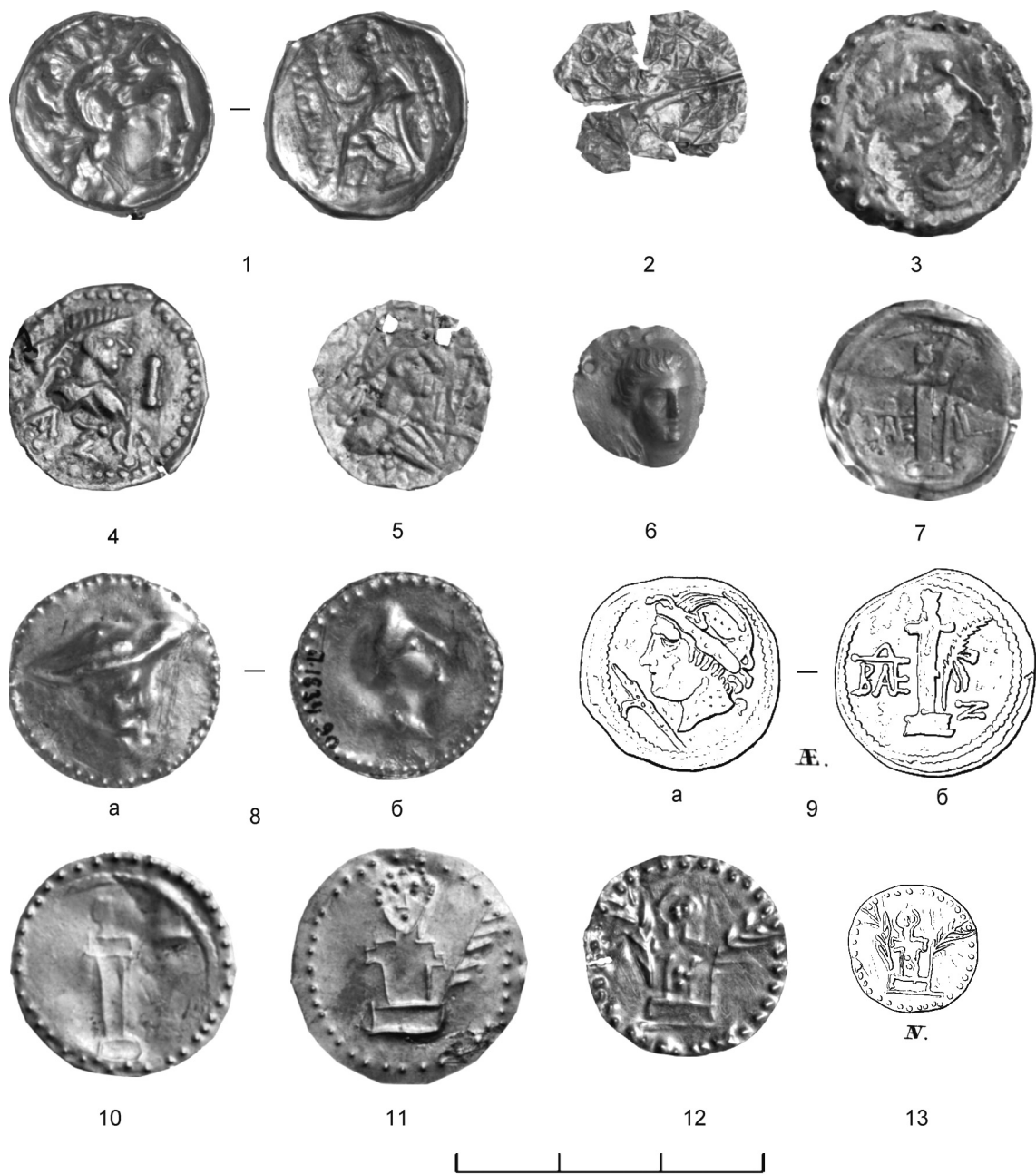

Рис. 1

Марка Аврелия 172 г. (рис. 2, 1; ГЭ, инв. № П.1841.41; см. ДБК: табл. III, 1; ОАК за 1875 г.: 20). Эта монета датирована 27-м сроком трибунской власти Марка Аврелия (Cagnat 1914: 201). Имеется также аналогичный венок с оттиском монеты Коммода (ГЭ, инв. № П.1842.18; см. ДБК: табл. IV, 1; ОАК за 1875 г.: 20). Возможно, профиль императора на ленте усиливал звучание героической темы венка. Подобным же образом центральную часть венка иногда украшало изображение Медузы (рис. 2, 5; ГЭ, инв. № П.1841.43; ДБК: табл. III, 2; П.1862.77; ОАК за 1875 г.: 24), что позволяет говорить и об определенной декоративной, а применительно к голове Медузы – и об апотропеической роли оттисков на таких венках.¹ К этому роду использования денежных знаков можно отнести, в частности, полоски золота, украшенные оттиснутыми на них рельефами монет. Так, в могиле на Глинище, кроме двух индикаций – оттисков лицевой и оборотной сторон монеты императора Галлиена (рис. 1, 2; ГЭ, инв. № П.1874.83, П.1874.82; см. ОАК за 1875 г.: табл. II, 3 и 2), была найдена полоска золота длиной 7,8 см с тремя оттисками реверса другой монеты Галлиена (ГЭ, инв. № П.1874.81; см. ОАК за 1875 г.: 26, № 18, табл. II, 4). На основании сравнения с еще одной находкой подобных орнаментированных золотых полос (ГЭ, инв. № П.1877.48) Л. Стефани предположил, что речь идет об обивке гроба (ОАК за 1878–1879 гг.: 35, 39, рис. 9).

Этот же автор, публикуя золотые венки с центральными украшениями в виде рельефных пластинок, индикаций, медальонов с каменными вставками, так называемые *προμητολίδια*, сделал и обзор известных к тому времени индикаций, так как некоторые венки были снабжены ими, а отдельно найденные индикации часто сопровождалась листьями погребальных венков, некогда пришитых к текстильной основе; при этом оттиском украшалась центральная часть такой повязки (см., напр., ОАК за 1875 г.: 27, № 20). Впрочем, наличие в одном комплексе индикации и листьев не всегда означает, что индикацией украшался венок. В одном из погребений, открытых В. В. Шкорпилом, на дне могилы лежали кусочки листового золота, а индикация находилась в ногах погребенного (Шкорпил 1904: 139; см. ГЭ, инв. № П.1902.101). Большая часть индикаций не имеет отверстий, их, скорее всего, как и монеты, просто помещали в могилу; но, по-видимому, их можно было чем-то приклеивать к текстильной основе венка либо пришивать ниткой через верх. Индикация с оттиском монеты парфянского царя Фраата III (рис. 2, 6б; ГЭ, инв. № П.1873.120; см. ОАК за 1875 г.: 22, № 13) с полным основанием изображена на рисунке у Л. Стефани в центре венка (рис. 2, 6а), найденного в той же гробнице, хотя венок и оттиск всегда имели разные номера и хранились раздельно (ОАК за 1875 г.: 23).

Краткая характеристика индикаций содержится в работе Э. Миннза (Minns 1913: 602). Группе индикаций с изображением гермы уделил внимание и М. И. Ростовцев, перечисляя находки из катакомбы 1895 г., т. е. из склепа Деметры (Ростовцев 1913–1914: 209; 1925:

¹ Подобные венки см. ГЭ, инв. № П.1862.77 (ОАК за 1875 г.: 24), № П.1907.60.

Рис. 1. 1 – двойной оттиск монеты Лисимаха (ГЭ, инв. № П.1846.56); 2 – оттиск монеты Галлиена (ГЭ, инв. № П.1874.82); 3 – оттиск пантикапейской монеты с головой безбородого сатира (ГЭ, инв. № П.1876.96); 4 – оттиск монеты Рескупорида V (ГЭ, инв. № П.1882.13); 5 – оттиск монеты Фофорса (ГЭ, инв. № П.1902.78); 6 – литой кружок с рельефным изображением женской головы (ГЭ, инв. № П.1840.33); 7 – оттиск оборотной стороны монеты с гермой (ГЭ, инв. № П.1863.22); 8 – двойная индикация: а – голова Гермеса, б – женская голова (ГЭ, инв. № П.1834.90); 9 – боспорская медная монета: а – голова Персея, б – герма, ветвь и монограмма ВАЕ (по ДБК); 10 – оттиск монеты с дополнительно обведенным контуром гермы (ГЭ, инв. № Пан.1179); 11 – индикация с гермой и ветвью, прочерченными от руки (ГЭ, инв. № П.1896.74, Пан.1180); 12 – индикация с гермой и двумя ветвями (ГЭ, инв. № П.1862.35); 13 – та же индикация (по ДБК)

Рис. 2

226 сл.). Как справедливо отметил Л. Стефани, помещение оттиска монеты в центральную часть венка сходно с украшением венка цветным камнем в оправе. По его наблюдениям, на Боспоре древнейший из венков с медальоном в центре относится, судя по найденной вместе с таким венком монете Лисимаха, к началу III в. до н. э. (ОАК за 1875 г.: 19). К этому же времени принадлежит, по-видимому, и одна из наиболее ранних индикаций – уже упоминавшийся двойной оттиск, снятый с обеих сторон статера Лисимаха (рис. 1, 1). Другой пример ранней индикации (насколько можно судить о монете по ее оттиску) – оттиск пантикапейской монеты с головой безбородого сатира (рис. 1, 3; ГЭ, инв. № П.1876.96; см. ОАК за 1876 г.: XXXVI).

Во многих случаях в комплексах с индикациями не было листьев венков, иногда же в одном комплексе оказывалось более одной индикации. В частности, в катакомбе № 55 (раскопки на горе Митридат 1862 г.) при одном костяке оказались две золотые трубочки, по всей видимости, наконечники от завязок одного венка, сделанного, по-видимому, из живых листьев, и 3 индикации. В земляной гробнице № 88 (раскопки 1863 г.) было 6 индикаций без признаков золотого венка. Рискну предположить, что в Причерноморье, где тесно соприкасались народы, находившиеся на разных ступенях общественного развития, в погребальных обычаях греков могли в какой-то мере проявляться представления, свойственные их собственной глубокой старине.² Возможно, поэтому в отношении помещаемых в могилу монет возникали реминисценции древних обычаев в духе предположения Э. Роде о символическом замещении монетой реального имущества, принадлежавшего человеку при жизни, которое в глубокой древности хоронили вместе с умершим владельцем (Rohde 1907: 307, Anm. 3; см. также: Grindler-Hansen 1991: 215). Таким образом, монета (или ее оттиск) служила символическим выкупом наследуемого имущества. Наряду с этим частота упоминаний Харона древними авторами, наличие монет и их оттисков в некрополях римского времени и устойчивое выражение «обол Харона» в литературе заставляют учитывать и роль этого персонажа в погребальном обряде.

Широко распространенная практика класть в могилу индикацию или монету обычно объясняется как плата Харону за перевоз в подземное царство (греч. *ναῦλον, πορθμεῖον*, лат. *viaticum*; нем. «Charonsgroschen», «Fährgeld»). Сумма, предназначавшаяся мрачному перевозчику, не была точно определена, хотя, если следовать тексту «Разговоров в царстве мертвых» Лукиана (строка 22), речь должна идти об одной монете. Правда, при анализе этого вопроса исследователи обычно приводят известное место из «Лягушек» Аристофана (строка 140), где Геракл, побывавший в свое время в царстве мертвых, называет Дионису, отправляющемуся в Аид, плату в два обولا за перевоз (см. Kurtz, Boardman 1985: 249),³ что комически усиливается следующим эпизодом той же комедии. В нем Дионис и его раб

² Ср. замечание В. Ф. Гайдукевича о мотиве обращения строителей боспорских уступчатых склепов к древним эгейским образцам (Gajdukevič 1971: 281).

³ Возможно, два обولا – понятный зрителям намек на высокий уровень инфляции в Афинах в конце V в. до н. э. (см. Stevens 1991: 216).

Рис. 2. 1 – погребальный венок с оттиском монеты Марка Аврелия (ГЭ, инв. № П.1841.41); 2 – золотой кружок с врезанным на обеих сторонах изображением кадудея (ГЭ, инв. № П.1863.31); 3 – золотая монета с изображением только на одной стороне (по ДБК); 4 – индикация с рисунком, нанесенным от руки (ГЭ, инв. № П.1879.22); 5 – погребальный венок с изображением головы Медузы (ГЭ, инв. № П.1841.43); 6а и 6б – погребальный венок и оттиск монеты Фраата III (ГЭ, инв. № П.1873.120); 7а и 7б – резной скарабеоид из кургана на гряде Юз-Оба и его оттиск (ГЭ, инв. № ЮО.7). Масштабы: А – для венков; Б – для остальных вещей

случайно оказываются рядом с похоронной процессией. Несомый на кладбище покойник, приподнявшись на носилках, вызывается доставить попутно их поклажу, заломив за услугу немислимую цену в две драхмы. Переправившись в конце концов в Аид, Дионис заплатил Харону по его требованию два обола (строка 170).

Упоминаний о Хароне нет ни у Гомера, ни вообще у ранних авторов. Нет и удовлетворительной этимологии его имени; Диодор Сицилийский вообще считал его египетским (Diod. I. 92, 2). По предположению У. Виламовица-Меллендорфа, имя *Χάρων* происходит от «*χαρολόος*», «с горящим взглядом» (RE III: 2176). Павсаний описывает картину Полигнота в леске книдян в Дельфах, изображающую сошествие Одиссея в Аид, при этом в описании фигурирует старик Харон. Павсаний приводит строфу из поэмы «Миниада», считая, что художник следовал ей (Paus. X. 28, 1). В настоящее время предполагается, что поэма, содержащая древнейшее упоминание о Хароне, написана около середины VI в. до н. э. (LIMC, t. III.1: 218). Первое известное нам изображение загробного перевозчика относится к концу VI в. до н. э. – это чернофигурный рисунок на глиняном алтарике для возлияний на могиле (Furtwängler 1905: 191–202; LIMC, t. III.1: 212). На протяжении V в. до н. э. изображения Харона часто воспроизводились на белофонных лекифах. Примечательно, что сфера использования и алтарика, и лекифов – обряды, связанные с почитанием афинянами умерших, а распространенность обычая сопровождать покойника монетой для Харона свидетельствует об укорененности в народных верованиях представлений о водах, отделяющих мир живых от мира мертвых,⁴ а также и о перевозчике, доставляющем души умерших в Аид.

До Аристофана в V в. до н. э. упоминания о Хароне встречаются у Эсхила и у Еврипида. Именно под воздействием великой литературы это, по всей видимости, маргинальное представление о седом старике-лодочнике, перевозящем души через роковые воды, всплыло из глубин народных верований и закрепилось в изобразительном искусстве и у позднейших греческих и римских авторов. Наблюдения над представлениями о Хароне у этрусков и у греков Южной Италии позволяют предполагать какие-то «северные корни этого персонажа» (Daremberg, Saglio 1896: 1099). В эпических сказаниях индоевропейских народов, языки которых относятся к группе *kentum* (греки, римляне, кельты, германцы), упоминаются персонажи, перевозящие души через воду в царство мертвых, общей чертой облика которых были седые волосы и борода, как и у Харона. Такой перевозчик всегда характеризуется как старик (Lincoln 1980: 41 sqq., 46, 59). Э. Роде, сомневаясь в «догматической прочности» представлений о Хароне, никак не связанном с другими мифологическими персонажами, считал, что их источником были народные верования, дожившие, хотя и в измененном виде, до наших дней. Отметив, что практика снабжать покойника монетой, естественно, не древнее времени появления у греков денег, Э. Роде предположил, что этот обычай является пережитком распространенного в древних обществах правила хоронить умершего вместе со всем его имуществом, т. е. воплощением известного принципа *pars pro toto*: «обол, возможно, был мельчайшей, символической частью того имущества, которым владел умерший при жизни и которое в глубокой древности целиком хоронилось вместе с ним» (Rohde 1907: 306–307, Anm. 3).⁵ Впоследствии, когда первоначальное значение обычая было забыто, помещение монеты в могилу было переосмыслено как плата за перевоз души (Kurtz, Boardman 1985: 193, Anm. 57a). Правда, установление связи этого явления с древними обычаями затрудняется тем обстоятельством, что среди инвентаря погребений «домонетного» периода нет таких предметов, которые можно было бы определенно связать

⁴ Так было, в частности, у минойцев (см. Андреев 2002: 428, 445, 482).

⁵ В современном греческом фольклоре *Charontas* или *Charos* – черная птица, налетающая на свою жертву, душу умершего, или всадник, угоняющий по воздуху сонмы душ (Roscher 1884–1886: 885).

ни с платой Харону (Parise 1995: 178–184; APh, t. 66: 678, no. 8628), ни с «выкупом» имущества погребенного. Практика класть в могилу монету распространилась в то время, когда погребальный обряд у греков уже лишился какой-либо пышности, а скромность похорон предписывалась специальными законами. Тот факт, что на протяжении всей античной эпохи монета клалась далеко не в каждую могилу, а с другой стороны, зачастую монет было несколько и находили их в различных местах гробницы, свидетельствует, скорее всего, о многозначности применения монет в погребальном обряде (Grinder-Hansen 1991: 207 ff.; ср.: Thüry 1999: 17–30).⁶

Обычай снабжать покойника монетой для оплаты перевоза соблюдался не везде. Так, в местностях, считавшихся расположенными недалеко от входа в Аид, как, например, город Гермiona (Strab. VIII. 6, 12), платы вообще не требовалось (Rohde 1907: 214, Anm. 2).⁷ Раскопки некрополей также показывают, что этот обычай не был всеобщим. Среди греческих земель, где в могилах часто встречаются монеты и их оттиски, Д. С. Курц и Дж. Бордмен называют Сицилию и Южную Италию; позднее их много находили в некрополях Сикиона, Афин, Мегалополя (Kurtz, Boardman 1985: 250). В северном некрополе Коринфа были открыты как будто древнейшие в Греции погребения с монетами, относящиеся к V в. до н. э. (Stevens 1991: 223).⁸ В Олинфе монета была найдена в могиле IV в. до н. э. (Kurtz, Boardman 1985: 241). В могилах афинских некрополей монеты и их оттиски впервые появляются в эпоху эллинизма (Ibid.: 193, Abb. 57a). Сам обычай платить Харону Аристофан в «Лягушках» назвал древним, отнеся его к установленным Тесеем в Афинах (стр. 140). Возможно, правда, что в этой ссылке на древнего законодателя содержится иронический намек на денежные раздачи малоимущим афинянам.

Обычай класть монету в могилу был известен и в городах Северного Причерноморья, причем наиболее ранние примеры дает некрополь Ольвии: в девяти ольвийских могилах последней трети VI–начала V в. до н. э. были найдены монеты-дельфинчики (Скуднова 1988: 31).⁹ В Пантикапее монеты в могилах известны с середины IV в. до н. э. (Цветаева 1951: 71; Кастанаян 1959: 278; см. также: Капошина 1959: 123).

Заменяющие монету оттиски, как уже было сказано, появляются в пантикапейских комплексах III в. до н. э. (см. упомянутый выше двойной оттиск статера Лисимаха; рис. 1, 1). Встречаются оттиски монет различных правителей эллинистической эпохи, боспорских царей. Особенно многочисленны оттиски монет III в. н. э. – например, Рескупорида V (рис. 1, 4; ГЭ, инв. № П.1882.13), Фофорса (рис. 1, 5; ГЭ, инв. № П.1902.78), римских императоров,

⁶ Г. Е. Тюри делает вывод о разных функциях денег в могилах в римскую эпоху: пособие умершему, приношение или клад, спрятанный в могиле; одна же монета, положенная в рот умершему, считается оболон Харона (см. APh, t. 70: 975, no. 10014). С. Т. Стивенс, автор статьи о роли монет в погребальной практике, обратив внимание на разнообразие способов помещения монеты в могилу (монета во рту, в руке, монеты россыпью, в сосуде), пришла к выводу о религиозно-магической роли монеты в погребальном обряде, выступающей «осознаваемым символом абстрактной силы денег» (Stevens 1991: 225, 227 f.). Кажется, это пример того, как в работе о прошлом отражаются заботы нынешнего дня, хотя, конечно, древние не могли пройти мимо вопроса о роли денег в этом мире.

⁷ В этом городе отправлялись культы ряда подземных богов, а вблизи него находился овраг, через который Геракл вывел из Аида Кербера (Paus. II. 35, 10). Известны входы в Аид и вблизи некоторых других городов (Rohde 1907: 214, Anm. 2).

⁸ В северном некрополе Коринфа найдено 96 монет в 16 могилах, древнейшая из которых принадлежит третьей четверти V в. до н. э. Из них только две монеты римской эпохи были найдены близко от головы скелета, и можно предположить, что они были вложены в рот покойника (Blegen, Palmer, Young 1964: 83 f.).

⁹ Как и в Коринфе, монеты находились в различных местах могил, в том числе две – в насыпи, а в двух случаях – у одной из рук.

в частности, Августа (ГЭ, инв. № П.1894.3), Марка Аврелия (рис. 2, 1; ГЭ, инв. № П.1841.41), Коммода, Валериана, Галлиена, Диоклетиана (ГЭ, инв. № П.1882.11), ряда императоров IV в. В общем, этот обычай даже выходит за пределы античной эпохи (в нашем собрании есть оттиск монеты Юстиниана I; ГЭ, инв. № Пан.59), что свидетельствует о длительном сохранении пережитков язычества. К индикациям, вернее, к соблюдению обычая класть в могилу монету или ее подобие, Л. Стефани отнес своеобразный тяжелый (2,1 г) литой кружок с рельефом на одной стороне (женская голова в $\frac{3}{4}$), похожий на монету, но таковой не являющийся (рис. 1, 6; ГЭ, инв. № П.1840.33; см. ДБК: табл. XXII, 27; ОАК за 1875 г.: 30), происходящий, из эллинистического, судя по виду найденного вместе с ним золотого венка, погребения. Возможно, такая демонстрация благосостояния – частный случай следования обычаю, исполненный изобретательного тщеславия. Другой пример «обогащения» обола Харона – двойная индикация с оттисками головы Гермеса в петасе на одной стороне (рис. 1, 8а) и женской головы – на другой (рис. 1, 8б; ГЭ, инв. № П.1834.90; см. ДБК: табл. LXXXV, 19), найденная вместе с венком вида, обычного для IV–III вв. до н. э. Точечный ободок – черта, характерная в это время не для монет, а для бляшек, изготовлявшихся, скорее всего, теми же руками, что и индикации.

Огромное большинство индикаций относится к первым векам новой эры; среди них особенно многочисленны оттиски оборотной стороны медных монет с гермой, пальмовой ветвью, монограммой ВАЕ и цифровым обозначением Z (=7). На аверсе этих монет изображалась голова Персея, но оттискивалась всегда только оборотная сторона (рис. 1, 9; см. ДБК: табл. LXXXV, 16; Gajdukevič 1971: Taf. IV, 65). Здесь мы имеем дело с золотыми оттисками, снятыми с медной монеты, что, несомненно, повышало ценность этой детали обряда в глазах окружающих. Таких оттисков в нашем собрании насчитывается 30 экз. Любопытным представляется постоянство выбора сюжета для оттиска – это оборотная сторона монет, чеканившихся в течение короткого времени (рис. 1, 7; ГЭ, инв. № П.1863.22). В одном случае на нечетком монетном оттиске изображение гермы дополнительно обведено по контуру от руки (рис. 1, 10; ГЭ, инв. № Пан.1179). Кроме того, 14 индикаций с гермой и одной или двумя ветвями – не оттиски, а рисунки, повторяющие в основных чертах реверс этих монет (рис. 1, 11; ГЭ, инв. № П.1896.74, Пан.1180). Они безыскусно прочерчены от руки на тонких золотых кружочках каким-то острым инструментом, при этом такие детали монетного изображения, как монограмма и цифра, никогда не воспроизводились. Для авторов рисунков важны были герма и ветвь. Иногда для равновесия композиции ветви изображались по обеим сторонам от гермы (рис. 1, 12; ГЭ, инв. № П.1862.35). Впрочем, представление о монетной природе таких индикаций сохранялось: известна одна двойная индикация с прочерченным от руки рисунком гермы и двух ветвей на одной стороне и каких-то неясных черточек на другой (ГЭ, инв. № П.1902.95).

В отношении атрибуции монет с головой Персея на лицевой стороне и с гермой на оборотной у исследователей нет согласия. М. И. Ростовцев, а затем А. Н. Зограф и В. Ф. Гайдукевич относили их к чеканке неизвестного боспорского правителя около рубежа новой эры (Ростовцев 1913–1914: 209, примеч. 4; Зограф 1951: 196; Gajdukevič 1971: 528, Taf. IV, 65).¹⁰ Все оттиски этих монет найдены в комплексах с материалом I в. н. э. Исключение, казалось бы, составляет индикация, изданная в ДБК как происходящая из погребения с золотой маской (рис. 1, 13; ДБК: табл. LXXXV, 17), но в перечислении предметов, найденных в этой гробнице и присланном вместе с находками, дано описание, не соответствующее

¹⁰ Э. Миннс склонялся к мнению А. В. Орешникова, приписывавшего монеты с монограммой ВАЕ чеканке Митридата VIII (Minns 1913: 603; Reinach 1892: 129, pl. LXXXV, 17). М. И. Ростовцев относил эту индикацию к III в. н. э. (Ростовцев 1913–1914: 209, примеч. 1).

аннотации в ДБК: «монета, представляющая с одной только стороны обнаженную фигуру, держащую в левой руке ветвь, а в правой венки над горящим алтарем».¹¹ В описи указан и ее вес – 2 золотника, для оттиска совершенно немыслимый (1 золотник = 4,266 г). Однако в публикации описана и изображена типичная индикация с прочерченным изображением гермы и двух пальмовых ветвей по сторонам. Стоит добавить, что оттиск, изображенный в издании 1854 г. (ДБК), был впоследствии внесен в «Красные описи» (старые инвентарные книги Отдела античного мира ГЭ для археологических поступлений: Т. Iа: 286, № 395d) как часть посылки 1862 г. из Керчи (см. рис. 1, 12; ГЭ, инв. № П.1862.35). Зато с описанием А. Б. Ашика полностью совпадает монета без каких-либо указаний на ее происхождение, изображенная на той же таблице (рис. 2, 3; ДБК: табл. LXXXV, 8). Здесь установленными следует считать два факта: 1) индикация ГЭ инв. № П.1862.35 не относится к посылке 1862 г., так как она уже 8 лет назад была опубликована как происходящая из погребения с золотой маской и 2) она не относится к этому погребению, так как не соответствует указанному А. Б. Ашиком весу и описанию.

Самое главное в индикациях этого рода (с гермой и ветвью) – изображение гермы, ради которого на протяжении длительного времени воспроизводился реверс медных монет начала I в. н. э. На мой взгляд, объяснение состоит в том, что в помещении в могилу индикации с изображением гермы соединились две идеи: обычай снабжать покойника монетой и представление о Гермесе – проводнике душ. Эта его функция, как считают, вытекает из первоначального представления о Гермесе как о божестве ветра и основывается на древнем сопоставлении души с дыханием, с ветром (Roscher 1884–1886: 2373). Быстроногий Гермес, покровитель путников на земных дорогах, помогал и душам умерших на путях подземного мира. Эта его функция душеводителя отражена в многочисленных образцах вазописи, среди которых особенно показательны аттические белофонные лекифы V в. до н. э. Понятно, что, будучи олицетворением производительного начала, он, подобно другим богам плодородия, являлся и одной из сил преисподней (Daremberg, Saglio 1896: 1811). На красноречивом надгробном рельефе III в. до н. э. из Аполлонии Иллирийской (рис. 3, 7; LIMC, t. V.2: pl. 249, no. 615 bis.) путь души умершего представлен во всей полноте: в верхнем регистре женщина оплакивает умершего у могилы, в среднем Гермес помогает душе спуститься по лестнице, у подножия которой ее в ладье поджидает Харон.¹² В нижнем регистре мы видим восседающего на троне судью подземного мира и душу, сидящую у ножек его трона в ожидании решения своей участи. Напомню еще об одном памятнике – полихромной вазе первой половины III в. до н. э. из Ольвии (Книпович 1955: 383, рис. 21; Зайцева 1989: 179–180, рис. 1, 4), роспись которой выполнена в духе многочисленных сцен переправы души умершего в Аид на тех белофонных лекифах, где воспроизводилась обстановка печальной тишины поросших камышом берегов, с которых нет возврата — у Апулея это «медленный поток» (Ovid. *Metam.* VI, 19–20).¹³ На одной стороне амфоры представлено прощание матери с ребенком, на другой изображена служанка, подводящая ребенка к лодке, в которой сидит Харон, а между ними – фигура Гермеса (рис. 3, 3).

¹¹ «Список вещам, найденным за Глинищем близ Керчи в гробнице супруги царя Рескупорида, сходно донесению директора Керченского музея от 6 апреля 1837 г. за № 25» (Архив ГЭ, ф. 1, оп. I, 1838 г., д. 9, ч. 1, л. 2). Копия этого рапорта А. Б. Ашика от 6.04.1837 г. (Архив ГЭ, ф. 1, оп. I, 1831 г., д. 19, л. 533).

¹² Этот рельеф опровергает утверждение автора статьи о Хароне в LIMC об отсутствии его изображений на надгробных памятниках.

¹³ Камыши фигурируют в упомянутом описании картины Полигнота (Paus. X. 28. 1). См. также белофонные лекифы последней четверти V в. до н. э., расписанные Мастером Камышей (Kurtz 1975: pl. 47, 1–3; 48, 1).

Рис. 3

Мне представляется, что упоминавшаяся имитация монеты из раннеэллинистического погребения (рис. 1, 8), являясь символической платой за переход в Аид, в то же время отражала участие Гермеса в этом переходе. Женская голова на оборотной стороне этой квазимонеты в таком случае могла означать такой женский коррелят хтонического Гермеса, как, например, фигура Калипсо в росписи склепа 1895 г. (рис. 3, 1 – входная стена склепа; см. Ростовцев 1913–1914: 202 сл., табл. LIX, 2–3).¹⁴ Обращением к Гермесу Психопомпу, на мой взгляд, служил и лежавший в одном погребении некрополя Пантикапея на черепе умершего массивный (4,2 г) кружок с глубоко врезанным на обеих его сторонах изображением кадуцея (рис. 2, 2; ГЭ, инв. № П.1863.31),¹⁵ найденный с вещами первой половины I в. н. э. Изображение гермы либо кадуцея служило, по-видимому, знаком обращения к Гермесу в его хтонической ипостаси, что вполне соотносится с погребальным назначением индикаций.

О популярности представления о Гермесе Психопомпе на Боспоре можно судить по его изображениям на пантикапейских погребальных памятниках I–II вв. – рельефах (рис. 3, 2; см., напр., Kieseritzky, Watzinger 1909: Taf. XVIII, 263; ОАК за 1909–1910 гг.: 126, рис. 186) и в росписях склепов, о чем отчасти уже сказано выше (Ростовцев 1913–1914: табл. LI, 2 [склеп Анфестерия Гегесиппова]; табл. LVI, 1, LIX, 3 [склеп Деметры]; табл. LXXXVIII [склеп, открытый Ашиком]; Кулаковский 1896: табл. III [склеп Сорака]). Грубое изображение гермы в росписи склепа 1897 г. (Ростовцев 1913–1914: 411) могло служить обозначением могилы, так как герма иногда устанавливалась у гробницы. Так, Павсаний отметил, что около могилы Сивиллы в Троаде «стоит Гермес в виде четырехугольной колонны <с головой бога>» (Paus. X. 12, 6).¹⁶ Косвенным свидетельством использования герм в оформлении надгробных памятников может служить запрещение устанавливать их на могилах, известное по закону Солона против пышности памятников, сохранившемуся по пересказу в диалоге Цицерона «О законах» (Cic. II. 26. 65).

М. И. Ростовцев, объясняя смысл пантикапейских росписей, приводит ряд рельефов римских саркофагов со сценами увода из преисподней Гермесом Персефоны и Эвридики, а Гераклом – Алкестиды (Ростовцев 1913–1914: 361). Эти примеры свидетельствуют о распространенности веры в помощь, оказываемую Гермесом в потустороннем мире. Они подавали надежду и на возможный выход оттуда. Вывод души из Аида, как писал М. И. Ростовцев, свидетельствует, согласно орфическим представлениям, о ее бессмертии (Там же: 361). Здесь речь не идет, конечно, об орфизме на Боспоре в чистом виде, хотя его

¹⁴ М. И. Ростовцев, помимо нее, называет целый ряд имен (Ростовцев 1913–1914: 224 сл.), среди которых хтоническая Ἀγαθή Τύχη – она, наряду с хтоническим Ἀγαθός Δαίμων, изображена в росписи керченского склепа, открытого в 1891 г. (Ростовцев 1913–1914: табл. LII).

¹⁵ Кадуцей изображался на реверсе одной группы монет, чеканившихся на Боспоре около рубежа эр (Зограф 1951: табл. XLV, 11).

¹⁶ Вероятно, для обеспечения помощи душе умершего в пантикапейской могиле V в. до н. э. была положена терракотовая герма Гермеса (Ходза 2008: 249). Известны находки подобных герм местной работы и в пантикапейских погребениях эллинистической эпохи. Е. Н. Ходза считает их гермами Диониса (но ср.: Силантьева 1974: 30 сл., табл. 35, 1–3).

Рис. 3. 1 – входная стена керченского склепа 1895 г. (по Ростовцев 1913–1914); 2 – пантикапейское надгробие (по Kieseritzky, Watzinger 1909); 3 – роспись на амфоре из Ольвии (по К. И. Зайцевой); 4 – костяные обкладки гребня из кургана Куль-Оба (ГЭ, инв. № КО.118); 5 – стенка саркофага: Гермес в приоткрытых дверях (ГЭ, инв. № А.889); 6 – терракотовая голова из Херсонеса (ГЭ, инв. № Х.1891.45); 7 – надгробие с изображением Харона (по Kieseritzky, Watzinger 1909)

влияние на духовную жизнь греков неоспоримо. В начале новой эры, в эпоху духовных исканий, такие представления находили отклик среди людей, сочувственно воспринимавших идеи спасения, бессмертия души, возрождения к новой жизни, – они буквально витали в воздухе. Красноречивый пример таких настроений содержится в «Метаморфозах» Апулея: Психее перед ее сошествием в загробный мир предписано держать во рту две монеты – одну для платы перевозчику через подземную реку на пути в Аид, а вторую для оплаты возвращения в мир людей (Apuł. Metam. VI. 18–19).¹⁷ В этой связи нельзя не упомянуть хранящуюся в Эрмитаже стенку саркофага начала III в., где в дверях Аида, высеченных на лицевой стороне саркофага, показывается Гермес, то ли дожидаясь сопровождаемого, то ли обещающая вывести кого-то обратно, к живым (рис. 3, 5; ГЭ, инв. № А.889; Saverkina 1979: 43, Kat. 16, Taf. 40–41).¹⁸

Таким образом, мне представляется, что индикации с оттисками и прорисовками герм служили в погребальном инвентаре как замещением монеты, так и обозначением присутствия Гермеса Психопомпа, своеобразным обращением к нему. Выступая в погребальном обряде сразу в двух функциях, они отражали представления, связанные с переходом души в иной мир.

Подводя итог наблюдениям над индикациями, следует признать многозначность использования в погребальном обряде как их, так и самих монет. Подобно монетам, их можно, *par excellence*, рассматривать и как «обол Харона», и вместе с тем многие из них – как признание роли Гермеса в посмертной судьбе души. Одновременно оттиски монет могли нести и дополнительную смысловую нагрузку: подкреплять статус героизированного умершего, занимая центральное место в венке, демонстрировать состоятельность семьи, служить замещением, «выкупом» имущества покойника. Разумеется, на практике эти стороны религиозного сознания пантикапейцев проявлялись нерасчлененно, тем более что обозначенные оттенки религиозного чувства воплощались в таких стандартных вещах, как монеты и их подобия.

В 1879 г. С. И. Веребрюсовым в Керчи на горе Митридат против Пирамидального холма была открыта земляная гробница первой половины I в. н. э. В ней, в частности, были найдены терракотовая статуэтка Эрота на дельфине I в. до н. э.–I в. н. э. (ГЭ, инв. № П.1879.20; см. ОАК за 1880 г.: табл. V, 4; Силантьева 1974: 29, № 135), пара золотых серег из изогнутых трубочек, дутый перстень с сердоликом, на котором вырезан рог изобилия (ГЭ, инв. № П.1879.23; см. Garschin von Engelhardt 1927: 245, Abb. 5), камейка на сардониксе с портретом Друза Младшего (ГЭ, инв. № П.1879.24. Garschin von Engelhardt 1927: 239 f., Abb. 1, 2; Неверов 1979: 108, табл. I, 12), стеклянная тарелка (Кунина 1997: кат. 64). Найденная там же индикация, не копирующая монету, а выполненная от руки, привлекает внимание своей несхожестью с грубыми изображениями герм и ветвей. На мой взгляд, в ней проявилось свободное творческое начало и, не побоюсь этого слова, определенное художественное умение, особенно заметное и неожиданное на фоне массы утилитарных ремесленных поделок. На кружочке из золотого листа, совершенно тождественном большинству индикаций, кто-то, возможно, вдохновившись монетным образцом, острым инструментом, подобным булавке или стилю, вычертил профиль бородатого мужчины (рис. 2, 4; ГЭ, инв. № П.1879.22). Выразительная трактовка не вполне правильных черт лица позволяет говорить об определенной индивидуа-

¹⁷ С. Т. Стивенс объясняет этот пассаж как своеобразную инструкцию для возрождения души (Stevens 1991: 218).

¹⁸ Мотив закрытой двери – преграды между живыми и мертвыми – использовался в оформлении ликийских гробниц, этрусских урн и саркофагов (Haarlov 1977: 42). Он был применен строителями гробниц македонских царей в Вергине (Andronicos 1984: III. 57; Borza, Palagia 2007: 88). Изображение на римских саркофагах с начала новой эры приоткрытой дверной створки – свидетельство внимания к возможности выхода из Аида, возрождения к новой жизни (Davies 1978: 226).

лизации изображения и, возможно, даже о попытке выразить горе, что понятно в обстоятельствах, ради которых была изготовлена пластинка. Конечно, за гримасу страдания может быть принята и патетика, свойственная многим портретным изображениям на эллинистических монетах, одна из которых, возможно, послужила образцом для рисовальщика.¹⁹

Считая, таким образом, что в случае с нетипичной индикацией за формальной деталью обряда приоткрылся краешек реальной жизни с проявлением подлинных чувств, рискну напомнить описанный одним из керченских археологов XIX в. случай находки на крышке саркофага засохшего букетика полевых цветов, положенного кем-то из близких умершей, что, конечно, не было просто данью обычаю. находка такой «портретной миниатюры» не может не радовать, как и любое проявление творческого начала на местной почве (речь идет в данном случае о произведениях малых форм), хотя это и редкость – можно привести единичные примеры, разделенные значительными временными интервалами, от поздней классики до развитого эллинизма. Для меня, например, таким проявлением всегда была гравировка на костяных обкладках куль-обского гребня (рис. 3, 4; ГЭ, инв. № КО.118; см. ДБК: табл. LXXIX, 9 и 10; Передольская 1945: 80–82; Грач 1986: 76–82). Наверное, в ее основе лежит какой-то скифский фольклорный мотив, тем более, что в действии участвует заяц, зверек непростой (в особенности в ираноязычном фольклоре). Но в той части гравировки, где конь несется, освободившись от седока, мне видится, если можно сказать, графический парафраз резьбы скарабеоида Дексамена (рис. 2, 7; ГЭ, инв. № ЮО.7; см. *Greeks on the Black Sea 2007: Cat. 155*). Конечно, нельзя сравнивать качество рисунка на этих двух произведениях, но все же... По всей видимости, в культурной среде Боспора было место для развития художественного творчества не одних лишь высокоталантливых пришельцев (Дексамен или великие безымянные творцы произведений греко-скифской торевтики). Можно вспомнить хотя бы свободно вылепленную терракотовую голову из Херсонеса, отличающуюся острой психологической трактовкой (рис. 3, 6; ГЭ, инв. X.1891.45; см. Иванова 1947).²⁰ Можно надеяться на выявление и других памятников местной работы, пусть и не всегда относящихся к произведениям высокого искусства, но отмеченных индивидуальным подходом, позволяющим увидеть новые грани внутреннего мира жителей причерноморских городов.

Анализируя особенности развития искусства в Северном Причерноморье, Т. Н. Книпович (1955) рассмотрела основные группы памятников, составляющих местную художественную среду и пути усвоения обществом приемов античного искусства. По ее мнению, это усвоение шло: 1) через восприятие привозных образцов; 2) через творчество наблюдательных и талантливых приезжих художников, попавших под обаяние незнакомого им прежде мира; 3) через произведения местных мастеров, овладевших художественным языком античного искусства. А был еще и четвертый путь – проявления художественного творчества, не связанные с античной традицией – и все это вместе взятое предстает теперь перед нами как полнокровное и своеобразное культурное явление на дальней окраине античного мира.

¹⁹ Выражение чувств иногда проступает в росписях белофонных лекифов. Я имею в виду не открытую демонстрацию отчаяния, предписанную обычаем, с заламыванием рук и вырыванием волос, как это изображается в сценах *λρβθεσις*. Так, лицо женщины на лекифе Мастера Сабурова из Музея Метрополитен (вторая четверть V в. до н. э.), вопреки экспрессивной жестикуляции, остается бесстрастным (Kurtz 1975: 56, pl. 29, 1). Совсем другую картину дает лекиф Мастера Фиалы из Мюнхена (третья четверть V в. до н. э.), где женщина сидит у памятника с отрешенным взглядом, глубоко поглощенная своим горем (Ibid.: 49, pl. 38, 2). Такой подход к изображению становится более частым в лекифах второй половины V в. до н. э.,

²⁰ А. П. Иванова (1947) датирует терракоту II в. н. э. Более обоснованно, на мой взгляд, относить ее ко II в. до н. э., времени расцвета херсонесской коропластики (Чубова и др. 2008: 55).

- Андреев 2002 – *Андреев Ю. В.* От Евразии к Европе: Крит и Эгейский мир в эпоху бронзы и раннего железа (III–начало II тыс. до н. э.). СПб., 2002.
- Грач 1986 – *Грач Н. Л.* Гребень и ожерелье из кургана Куль-Оба (две реконструкции) // *Античная торефика*. Л., 1986. С. 76–82.
- ДБК – Древности Босфора Киммерийского. СПб., 1854.
- Зайцева 1989 – *Зайцева К. И.* Ольвийская расписная амфора III в. до н. э. // *СА*. 1989. № 1. С. 178–189.
- Зограф 1951 – *Зограф А. Н.* Античные монеты. М., 1951 (МИА. № 16).
- Иванова 1947 – *Иванова А. П.* Голова варвара из Херсонеса // *КСИИМК*. 1947. Вып. 15. С. 63–67.
- Капошина 1959 – *Капошина С. И.* Некрополь в районе поселка им. Войкова // *Некрополи Боспорских городов*. М.; Л., 1959. С. 106–153 (МИА. № 69).
- Кастанаян 1959 – *Кастанаян Е. Г.* Грунтовые некрополи боспорских городов VI–IV вв. до н. э. и местные их особенности // *Там же*. С. 257–295.
- Книпович 1955 – *Книпович Т. Н.* Художественная керамика в городах Северного Причерноморья // *Античные города северного Причерноморья: Очерки истории и культуры*. М.; Л., 1955. Т. 1. С. 356–391.
- Кулаковский 1896 – *Кулаковский Ю. А.* Две керченские катакомбы с фресками. СПб., 1896 (МАР. № 19).
- Кунина 1997 – *Кунина Н. З.* Античное стекло. СПб., 1997.
- Неверов 1979 – *Неверов О. Я.* Итальянские геммы в некрополях северопонтийских городов // *Из истории Северного Причерноморья в античную эпоху*. Л., 1979. С. 104–115.
- ОАК за 1875 г. – Отчет Императорской Археологической комиссии за 1875 г. СПб., 1878.
- ОАК за 1876 г. – Отчет Императорской Археологической комиссии за 1876 г. СПб., 1879.
- ОАК за 1878–1879 гг. – Отчет Императорской Археологической комиссии за 1878–1879 гг. СПб., 1881.
- ОАК за 1880 г. – Отчет Императорской Археологической комиссии за 1880 г. СПб., 1882.
- ОАК за 1909–1910 гг. – Отчет Императорской Археологической комиссии за 1909–1910 гг. СПб., 1913.
- Передольская 1945 – *Передольская А. А.* Слоновая кость из кургана Куль-Оба // *Труды Отдела античного мира ГЭ*. 1945. Т. 1. С. 69–83.
- Ростовцев 1913–1914 – *Ростовцев М. И.* Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1913–1914.
- Ростовцев 1925 – *Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор. Л., 1925.
- Силантьева 1974 – *Силантьева Л. Ф.* Терракоты Пантикапея // *Терракотовые статуэтки*. Ч. 3. Пантикапей. М., 1974. С. 5–37 (САИ. Вып. Г1-11).
- Скуднова 1988 – *Скуднова В. М.* Архаический некрополь Ольвии. Л., 1988.
- Ходза 2008 – *Ходза Е. Н.* Об интерпретации и иконографии греческих герм // *ТГЭ*. 2008. Т. 41. С. 251–260.
- Цветаяева 1951 – *Цветаяева Г. А.* Грунтовой некрополь Пантикапея // *Материалы по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху*. М., 1951. Т. 1. С. 63–86 (МИА. № 19).
- Чубова и др. 2008 – *Чубова А. П., Колесникова Л. Г., Федоров Б. Н.* Архитектура и искусство Херсонеса Таврического V в. до н. э.–IV в. н. э. М., 2008.
- Шкорпил 1904 – *Шкорпил В. В.* Отчет об археологических раскопках в г. Керчи и его окрестностях в 1902 г. // *ИАК*. 1904. Вып. 9. С. 73–177.
- Andronicos 1984 – *Andronicos M.* Vergina. The Royal Tombs and the Ancient City. Athens, 1984.
- Aph – *L'Année philologique. Bibliographie critique et analytique de l'Antiquité gréco-latine fondée par J. Marouzeau*. Paris. Т. 66 – 1997; т. 70 – 2001.
- Blegen, Palmer, Young 1964 – *Blegen C., Palmer H., Young R. S.* The North Cemetery. Corinth. Results of Excavations Conducted by the American School of Classical Studies at Athens. Princeton; New Jersey, 1964. Vol. 13.

- Borza, Palagia 2007 – *Borza E. N., Palagia O.* The Chronology of the Macedonian Royal Tombs at Vergina // *JDI*. 2007. Bd 122. S. 81–126.
- Cagnat 1914 – *Cagnat R.* Cours d'épigraphie latine. Paris, 1914.
- Daremberg, Saglio 1896 – *Daremberg Ch., Saglio E.* Dictionnaire des antiquités grecques et romaines. Paris, 1896. Vol. 3.
- Davies 1978 – *Davies G.* The Door Motif in Roman Funerary Sculpture // Blake H. M. K., Potter T. W., Whitehouse D. B. (eds.). Papers in Italian Archaeology I: The Lancaster Seminar Recent Research in Prehistory. Classical and Mediaeval Archaeology. Part I. Oxford, 1978. P. 203–220 (BAR Supplementary Series. 41 [I]).
- Furtwängler 1905 – *Furtwängler A.* Charon // *Archiv für Religionswissenschaft*. 1905. Bd 8. S. 191–202.
- Gajdukevič 1971 – *Gajdukevič V. F.* Das Bosporanische Reich. Berlin; Amsterdam, 1971.
- Garschin von Engelhardt 1927 – *Garschin von Engelhardt N.* Eine Kertscher Kamee mit dem Bildnis Drusus Jungeren // *JDI*. Berlin; Leipzig, 1927. Bd 41. S. 239–246.
- Greeks on the Black Sea 2007 – *Greeks on the Black Sea: Ancient Art from the Hermitage* / Trofimova A. A. (ed.). Los Angeles: J. Paul Getty Museum, 2007.
- Grinder-Hansen 1991 – *Grinder-Hansen K.* Charon's Fee in Ancient Greece? – Some Remarks on a Well-known Death-Rite // Fisher-Hansen T. et al. (eds.). Recent Danish Research in Classical Archaeology: Tradition and Renewal. Copenhagen, 1991. P. 207–218 (Acta Hyperborea. 3).
- Haarløv 1977 – *Haarløv B.* The Half-Open Door. A Common Symbolic Motif within Roman Sepulchral Sculpture. Odense, 1977 (Odense University Classical Studies. Vol. 10).
- Kieseritzky, Watzinger 1909 – *Kieseritzky G., Watzinger C.* Griechische Grabreliefs aus Südrussland. Berlin, 1909.
- Kurtz 1975 – *Kurtz D. C.* Athenian White Lekythoi: Patterns and Painters. Oxford, 1975.
- Kurtz, Boardman 1985 – *Kurtz D. C., Boardman J.* Thanatos. Tod und Jenseits bei den Griechen. Mainz, 1985.
- LIMC – *Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae*. Zürich; München. T. III.1 – 1986; T. V. 2 – 1990.
- Lincoln 1980 – *Lincoln B.* The Ferryman of the Dead // *The Journal of Indo-European Studies*. 1980. Vol. 8, no. 1. P. 41–60.
- Marshall 1911 – *Marshall F. H.* Catalogue of the Jewellery, Greek, Etruscan, and Roman, in the Departments of Antiquities, British Museum. London, 1911.
- Minns 1913 – *Minns E. H.* Scythians and Greeks. Cambridge, 1913.
- Parise 1995 – *Parise N. F.* «Segni premonetari» ed obolo di Caronte // Caronte: un obolo per l'aldilà. A cura di Renata Cantilena. Napoli, 1995. P. 178–184.
- Reinach 1892 – *Reinach S.* Antiquités du Bosphore Cimmérien. Paris, 1892.
- Rohde 1907 – *Rohde E.* Psyche. Seelencult und Unsterblichkeitsglaube der Griechen. Bd 1. 4. Aufl. Tübingen, 1907.
- Roscher 1884–1886 – *Roscher W. H.* Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie. Leipzig, 1884–1886. Bd 1, 1.
- Saverkina 1979 – *Saverkina I. I.* Römische Sarkophage in der Ermitage. Berlin, 1979.
- Stevens 1991 – *Stevens S. T.* Charon's Obol and Other Coins in Ancient Funerary Practice // *Phoenix*. 1991. Vol. 45, no. 3. P. 215–229.
- Thüry 1999 – *Thüry G. E.* Charon und die Funktionen der Münzen in römischen Gräbern der Kaiserzeit // O. F. Dubuis et al. (eds). Trouvailles monétaires de tombe: actes du 2-e colloque international du Groupe suisse pour l'étude des trouvailles monétaires (Neuchâtel 3–4 mars 1995). Lausanne, 1999. P. 17–30.
- Архив ГЭ, ф. 1, оп. I, 1838 г., д. 9, ч. 1; 1831 г., д. 19.

ЭЛИНИСТИЧЕСКИЙ СКЛЕП НА НЕКРОПОЛЕ КИТЕЯ

В. А. Хриановский

В 1993–2001 гг. на юго-западном участке некрополя Китея, примерно в 200 м к западу от западной крепостной стены города (рис. 1) были открыты и исследованы три больших склепа № 141, 206 и 300, расположенных в непосредственной близости друг от друга. Все они были ориентированы с юга на север (с большими или меньшими отклонениями) и состояли из дромоса, малой камеры (преддверия) и большой погребальной камеры (рис. 2). Стены были сложены насухо из блоков известняка, полы камер (за одним исключением) вымощены плитами. Судя по форме некоторых блоков из заполнения склепов, они могли быть перекрыты полуциркульными сводами. Все они подверглись разрушению и разграблению еще в древности, но вторично были использованы для совершения погребально-поминальных действий в III–IV вв. н. э. Следы этих масштабных действий долго не позволяли с полной

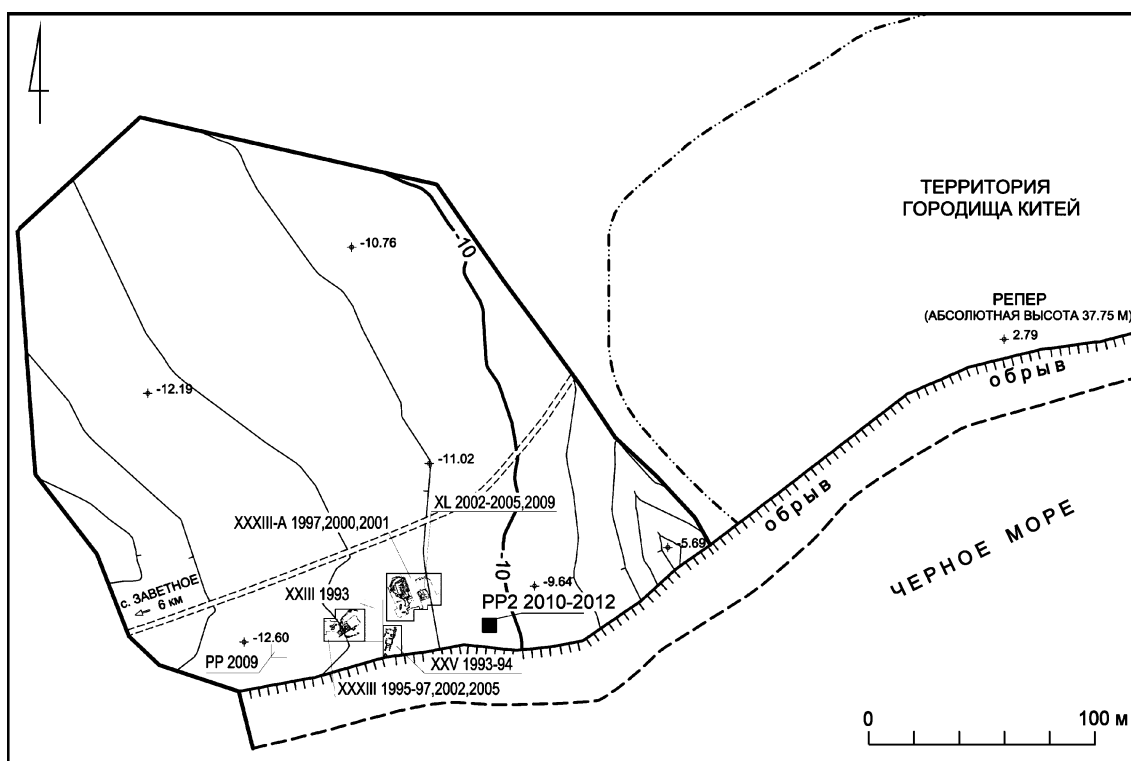

Рис. 1. Некрополь Китея, юго-западный участок, общий план

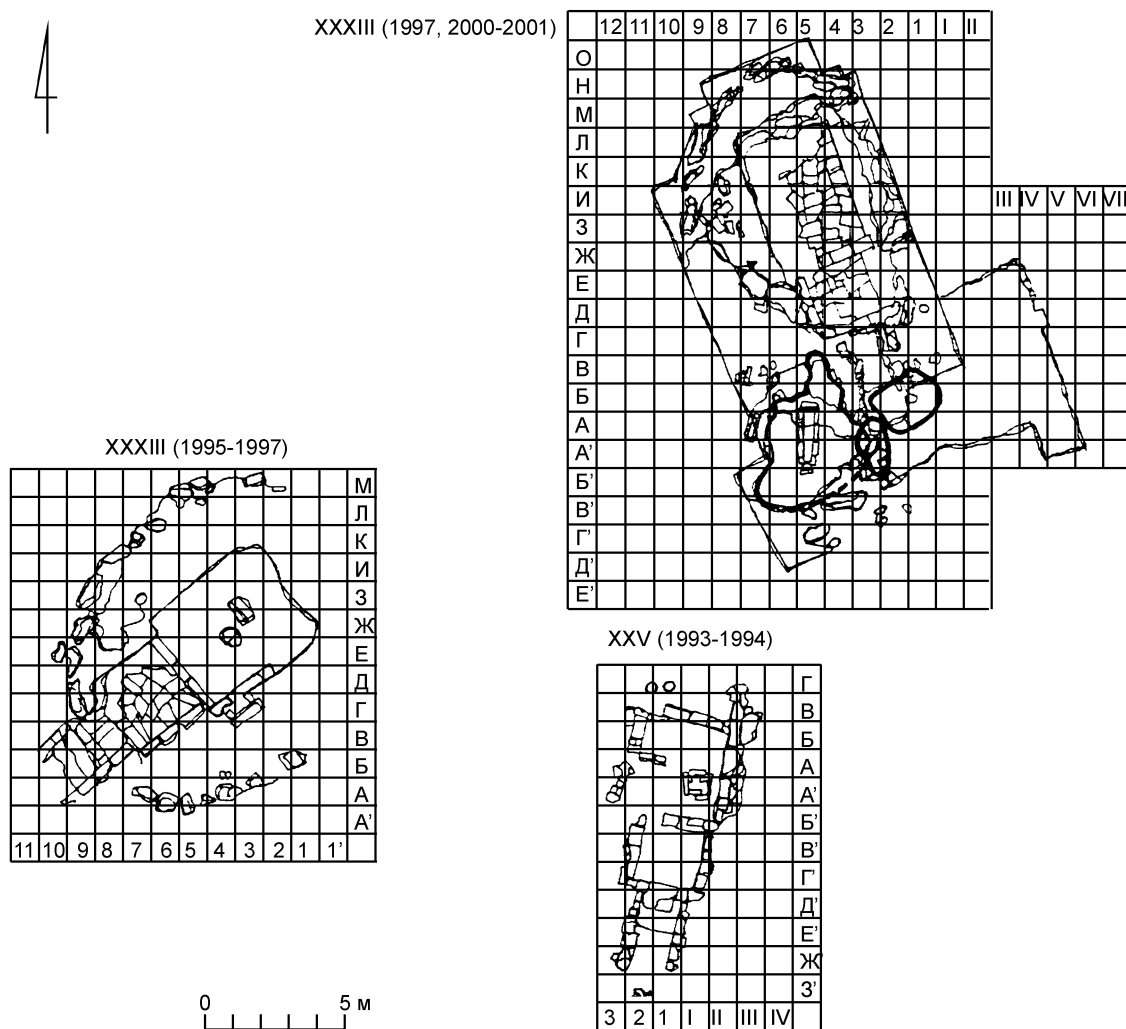

Рис. 2. Некрополь Китея, склепы № 141, 206, 300, схематический план

уверенностью определить время сооружения и первоначального использования склепов. Однако постепенное накопление эллинистического материала и открытие в непосредственной близости четвертого склепа (№ 344) совершенно иной конструкции (вырублен в материковой глине и без перекрытия засыпан грунтом), датруемого по преобладавшему в нем материалу III–IV вв. н. э., позволили с достаточно большой степенью вероятности датировать три первых склепа раннеэллинистическим временем (последней третью IV–началом III в. до н. э.).

Склеп № 141 был обнаружен примерно в 180 м к западу от западной крепостной стены городища при доследовании грабительских шурфов. Склеп состоял из трех помещений: дромоса, подводящего к входному проему; первой камеры (или преддверия) подквадратной формы и второй прямоугольной погребальной камеры гораздо большего размера, вытянутой в меридиональном направлении (рис. 2–3). Общая протяженность склепа от начала дромоса

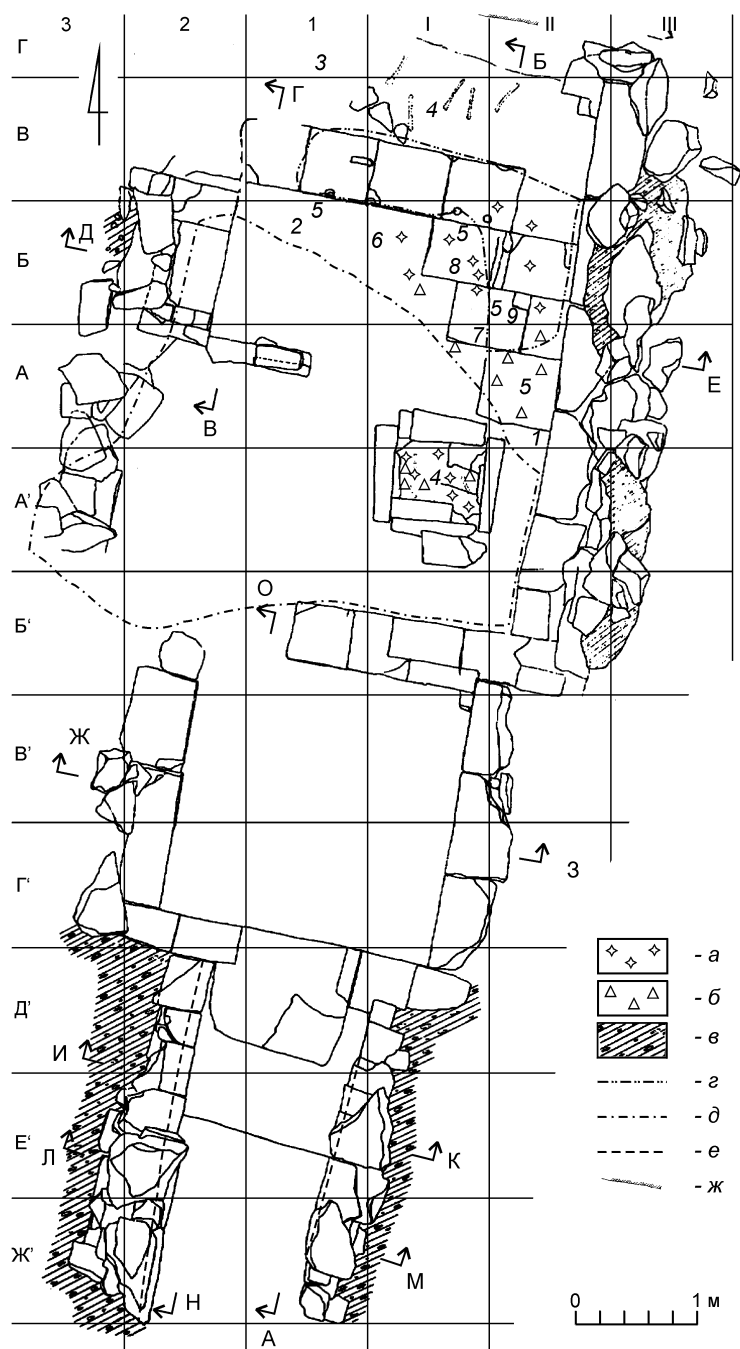

Рис. 3. Некрополь Китея, склеп № 141, план: 1 – перстень белого металла с сердоликовой инталией; 2–3, 5 – монеты; 4 – фрагменты костей человека; 6 – фрагменты бронзовых предметов; 7 – пряжка бронзовая; 8 – пряжка железная; 9 – пронизь желтого металла. Условные обозначения: а – фрагменты керамики; б – фрагменты стекла; в – щебень; з – граница грабительского хода; д – граница распространения грунта с четко выраженными слоями; е – невидимый край; жс – материковый грунт

до задней северной стенки погребальной камеры – около 9 м (рис. 3). Стены склепа были сложены насухо из блоков и плит известняка. В дромосе они сохранились, возможно, на всю первоначальную высоту – до 1,5 м. Дромос имел почти правильную прямоугольную форму, немного расширяясь к входному проему (длина – 3 м, ширина – 1,25–1,4 м). В южной части, на протяжении 1,8 м пол (выровненная материковая глина) плавно понижался пандусом (высота перепада – 0,5 м), переходя в горизонтальную подквадратную площадку (1,25 × 1,4 м). В северную ее часть, вровень с ней была впущена известняковая плита (0,95–1,1 × 0,9 м, толщиной 0,2 м), служившая основанием для порога и закладной плиты. Обращает на себя внимание различный характер кладки стен в южной и северной частях дромоса. В южной части на протяжении около 1,3 м преобладают необработанные (или грубо подтесанные) камни неправильной формы, засыпанные грунтом со щебнем (особенно наглядно это прослеживается в западной стене). В северной части, ближе ко входу в камеру кладка приобретает совершенно иной, регулярный характер – гладко отесанные, в большинстве своем уплощенные блоки известняка (размерами от 0,5 × 0,5 × 0,1 м до 1,1 × 0,55 × 0,4 м), тщательно подобраны и положены вперевязку – со смещением в рядах относительно друг друга. Нижние ряды составлены из монументальных блоков, верхние – из блоков меньшего размера. Вероятно из-за этого под давлением грунта верхние ряды немного сместились внутрь дромоса и у стен образовался небольшой отрицательный уклон, но нельзя исключить, что такая конструкция была частью изначального архитектурного плана. Дромос от малой камеры (преддверия) отделяла стена, длиной около 3 м. Судя по сохранившимся в середине (на предпороговой плите) блокам, ширина входного проема составляла 0,85 м (рис. 3–4; 6, 1).

Первая (малая) камера имела подквадратную форму со стороной 2,15–2,25 м (рис. 3–4; 6, 2). В южной стене, отделявшей ее от дромоса, кладка сохранилась на высоту 0,8–1 м. В основание ее были положены уплощенные плиты известняка высотой до 0,2 м, а на них поставлены блоки в форме параллелепипедов, размерами от 0,3 × 0,3 × 0,5 м до 0,35 × 0,45 × 0,7 м. Восточная стена камеры сохранилась на высоту 0,75 м. При ее сооружении был использован тот же строительный прием: уплощенные плиты известняка (0,7–0,8 × 0,2 м, толщина не установлена) уложены в основании, и на них поставлены мощные, гладко отесанные с трех сторон блоки (0,55 × 0,75–0,8 м, толщиной 0,35–0,45 м), имеющие правильный прямоугольный фас на внутренней стороне и рваную, необработанную внешнюю поверхность (возможно, для большего сцепления с грунтом забутовки). Блоки второго ряда также были немного сдвинуты по отношению к плитам основания. Западная стена этой камеры сохранилась на высоту 0,85 м, но, в отличие от восточной, не полностью. В южной половине – на плиту основания (1,1 × 0,18–0,2 м) были поставлены два блока такой же длины (0,33 × 0,35 м в сечении) и без «перевязки». В северной половине сохранилась только плита основания (0,7 × 0,5–0,55 м, толщиной 0,18 м). Следы вымостки в этой камере не сохранились и полом, по всей вероятности, служила выровненная материковая глина. Перепад высоты между уровнем пола в дромосе и малой камере составлял 0,15–0,2 м.

Вторая (погребальная) камера также была отделена от первой с юга стеной с входным проемом. Максимальная высота сохранившейся части южной стены – 0,7 м. Строительный прием – известняковая плита плашмя в основании и блок сверху – тот же, что был зафиксирован при сооружении стен малой камеры. Две состыкованные плиты основания (длина уходящей в восточную бровку – не менее 0,85 м, второй – 0,8 м) и часть пороговой плиты (длина – 0,4 м) имели одинаковый «модуль»: ширину – 0,45–0,5 м и высоту – 0,2 м. Над ними сохранился лишь один блок, длиной не менее 1,25 м (уходит в восточную бровку) и высотой 0,5–0,4 м (в западной части по всей поверхности он имел запил под блок верхнего ряда). Восточная стена – плиты основания и один ряд блоков над ними – сохранилась по всей

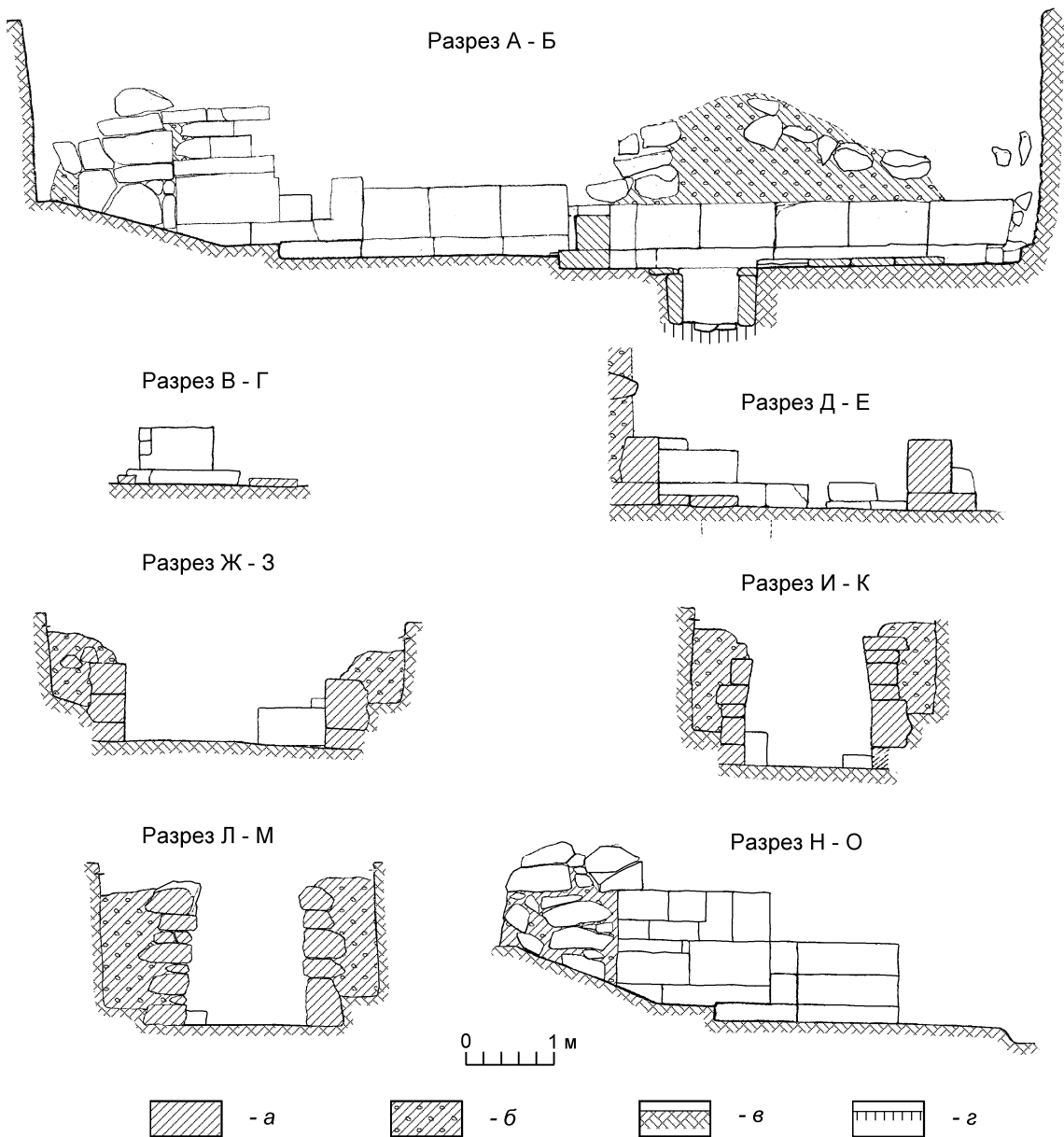

Рис. 4. Некрополь Китея, склеп № 141, разрезы: а – камни, попадающие в разрез; б – щебень; в – материковый суглинок; г – скала

длине (4,5 м) на высоту 0,7 м. Высота плит, как и в малой камере, – 0,2 м, блоков – 0,5 м. Длина шести блоков колеблется от 0,35 до 0,9 м, толщина – от 0,4 до 0,45 м. При тщательно выровненной внутренней поверхности внешняя сторона, как и в малой камере, была оставлена «рваной». Помимо этого, в нескольких местах на внутренней стороне стен сохранились следы белой штукатурки, а розоватый оттенок позволяет предположить, что она была окра-

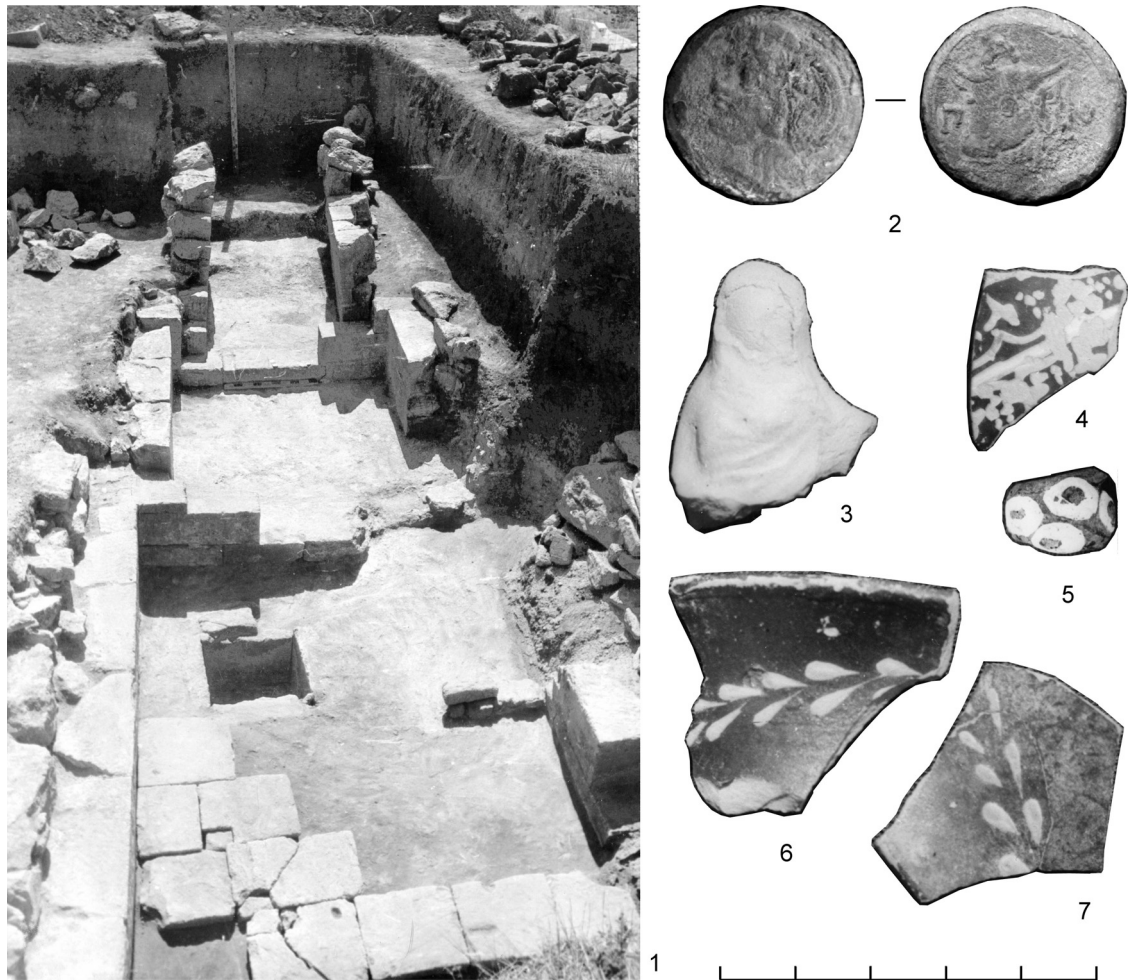

Рис. 5. Некрополь Китея, склеп № 141: 1 – вид с севера; 2–7 – эллинистические находки (2 – пантикапейский обол – аверс и реверс; 3 – фрагмент терракотовой статуэтки; 4 – фрагмент краснофигурного сосуда; 5 – бусина глазчатая, керамическая; 6–7 – фрагменты чернолакового канфара с накладным орнаментом, выполненным белой краской)

шена. С северной и западной сторон стены камеры практически не сохранились. Размеры камеры – $4,5 \times 2,7$ – $2,8$ м – устанавливаются по следам пола (рис. 3–4; 5, 1).

В юго-восточном углу камеры была обнаружена квадратная ($0,7 \times 0,7$ м) яма глубиной $0,6$ – $0,7$ м, точно сориентированная по сторонам света. Стенки ямы были облицованы поставленными на ребро известняковыми плитами толщиной $0,15$ – $0,2$ м. Дно ямы также было покрыто плитой известняка, растрескавшейся к моменту обнаружения. Назначение ямы остается непонятым. Можно лишь предположить, что ее использовали при совершении погребально-поминальных обрядов (рис. 3–4; 5, 1).

Пол во второй камере был на $0,15$ м ниже, чем в первой, и вымощен известняковыми плитами, которые имели правильную подквадратную или прямоугольную форму ($0,4$ – $0,5 \times 0,5$ –

1

2

Рис. 6. Некрополь Китея, склеп № 141: 1 – вид с юго-запада; 2 – вид с запада

0,7 м, толщиной 0,1–0,12 м). Все боковые грани плит были стесаны книзу, что придавало им в сечении вид трапеции. Вероятно, это было сделано для придания им большей устойчивости и более жесткого сцепления друг с другом. На многих плитах, как лежавших *in situ*, так и извлеченных на поверхность грабителями, имелись лунки (иногда сдвоенные) диаметром 0,05–0,08 м и такой же глубины. Назначение их остается непонятным и синхронность склепу

не очевидна. Они вполне могли появиться и при вторичном его использовании, тем более, что подобные лунки, предположительно предназначавшиеся для ритуальных воскурений и возлияний, известны в погребальных памятниках римского времени.

Из амфорной керамики к эллинистической, потенциально синхронной времени сооружения склепа, относились фрагменты хиосской, фасосской, гераклеийской и синопской, суммарно датирующиеся последней третью IV–началом III в. до н. э.¹ Среди кружальной керамики к этому же времени могут относиться фрагменты краснофигурного сосуда (рис. 5, 4), чернолаковых сосудов, в том числе верхняя часть стенки с венчиком канфара с накладным орнаментом (лавровые листья), нанесенным белой краской (рис. 5, 6–7). По достаточно близкой аналогии канфар также датируется концом IV–началом III в. до н. э. (Брашинский 1980: 65, табл. XXXVIII, 14–15). К эллинистическому времени, скорее всего, относится и фрагмент (верхняя половина) терракотовой статуэтки, изображающей женщину в гиматии (лицо не проработано или стерто – рис. 5, 3) (ср. Клейман 1970: 25, табл. 3, 1). Одной из наиболее ранних и хорошо датируемых находок из этого комплекса стала медная пантикапейская монета (обол): аверс – голова юного сатира влево; реверс – голова быка влево, надпись «ΠΑΝ» (рис. 5, 2). По атрибуции А. М. Гилевич,² она отчеканена в Пантикапее в конце IV в. до н. э. Близкую по типу монету В. А. Анохин датирует около 294–284 гг. до н. э. (Анохин 1986: 141, кат. № 124, табл. 4), а М. Г. Абрамзон и О. А. Иванина – 315–300 гг. до н. э. (Абрамзон, Иванина 2010: 88, кат. № 168, табл. 85). К V–III вв. до н. э. может относиться и глазчатая бусина (синяя с сине-белыми глазками) на керамической основе (рис. 5, 5) (Алексеева 1975: 68, тип 78а).

Остальные находки (за исключением многочисленных фрагментов эллинистических амфор и чернолаковой керамики) относятся к периоду вторичного использования склепа в римское время, преимущественно в III–IV вв. н. э.

Ближайшими аналогиями склепу № 141 оказались расположенные в непосредственной близости склепы № 206 и 300. То, что на сравнительно небольшом расстоянии от западной крепостной стены Китея в раннеэллинистическое время сооружали огромные склепы из блоков и плит известняка, перекрытые, по всей вероятности, полуциркульными сводами, ставит чрезвычайно важный и интересный вопрос о социальной и этнокультурной принадлежности тех, для кого эти склепы предназначались.

Абрамзон, Иванина 2010 – *Абрамзон М. Г., Иванина О. А.* Из собрания Керченского историко-культурного заповедника: Нумизматическая коллекция. Античные монеты. Киев, 2010. Т. 2.

Алексеева 1975 – *Алексеева Е. М.* Античные бусы Северного Причерноморья. М., 1975 (САИ. Вып. Г1-12).

Анохин 1986 – *Анохин В. А.* Монетное дело Боспора. Киев, 1986.

Брашинский 1980 – *Брашинский И. Б.* Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V–III вв. до н. э. Л., 1980.

Клейман 1970 – *Клейман И. Б.* Статуэтки из Тиры // Терракоты Северного Причерноморья. М., 1970. С. 25–27 (САИ. Вып. Г1-11).

¹ Публикация всех эллинистических клейм с юго-западного участка некрополя Китея находится в стадии подготовки. В настоящем сборнике представлено одно из редких римских клейм, найденных здесь же, в зоне береговой абразии, в мешаном культурном слое IV–III вв. до н. э. – III–IV вв. н. э.

² Устная консультация А. М. Гилевич в 1994 г.

НАХОДКА РИМСКОГО КЛЕЙМА В КИТЕЕ¹

Н. А. Павличенко

В 2012 г. в ходе исследования в зоне береговой абразии юго-западного участка некрополя Китея (к западу от западной крепостной стены Китея) в мешаном культурном слое IV в. до н. э.–IV в. н. э. среди прочего керамического материала был обнаружен верхний прилеп цилиндрической амфорной ручки с клеймом Visell[i] (рис. 1, 1).² И состав глиняного теста (оно красновато-желтого цвета, с включениями мелких частиц известняка и пироксена), и форма ручки,³ и клеймо указывают на ее принадлежность амфоре типа Brindisi.

Амфоры с клеймом Viselli (см., напр., CIL 1869: vol. II, no. 4968.15; 1873: vol. III, no. 6545.15; 1883: vol. IX, no. 6079.57; Callender 1965: 266, no. 1794; Rovira Guardiola 2004: 304–307, no. 71; CEIPAC: no. 25488) производились в Апулии в одной из амфорных мастерских, находившихся на территории *ager Brundisinus* (Attema, Burgers, van Leusen 2010: 69–70), и относятся к продукции самого раннего этапа существования амфорной мастерской в Джанкола (Giancola), датирующегося рубежом первой и второй четверти I в. до н. э. (Manacorda 1994: 4; Cocchiato et al. 2005: 6). Помимо клейма с именем владельца мастерской такие амфоры обычно имеют дополнительный штамп с именем гончара на второй ручке (Manacorda 2003: 301–305, Tab. 1).

По мнению Даниеле Манакорда, Viselli – это генитив имени *dominus fundi*. Он предполагает, что им был находившийся в родстве с Цицероном Гай Визелий Варрон, умерший в 58 г. до н. э. (Manacorda 1990: 383–384; 1994: 4–5; 2003: 298; ср. также: Silvestrini 1996: 35; Garozzo 2003: 622).

Амфоры из мастерской Джанколы предназначались для транспортировки оливкового масла, ареал их распространения достаточно широк и включает не только Италию, но и Иберию, Галлию, Египет, Палестину, Восточное Средиземноморье, Малую Азию (Cipriano, Carre 1989: 95–96; Manacorda 1990: 382; Cambi 2000: 183; Rovira Guardiola 2004: 257–259). Несколько экземпляров было обнаружено и в Причерноморье. Так, М. Мирчев опубликовал гончарное клеймо Луcao(---) из раскопок Одессоса (Мирчев 1958: 63). В Пантикапее были найдены две клейменные ручки амфор этого типа, в настоящее время хранящиеся в Государственном Эрмитаже (Санкт-Петербург): одна (ОАК за 1860 г.: 175, № 7; Придик 1917: 60, № 6; CIL 1873: vol. III.2, no. 6243.3; ГЭ. № П.1860.35) с клеймом Viselli другого штампа

---

¹ Автор выражает искреннюю признательность руководству российско-украинской экспедиции на некрополях Китея и Илурата А. В. Буйских и В. А. Хршановскому за разрешение опубликовать это клеймо.

² В настоящее время клеймо хранится в Керченском историко-культурном заповеднике (инв. № КП-181959). Хотелось бы поблагодарить сотрудников заповедника за помощь и содействие в работе.

³ http://archaeologydataservice.ac.uk/archives/view/amphora_ahrb_2005/character.cfm?id=51&CFID=3682789&CFTOKEN=45257564

Рис. 1. Ручки амфор из мастерской Джанколы: 1 – римское клеймо из раскопок Китея 2012 г.; 2–3 – из Пантикалея: 2 – клеймо Viselli (ГЭ № П.1860.35); 3 – гончарное клеймо Apolonida (ГЭ № П.1864.110)

(рис. 1, 2), и вторая (ОАК за 1864 г.: 220, № 70; Придик 1917: 60, № 4; CIL 1873: vol. III.2, no. 6243.1; ГЭ. № П.1864.110) с гончарным клеймом Apolonida (sic!) (рис. 1, 3).

Находка китейского клейма 2012 г. хотя и не позволяет говорить об экспорте оливкового масла из Италии в Восточный Крым, тем более, что амфора могла попасть в Китей и в качестве пустой тары, однако она увеличивает число известных нам римских клейм, найденных в Причерноморье.

Мирчев 1958 – *Мирчев М.* Амфорните печати от музея във Варна. София, 1958.

ОАК за 1860 г. – Отчет Императорской Археологической комиссии за 1860 г. СПб., 1862.

ОАК за 1864 г. – Отчет Императорской Археологической комиссии за 1864 г. СПб., 1865.

Придик 1917 – *Придик Е. М.* Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горлышках и на черепицах Эрмитажного собрания. Пг., 1917.

Attema, Burgers, van Leusen 2010 – *Attema P., Burgers G.-J., van Leusen M.* Regional pathways to complexity: settlement and land-use dynamics in early Italy from the Bronze Age to the Republican period. Amsterdam, 2010.

Callender 1965 – Callender M. H. Roman amphorae with index of stamps. London, 1965.

Cambi 2000 – Cambi F. Pottery and territory: a tormented relationship // Francovich R., Patterson H., Barker G. The archaeology of Mediterranean landscapes 5. Extracting meaning from ploughsoil assemblages. Oxford, 2000. P. 183.

CEIPAC – Centro para el estudio de la interdependencia provincial en la antigüedad clásica. URL: http://ceipac.gh.ub.es/index_en.html

CIL – Corpus inscriptionum latinarum, Berolini. Vol. II – 1869; vol. III – 1873; vol. IX – 1883.

Cipriano, Carre 1989 – *Cipriano M. T., Carre M.-B.* Production et typologie des amphores sur la côte adriatique de l'Italie // Amphores romaines et histoire économique: dix ans de recherche, Rome, 1989. P. 95–96 (Collection de l'École Française de Rome. 114).

- Cocchiaro et al. 2005 – *Cocchiaro A., Palazzo P., Annese C., Disantarosa G., Leone D.* La ricerca archeologica nell'ager Brundisinus: lo scavo della villa di Giancola // *Volpe G., Turchiano M.* Paesaggi e insediamenti rurali in Italia meridionale fra Tardoantico e Altomedioevo. Seminari sul Tardoantico e l'Altomedioevo in Italia meridionale I (Foggia 12–14 febbraio 2004). Bari, 2005. P. 21.
- Garozzo 2003 – *Garozzo B.* Nuovi dati sull'instrumentum domesticum bollato – anfore e laterizi – dal Palermitano // *Quarte giornate internazionali di studi sull'area elima (Erice, 1–4 dicembre 2000)*. Atti. Vol. I. Piza, 2003. P. 622.
- Manacorda 1990 – *Manacorda D.* Le fornaci di Visellio. Primi risultati dello scavo. Bari, 1990 (*Vetera Christianorum*. Vol. 27).
- Manacorda 1994 – *Manacorda D.* Produzione agricola, produzione ceramica e proprietà della terra nella Calabria romana tra Repubblica e Impero // *Epigrafia della produzione e della distribuzione* (Roma 5–6 Giugno 1992). Roma, 1994. P. 4–5.
- Manacorda 2003 – *Manacorda D.* Schiavi e padroni nell'antica puglia Romana: produzione e commerci // *L'Archeologia dell'Adriatico dalla Preistoria al Medioevo*. Atti del convegno internazionale (Ravenna, 7-8-9- giugno 2001). A cura di Fiamma Lenzi. Roma, 2003. P. 298, 301–305.
- Rovira Guardiola 2004 – *Rovira Guardiola R.* Las relaciones comerciales entre Hispania y las provincias orientales durante el Alto Imperio romano. 5. La evidencia arguelogógica. Egipto y las ánforas brindisinas. Barcelona, 2004.
- Silvestrini 1996 – *Silvestrini M.* Le élites municipales dai Gracchi a Nerone: Apulia e Calabria // *Cebeillac-Gervasoni M.* Les élites municipales de l'Italie péninsulaire des Gracques à Néron. Naples; Rome, 1996. P. 35.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВ – Археологические вести. СПб.; М.
АН – Академия наук
БИ – Боспорские исследования. Симферополь; Керчь.
БЧ – Боспорские чтения. Керчь.
ВДИ – Вестник древней истории. М.
ГАИМК – Государственная Академия истории материальной культуры. Л.
ГШ – грабительский шурф.
ГЭ – Государственный Эрмитаж. Л., СПб.
ДБ – Древности Боспора. М.
ДБК – Древности Босфора Киммерийского. СПб., 1854.
ЗИИМК – Записки ИИМК РАН. СПб.
ИАК – Известия Императорской Археологической комиссии. СПб.
ИИМК – Институт истории материальной культуры. Л., СПб.
КБН – Корпус боспорских надписей. М.; Л., 1965.
КП – книга поступлений
КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М.; Л.
КСИИМК – Краткие сообщения ИИМК АН СССР. М.; Л.
ЛГУ – Ленинградский государственный университет
ЛОИА – Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МАР – Материалы по археологии России. СПб.
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
МИАК – Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар.
НА – Научный архив
ОАК – Отчет Императорской Археологической комиссии. СПб.
ПГ – протогеометрический
РА – Рукописный архив
РАН – Российская Академия наук
СА – Советская археология. М.
САИ – Свод археологических источников. М.; Л.
СГМИИ – Сообщения государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. М.
СПб ИИ – Санкт-Петербургский Институт истории РАН
ТГЭ – Труды ГЭ. Л.; СПб.
ЭГ – Эпос о Гильгамеше
APh – L'Année philologique. Bibliographie critique et analytique de l'Antiquité gréco-latine fondée par J. Marouzeau. 1914–.
CEIPAC – Centro para el estudio de la interdependencia provincial en la antigüedad clásica
CIL – Corpus inscriptionum latinarum, Berolini.
CVA – Corpus Vasorum Antiquorum.
JDI – Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts. Berlin.
LIMC – Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae. Zürich; München; Düsseldorf, 1981–1999.
RE – Paulys Realencyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft

Научное издание

ФИДИТИЯ.
Памяти Юрия Викторовича Андреева

Издательство «ДМИТРИЙ БУЛАНИН»
Согласно Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ
«О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» книга
предназначена «для детей старше 16 лет»
Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-000-5-93; 95 3001 — книги,
95 3150 — литература по истории и историческим наукам

Подписано в печать 26.09.2013. Формат 60×84 1/8.
Гарнитура Times New Roman. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 8,7. Усл.-печ. л. 13,02.
Тираж 300 экз. Заказ № 3824

Печать с готового оригинал-макета
Первая Академическая типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия, 12/28

Заказы присылать по адресу:
«ДМИТРИЙ БУЛАНИН»
197110, С.-Петербург, ул. Петрозаводская, 9, лит. А, пом. 1Н
Телефон/факс: (812) 230-97-87
sales@dbulanin.ru (отдел реализации)
postbook@dbulanin.ru (книга-почтой)
redaktor@dbulanin.ru (издательский отдел)
[http:// www.dbulanin.ru](http://www.dbulanin.ru)

ISBN 978-5-86007-747-8

9 785860 077478